

И Ю Н Ь | 2 0 2 0

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КАПРИЗЫ ПОГОДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ПАРАД ПОБЕДЫ, КАК ПРИ СТАЛИНЕ И СУВОРОВЕ

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО В ЭТОМ ГОДУ ИЗ-ЗА ПАНДЕМИИ коронавирусной инфекции юбилейный парад Победы назначен президентом России на 24 июня. Решение, с одной стороны, вынужденное, с другой – получился глубокий символизм. Ведь именно 24 июня 1945 года состоялся первый Парад Победы на Красной площади.

Идея его родилась неожиданно и приписана, разумеется, Сталину, хотя, может, ему кто и подсказал. А в той церемонии, когда 200 советских солдат бросали к подножию Мавзолея Ленина 200 знамен, захваченных у нацистской Германии (там было также примерно два десятка знамен еще королевской Пруссии и кайзеровской Германии), тоже ведь был определенный символизм, уходящий корнями в глубокую историю. Ну, во-первых, сложные перестроения, которые осуществляли советские воины, участвовавшие в этой церемонии, были позаимствованы еще у римских легионов. Во-вторых и в-главных, сама традиция выражения такого публичного презрения к вражеским штандартам, «публичной казни» была основана еще русским полководцем Александром Суворовым. А уж он знал толк в победах.

В этом смысле, чем прочнее исторические традиции и чем большую роль они занимают в самосознании нашего народа, тем проще бывает находить даже в самой непростой ситуации решения, которые будут оправданными и логичными, встраиваясь естественно в нашу современность. Потому что в нашей истории было все. И все еще будет.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

06 Бронебойщик

12 Победа
в переводе
не нуждается

ИНТЕРВЬЮ

16 Царь-голод

22 «Три танкиста»,
«Катюша» и гимн России

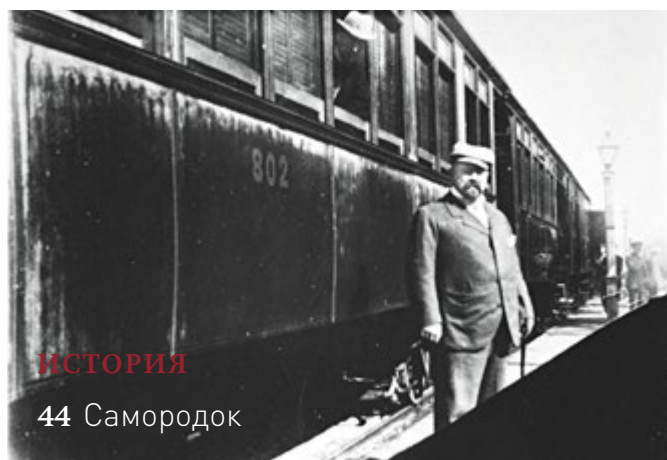
26 Вирус творчества

32 Разговоры
о погоде

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

38 «Всяко зло за добро»

ИСТОРИЯ

44 Самородок

НАСЛЕДИЕ

50 Конец
золотого века

58 Любимый Васнецов

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

66 Русский интеллигент классической эпохи

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Руки поют

РЕПОРТАЖ

80 Церковь на «железной луне»

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Терема
Кимжи

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Дмитрий ЗЛОДОРОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА
Денис ХРУСТАЛЁВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественно-национального фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.

Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.

Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

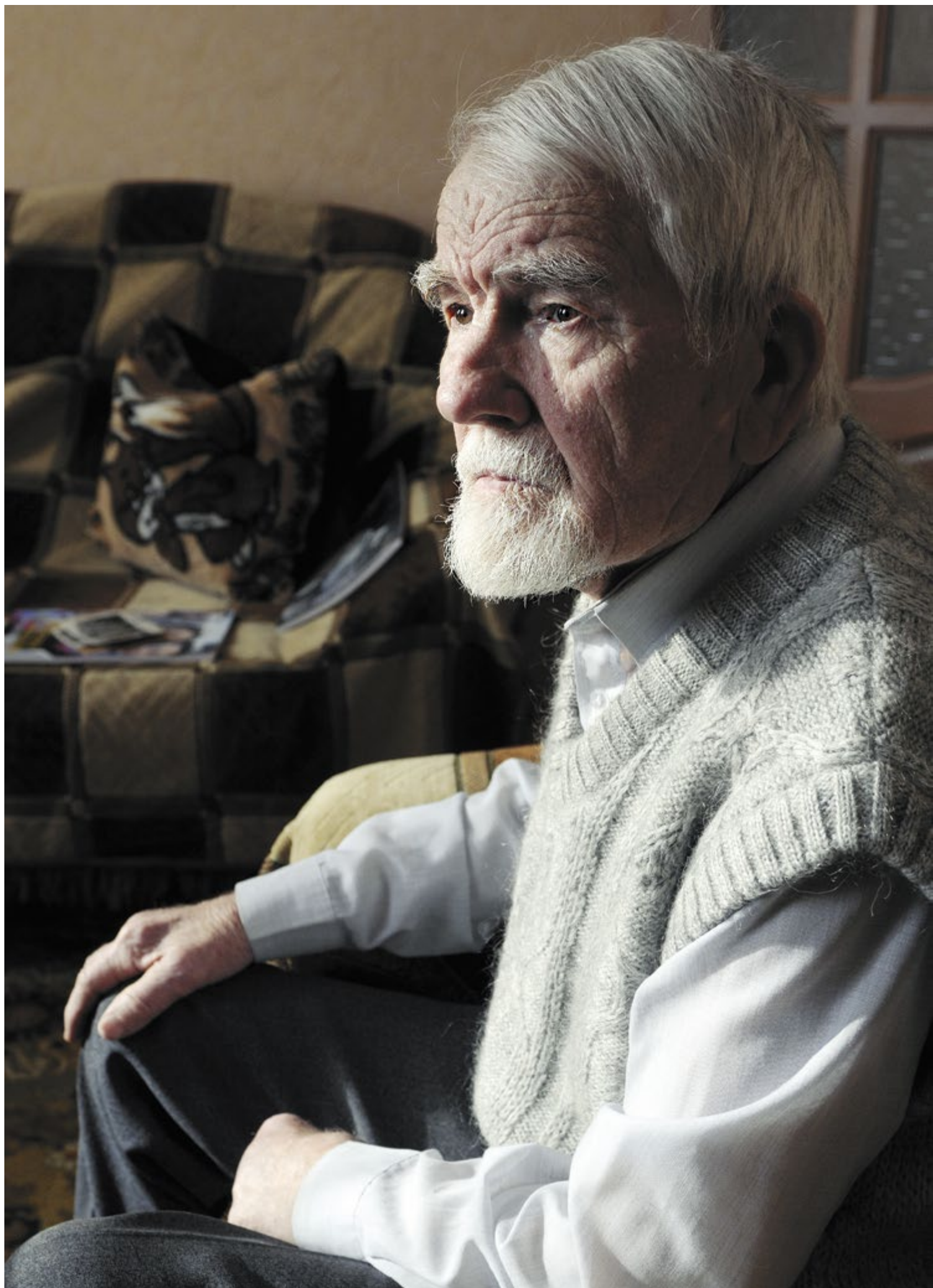
ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

БРОНЕБОЙЩИК

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА ОДНОМ ИЗ ПОСЛЕДНИХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДНЮ ПОБЕДЫ, ЖИТЕЛЬ ТАТАРСКОГО СЕЛА ЛЯМБИРЬ КАСИМ САДЫКОВИЧ ИСКАНДЯРОВ УСЛЫШАЛ ОБЪЯВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО НА ПОЛУ НАЙДЕНА ПОТЕРЯННАЯ КЕМ-ТО МЕДАЛЬ. ПОСМЕЯЛСЯ С ТОВАРИЩАМИ-ВETERАНАМИ: «ЕСТЬ ЖЕ ТАКИЕ РАСТЯПЫ!» А ВЕРНУВШИСЬ ДОМОЙ, НЕДОСЧИТАЛСЯ НА ПИДЖАКЕ НАГРАДЫ.

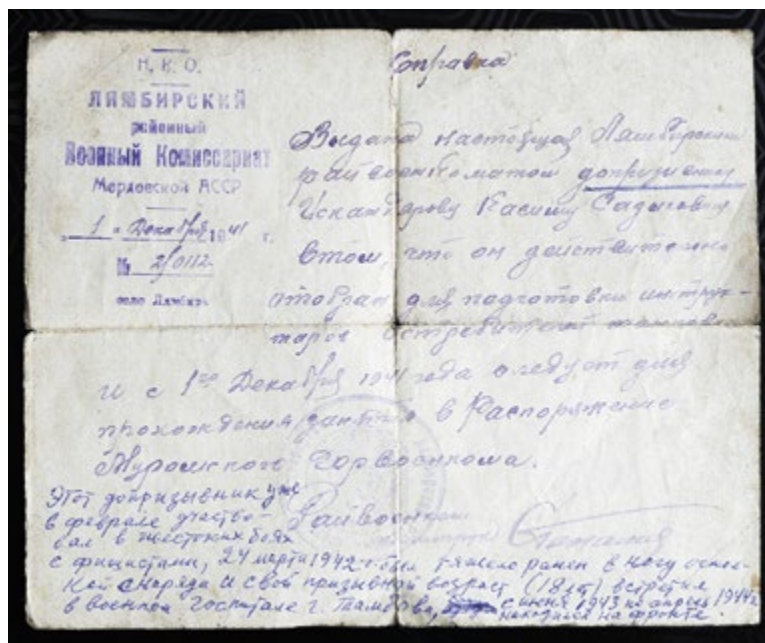
ДОЧЬ ВETERАНА КЛАРА даже не стала просить отца заявить о пропавшей медали. Потому что знает, как спокойно относится отец к наградам. Так же, как и его близкий друг Хяким Шаркаев, вместе с которым Касим Садыкович воевал под Москвой в трудные первые месяцы 1942 года. Фронтовики радовались не наградам, а тому, что с войны живыми вернулись. Великую Отечественную Касим Садыкович прошел с ПТР – противотанковым ружьем. Таких бойцов называли бронбойщиками. «В 1941 году у русских было 14,5-миллиметровое ПТР <...> доставившее немало хлоп-

пот нашим танкам и появившимся позднее легким бронетранспортерам», – писал генерал-лейтенант вермахта Эрих Шнейдер. «Русские очень ловко располагали эти средства, и, кажется, не было такого места, где бы их ни оказалось», – вспоминал генерал-майор Фридрих фон Меллентин. Нередко подразделения ПТР воевали в составе передовых и разведотрядов, особенно в той местности, куда было трудно доставить артиллерию. Расчеты бронбойщиков уничтожала авиация, за ними охотились немецкие снайперы. Считается, что встретить после войны тех, кто был бронбойщиком, большая редкость.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

По просьбе 96-летнего Касима Садыковича Клара приносит и бережно кладет на стол серенький ветхий квадратик бумаги. Ветеран осторожно разворачивает листок, чтобы бумага не порвалась на сгибах. Для семьи Искандяровых это – семейная реликвия. Справка, выданная Лямбирским районным военным комиссариатом допризывнику Искандярову Касиму Садыковичу в том, что он отобран для подготовки инструкторов истребителей танков и с 1 декабря 1941 года следует для прохождения занятий в распоряжение Муромского горвоенкомата. С этого затертого листочка и началась военная биография бронбойщика. На фронт Касим попал в 17 лет. После окончания педучилища он с товарищем Хякимом Шаркаевым преподавал в татарских школах. В ноябре 1941 года первый секретарь Лямбирского райкома комсомола вызвал их и объявил, что требуются добровольцы. «Мы готовы!» – ответили друзья. Родителям и бабушке Касим впервые в жизни сказал неправду: якобы едет по направлению военкомата учиться в Муром на инструктора истребителей танков. Будет потом в своем районе обучать молодежь. Не хотел волновать родителей. Ведь старший брат Касима, Фатих, пропал без вести в первые дни войны, успев отправить родителям открытку, что служит хорошо и сам здоров. Датирована она была 22 июня, отправлена из села Шепетовка.

Касим, Хяким и два их односельчанина, Герасимов и Корнишин, отправились в путь. В запасном 206-м стрелковом полку в Муроме их научили стрелять из противотанковых ружей и обращаться с гранатами. В феврале 1942 года Искандяров, Шаркаев и Корнишин добровольцами отправились на фронт под Москву.

Убеленный сединами ветеран получил этот документ, будучи 17-летним безусым юношей!

Свое совершеннолетие Касим встретил в госпитале Тамбова. Ранение в ногу он получил осколком мины во время боев за освобождение деревушки в Калужской области 24 марта 1942 года. Бежали на лыжах короткими перебежками по опушке леса. Немцы обнаружили отряд и засыпали снарядами и минами так, что почти все погибли. Командир взвода, у которого Касим был связным в той атаке, тоже погиб.

Долечиваться Касима отправили домой. Все село пришло посмотреть на него: он был первый, кто приехал с фронта на побывку. Родные от него не отходили: оказывается, Хяким Шаркаев, после того как отряд, в котором был Касим, попал под обстрел, написал его родителям, что друга после того боя он больше не видел. Сам Касим о своем военном опыте односельчанам не рассказывал. Шутил, что даже немецких

солдат близко не видел. Они, дескать, в избах сидят и у печей греются. Боятся на мороз нос показать. Мол, стрелял из винтовки вместе со всеми, куда командир укажет, и лежал подолгу на снегу под минометным огнем. Хвалил обмундирование: маскхалат, шинель, валенки, телогрейку... В маленьком татарском колхозе из 25 дворов эти рассказы слушали с большим вниманием.

Конечно, Касим мог рассказать о войне гораздо больше. О том, как визжат снаряды и мины. Как он бежал в атаку, а потом лежал в снегу в линии бойцов, которые, как и он, были в маскхалатах. И как все они были убиты... Но не стал. Даже отцу ничего не рассказывал. Тот его и так ругал. Когда Касим отправлялся на курсы в Муром, мать втайне от отца дала сыну теплую овчинную шубу. В Муроме выдали обмундирование, шубу забрали и обещали отослать домой. Но, видать, что-

то напутали или шуба затерялась. Строгий отец Касима, председатель колхоза Садык Айнуллович, имел награду – орден Трудового Красного Знамени. Его колхоз не голодал. Хозяйственный Садык Айнуллович сетовал: в чем будет зимой сын после войны ходить? Но Касим об этом даже и подумывать не мог. Какой конец войны? Если бы отец видел, что там происходит!

О том, что происходит на войне, Касим мог говорить только с Хякимом. Тот тоже вернулся в село на побывку после ранения. Во второй раз Хяким на фронт не попал. Его отправили зенитчиком под Москву, где он и служил до конца войны.

Пробыв дома полтора месяца, Касим 1 августа отправился в военкомат на комиссию. Ему предписали еще два месяца лечиться в госпитале и временно определили в комендантский взвод – на нестроевую службу.

Руки, устало лежащие на коленях, помнят тяжесть противотанкового ружья...

ДОРОГИ ВОЙНЫ

На Западном фронте готовилось большое наступление. Словосочетание «Курская дуга» еще не было известно, но участником этого грандиозного сражения, где главная роль отводилась танкам, и предстояло стать бронбойщику Касиму...

О том, как трудно возвращаться на фронт, Касим наслушался еще от соседей по госпитальным койкам. Когда в июне 1943 года он прибыл в 426-й стрелковый полк 78-й дивизии 10-й армии Западного фронта и услышал на передовой рев снарядов, то в голове пронеслась зловещая мысль: «Опять!» Втянуться во фронтовые будни ему удалось быстро. Он заметил, что теперь и обученных людей на

фронте было больше, и техника получше.

С июня 1943-го до конца марта 1944 года Касим с противотанковым ружьем на плече прошел тысячу километров через поля и леса. Городов не видел. Точнее, видел руины, в которые они превратились. Видел перепаханые бомбами и снарядами поля, видел дороги. Вернее, сплошные воронки. Сколько сапог Касим сносил, он и сам не помнит. Когда сапог не хватало, носил ботинки с обмотками. Вот только строевой шаг ему плохо давался: сказывалось ранение в ногу.

В строю и на привалах Касим наслушался разговоров об эффективности противотанкового ружья. Танк с легкой бро-

ней они еще могли остановить, а вот против тяжелых «тигров», о которых ходили зловещие слухи, нужна все-таки артиллерия. Роты бронбойщиков были в каждом стрелковом полку. Противотанковое ружье обслуживали два человека: один наводит, другой заряжает. Тот, кто наводит, тот – «первый номер» и командир расчета. Длина противотанкового ружья – 2 метра, весит оно 16 килограммов, дальность стрельбы – 500–800 метров. Остановить танк можно из ПТР попаданием либо под башню, либо в бензобак, либо в гусеницу...

Касим Садыкович до сих пор может показать сыновьям и внукам, как надо приклад к плечу приладить и крепко его прижать. Если зазор оставишь, плечо можешь повредить.

Противотанковое ружье – ноша не самая тяжелая. Однако десятки километров с ней прошагать нелегко. Когда везло, Касим пристраивал ПТР на телегу с лошадей. Но чаще он и его напарник несли ружье сами – на плечах. Во время наступления без отдыха в день до 50 километров проходили. Спали на ходу.

Налетам авиации противника предшествовало появление в небе самолета-разведчика. Касим из своего ПТР много раз стрелял по таким, но ни разу сбить их не удалось: пули попадали в цель, а самолету – хоть бы хны. Товарищи над Касимом подшучивали, но тот от намерения сбить самолет не отказывался. Как разведчик в небе покажется, он свое противотанковое ружье на распорки ставит и палит... Если разведчик прошел, надо ждать самолетов. Не успеешь окопаться – пиши пропало. Вообще, вспоминает Касим Садыкович, если даже на час остановились, надо окопаться. Однажды самолеты налетели, когда меняли позицию. От взрывов Касима и его напарника засыпало так, что однополчане отыскивали их только благодаря торчащему из земли стволу ПТР. Откопали саперными лопатками.

Пиджак
с наградами
надевается
только
по праздникам

В своем полку Касим был одним из лучших наводчиков ПТР. Но была у Касима беда: с лета 1943-го по весну 1944 года у него погибли несколько заряжающих. Боялись к Касиму идти «вторым номером». Знали его решительность и стремление поразить цель. А с танками шутки плохи. Близко подпускать эту махину опасно. Бывало, вражеские танки давили расчеты противотанковых ружей. Как-то расчету Искандярова отдали приказ занять боевую позицию. Устроились они в воронке от бомбы. Едва успели окопаться, как увидели отступающих солдат батальона. Те кричали: «Там танки!» А потом началось. Снаряды со всех сторон. Немцы обстреливают, и наши им отвечают. Затем в атаку пошли вражеские танки. Тогда Касим подбил из ПТР свои первые два танка. Остальные повернули назад. Пехота, шедшая за ними, была расстреляна. Это было в Смоленской области в 1943 году.

«ВТОРЫЕ НОМЕРА»

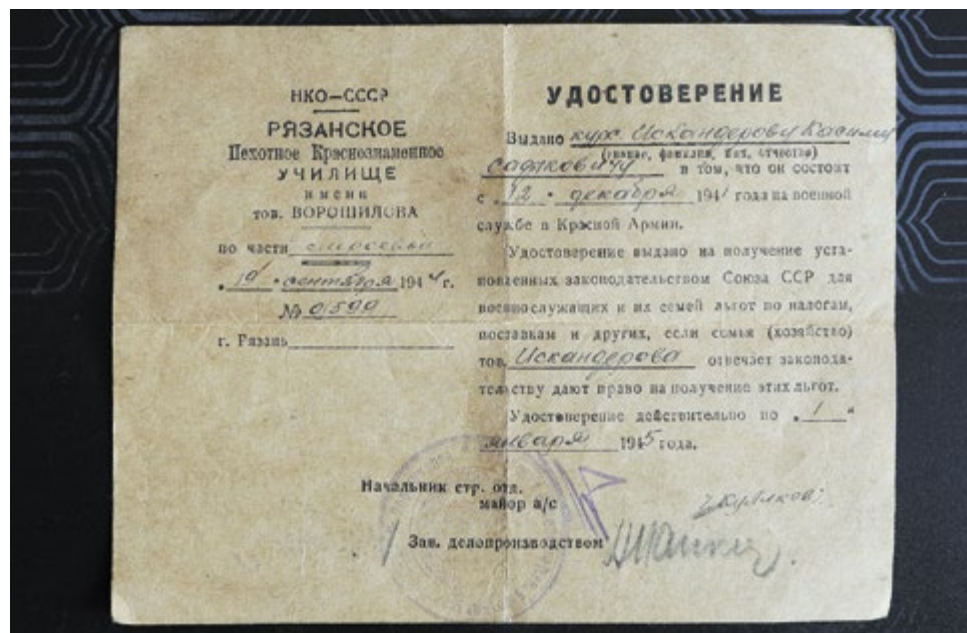
После рассказа об этом Касим Садыкович долго молчит. Потом, вздохнув, уточняет, что танк – большая цель. Попасть можно. Но броню его из ПТР пробить сложно. Обязательно отрикошетит. Он во время боя даже ругался на это. Промаживался редко, но попадание ничего не давало. А потом видел, как этот же танк давит расчеты...

Во время длительных переходов Касима удивляло, что лошади теряли силы, а солдаты продолжали шагать, сгибаясь под тяжестью оружия. Никогда бы он не поверил прежде, что на ходу можно спать. Бывало, заснет боец на ходу и свалится в канаву. Товарищи сзади дергают за хлястик шинели, возвращают в строй. И с Касимом такое бывало, и сам он товарищей так будил. В том числе и своего «второго номера». Много раз они вместе ели из одного котелка, делили кусок хлеба на двоих, собирали дрова в лесу. А потом «второй номер»

погибал, и Касим подбирал нового... И привыкание начиналось заново.

Девять месяцев, с лета 1943-го по весну 1944 года, Касим ни одну ночь не провел под крышей. Спал на земле. Или сооружал с товарищами шалашик из веток. Но какой сон, если всю ночь прилетают мины? Расположение отбитых Красной армией траншей немцам, естественно, было прекрасно известно, и били они по ним очень точно. Если удавалось написать пару строчек домой, то на почту в таких условиях надежды было мало. Фронт – глубиной 40 километров. Касим отправил немало треугольников с фронта отцу, но писем дома не получили, как потом выяснилось. А Касиму очень хотелось дать знать, что он хоть и на передовой, но жив.

Свое противотанковое ружье, которое он получил летом 1943 года, Касим берег, на другое не менял. В полку шло соревнование: какой расчет больше добьет танков. Об Искандярове во фронтовой газете напечатали статью «Вторая профессия». В ней было сказано, что по первой профессии комсомолец Искандяров был учителем, а по второй стал умелым бронебойщиком. Всего Касим Садыкович подбил за войну пять немецких танков.

Кстати, учительствовать на фронте ему тоже пришлось. По поручению командира полка Касим учил русскому языку пополнение из среднеазиатских республик. Мужчины старше 40 лет, попавшие на фронт, плохо знали или вовсе не знали русского языка. Касим переводил им команды командиров, объяснял, почему нельзя разжигать огонь на передовой и вставать в полный рост. Все это нужно было разъяснять быстро и ясно. И все новым и новым солдатам. Убыль в полку была большая. Три командира взвода, где числился Касим, погибли.

А затем Касима направили на учебу в Рязанское военное пехотное училище: из молодых и опытных фронтовиков готовили офицеров. До сих пор со слезами вспоминает Касим прощание с полком. «Как отучишься, – напутствовали его, – возвращайся к нам!»

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Победу Искандяров встретил в училище. Окончил его, но посвящать себя офицерской службе не стал: ранение в ногу по-прежнему давало о себе знать. Домой Касим вернулся с медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». В 1949 году он женился, устроился работать в школу, затем заведовал район-

Хотя и не любил ветеран пользоваться льготами, документ он сохранил на память о войне

Касим Садыкович – пример для всех поколений своей семьи

ным отделом образования, а после его избрали вторым секретарем Лямбирского районного комитета партии. Мать и отец своим сыном гордились, только досадовали на его излишнюю скромность. И офицером быть не захотел, и о войне ничего не говорит, и награды прячет. Старый костюм заносил до дырок на локтях. То же самое ему теперь говорят дети и внуки. Когда его спрашивают, какие трофеи он привез с фронта, то Касим Садыкович только смеется в ответ. В Рязанском пехотном училище он первое время из Устава не мог ни одного предложения ни понять, ни запомнить. Думал, голова от грохота противотанкового ружья окончательно повредилась. Но через месяц ситуация улучшилась. С фронта он привез немецкую финку с костяной ребристой ручкой. В училище сумел ее припрятать, а дома бабуш-

ка увидела, отобрала и в печку бросила. Сказала: чтобы никто случайно не догадался этим оскверненным оружием хлеб резать.

Боевые и юбилейные награды ветеран хранил то на чердаке, то в подвале. Значения особого им не придавал. Надевал их только в праздничные дни, когда последние семнадцать лет работал директором районной средней школы. От школьников суровой правды о войне не скрывал. Рассказывал, что на передовой кормили лучше, чем на учебных курсах. А вражеский танк только в кино с первого выстрела противотанкового ружья загорается.

Старшая дочь Касима Садыковича, Клара, и младший сын, Эльдар, стали врачами. Второй сын, Наиль, – архитектор. Свою жену, учительницу начальных классов, Касим Садыкович похоронил еще в 1986 году.

Когда дети замечают, что отец о чем-то задумывается, то они знают, о чем он грустит. Последним заряжающим противотанкового ружья у Касима был его коллега – учитель. Преподаватель химии и биологии Василий Трофимович Шиманский. Он часто рассказывал Касиму о жене и дочери, оставшихся в Серпухове. Это был единственный заряжающий противотанкового ружья, который, на удивление всего полка, у Искандярова остался живым. После войны Касим Садыкович его искал, а потом перестал. 96-летнему ветерану хочется верить, что где-то на белом свете еще живет «второй номер» его расчета, учитель химии и биологии. И что он рассказывает своим внукам и правнукам о лучшем наводчике противотанкового ружья полка, с которым по-братски на войне делились всем, что имели. 📌

Николай
Зайцев
в мае
1989 года.
США

ПОБЕДА В ПЕРЕВОДЕ НЕ НУЖДАЕТСЯ

АВТОР

ДМИТРИЙ ЗЛОДОРОВ [ВАШИНГТОН]
[ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНЫ АВТОРОМ]

В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ ЮНЫЙ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КОЛЯ ЗАЙЦЕВ ОСВОБОЖДАЛ ОТ ФАШИСТОВ ЛЕНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ, ЛАТВИЮ, ВЕНГРИЮ, АВСТРИЮ, А 9 МАЯ 1945 ГОДА БРАТАЛСЯ С АМЕРИКАНЦАМИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ. СЕГОДНЯ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ, КОТОРОМУ В ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 95 ЛЕТ, РАССКАЗЫВАЕТ О БОВЕМО ПУТИ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК В АМЕРИКЕ, КУДА ЕГО ЗАБРОСИЛА СУДЬБА, ОТНОСЯТСЯ К ВОЕННОЙ ИСТОРИИ.

БОВЕМОЙ ПУТЬ 18-ЛЕТНИЙ Коля Зайцев начал летом 1943 года на Волховском фронте и почти сразу попал в самое пекло. Мгинская наступательная операция, в которой участвовала его 372-я стрелковая дивизия, была одной из самых непродолжительных, но вошла в число наиболее кровопролитных в истории Великой Отечественной войны. За месяц, с 22 июля по 22 августа, погибло более 20 тысяч советских солдат и офицеров, более 60 тысяч были вынуждены отправиться в госпитали.

Моего собеседника Бог уберег от серьезных ранений. У него их не было до самого конца войны, а мелкие повреждения – такие, например, как перебитая ключица – он во внимание не принимал и продолжал воевать.

Я был уверен, что на вопрос, какие чувства совсем еще мальчишка испытал, услышу слова о страхе. Однако Николай Степанович стал рассказывать о том, как ему помогла родная школа в поселке Чесноковка (ныне город Новоалтайск) близ Барнаула, которую он к тому времени окончил. Теперь уже точно можно сказать – помогла выжить. Он не будет лукавить, будто вовсе не боялся, но о страхе скажет потом и совсем вскользь. А сначала он принялся рассказывать о том, как обучение в школьных кружках помогло ему в военном деле. «Школа подготовила меня морально и практически, эти приемы мне пригодились», – говорит ветеран.

Однажды ему поставили задачу выйти из тыла на высоту в районе Мги, где располагался советский стрелковый батальон. Пробираясь пришлось по узкой тропинке вдоль болот и речушек. В небольшом торфяном озере, которое предстояло пересечь, Николай заметил какие-то кочки. «В конце концов по запаху и выцветшим на жаре гимнастеркам на трупах я понял, что это тела наших военных. Но поскольку воронки от больших взрывов не

было, я пришел к выводу, что это работа фашистского снайпера и меня ждет та же участь. Я прицепил пилотку на шест, чтобы отвлечь внимание врага, и быстро выскочил на другой берег озера. Я услышал выстрел сзади. Снайпер пробил пилотку», – вспоминает Николай Степанович. Он быстро перебежал озерцо по кочкам и спрыгнул в траншею. «Получается, наши павшие солдаты спасли меня, – говорит ветеран. – Если бы я не понял, что там засел снайпер, лежать бы мне рядом с ними».

ОГОНЬ ДВУХ БАТАРЕЙ

Свой первый подвиг Николай совершил уже через несколько недель после появления на передовой. Правда, если бы я не спросил, что это за «некоторые достижения», за которые лейтенанту Зайцеву уже через три месяца было присвоено звание старшего лейтенанта, то, вероятно, так и не узнал бы, как он сумел со своим взводом подавить огневую точку противника и спасти многие жизни.

Это была первая боевая задача «желторотика», который только что оказался на передовой. Заключалась она в том, что при подготовке Мгинской насту-

Старший лейтенант Николай Зайцев в июне 1945 года в Будапеште

пательной операции Зайцеву приказали на рассвете вывести взвод на новую огневую позицию и обстрелять фашистскую минометную батарею, чтобы ввести врага в заблуждение относительно количества советских минометных батарей на этом участке фронта. Это задание взвод выполнил.

Как справился и со второй аналогичной задачей. Вскоре после первого «обманного маневра» Зайцев заметил, что по советским войскам ведет обстрел минометная батарея противника, которую лейтенант обнаружил ранее.

Полковник в отставке Николай Зайцев с членами клуба реконструкторов 193-й стрелковой дивизии РККА в США

«Я позвонил командиру батареи и сказал: я вижу, как враг издается над нашими подразделениями, обстреливает их, там гибнут люди, а я наблюдаю эту цель, знаю ее координаты и могу открыть по ней огонь», – рассказывает Николай Степанович. Зайцев попросил разрешения вести огонь по противнику. Командир батареи приказал открыть огонь и распорядился, чтобы Зайцев координировал обстрел еще одной батареи.

«Ну, вот так я, молодой лейтенант, корректировал огонь сразу двух батарей, да еще ночью, – вспоминает мой собеседник. – Уже позднее замначальника штаба полка мне рассказал: «Слушай, Зайчик, я тебе сейчас прочитаю, как ты своим подвигом оказался в журнале боевых действий нашего полка». И зачитал мне все это».

ПАМЯТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Ветеран до сих пор помнит мельчайшие детали событий, происходивших более 75 лет назад. Он называет даты, перечисляет имена, указывает точное время полученных приказаний. И я понимаю, что все это оставило неизгладимый след в его сердце. Моя бабушка, встретившая Победу под Берлином 20-летней девчонкой, как-то призналась: «Вся молодость была сожжена». Здесь – то же самое. И такое не забывается.

В январе 1944-го Зайцев участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Правда, до самого города он не дошел. В ночь на 20 января его подразделение получило приказ преследовать отступавшего врага в направлении города Мга. «На берегу одноименной реки фашисты стали обстреливать наши войска, но командир приказал развернуть боевое знамя и двигаться вперед. На рассвете наши части освободили город и прошли по нему маршем, а вечером им присвоили наименование Мгинских», – рассказывает Зайцев.

После этого повернули на Тосно и там получили приказ атаковать. Для Зайцева это была пер-

вая атака, в которой он бежал вперед вместе с пехотой. «Я видел, что эта атака была мало подготовлена, велась без пехотной разведки. По глубокому снегу мы не могли передвигаться быстро, поэтому противник очень легко стрелял по нам. Многие там пали или были ранены. Помню красный от крови снег... Эта атака мне запомнилась на всю жизнь», – с дрожью в голосе говорит ветеран.

Дальнейший фронтовой путь Николая Степановича напоминает урок географии и истории одновременно: новгородское направление, озеро Ильмень, Псковская область, Идрицкий плацдарм, Прибалтика. Когда мой собеседник рассказывает, как 13 октября 1944 года вошел в Ригу, я понимаю, насколько тесен мир. В нашем русском православном храме в Вашингтоне есть две прихожанки-сестры – дочери офицера белой армии, которые всю юность провели в довоенной независимой Латвии и рассказывали мне совсем недавно, как были вынуждены покинуть Ригу вместе с отступавшими немцами. К тому времени они уже прожили несколько лет в Советском Союзе, видели, как по ночам «черные воронки» забирали соседей, и понимали, какая участь их ждет.

Конечно, эти русские люди, волею судеб оказавшиеся по разные стороны баррикад, друг друга не знают. Но Америка их теперь объединила.

КОГДА ПРИШЛА ПОБЕДА

После боев за Латвию подразделения, в которых воевал Зайцев, перебросили в Житомир, где в январе 1945-го из отборных дивизий формировалась 9-я гвардейская армия. Ей предстояло воевать в Венгрии: ликвидировать прорыв 6-й танковой армии СС.

Эту армию Гитлер перебросил с Арденнских высот в Западной Европе, где она нанесла мощный удар по союзникам. В результате премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль

Николай Зайцев
с молодыми
реконструкторами

был вынужден попросить Сталина, чтобы он быстрее организовал наступление и вынул союзные войска.

«Нас перебросили в центральную часть Венгрии, мы совершили марш через Будапешт и подготовились к удару по армии СС в районе озера Балатон», – вспоминает Зайцев.

16 марта 1945 года 2-й и 3-й Украинские фронты начали Венскую операцию, в которой участвовала 98-я гвардейская дивизия. Правда, в саму Вену мой собеседник и его однополчане не входили – били отступающего врага немного южнее. Боевые действия для них, по сути, закончились 5 мая.

Однако в Вене Зайцев все-таки побывал. 7 мая ему, как начальнику разведки минометного полка, поставили задачу с усиленной разведгруппой пройти Вену, на рассвете переправиться через Дунай и продвигаться в Чехословакию. Приказано было не ввязываться в стычки с отступавшими фашистами и двигаться к городу Писек, где встретиться с американцами.

На следующий день группа достигла чехословацкого города Йиндржихув-Градец, где остановилась на ночлег. «Вечером ра-

дист доложил мне: «Товарищ старший лейтенант, передали важное сообщение, чтобы радиостанция была включена». Мы чувствовали, что приближается конец войны. Я собрал всех своих разведчиков около радиостанции. В первом часу ночи Левитан объявил о победе, – вспоминает Зайцев. – Тут начался гвалт, мы стали обнимать друг друга. Никто не мог поверить, что этот момент наконец наступил!»

«Да разве можно такое без волнения было слышать! – помолчав, продолжил ветеран. – Левитан произнес исторические слова: «Фашистская Германия разгромлена! Мы победили!» Когда я на следующий день свою группу остановил перед капитулирующими фашистами, то даже заикался начал от эмоций. Я сказал: «Ребята, посмотрите, они сдаются. Мы кровью заслужили эту победу».

На рассвете 9 мая разведгруппа двинулась вперед для встречи с войсками США. Тех самых фашистских «капитулянтов» они встретили примерно через час пути. Несмотря на белые флаги, Зайцев приказал своим солдатам быть готовыми к бою.

К нему подбежал пожилой немецкий полковник, назвав-

шийся начальником штаба дивизии, и доложил, что она готова к капитуляции и может тотчас же сдать оружие и транспорт. «Я смотрел на него с презрением, и ему трудно было выдержать тот взгляд, – вспоминает Николай Степанович. – Я сказал, что капитуляцию примут войска, которые движутся за нами, и попросил у него новую машину». Когда автомобиль освободили от груза, выяснилось, что кто-то спрятал в ней два пистолета. Немецкий полковник затрясся, встал на колени и сказал, что советские солдаты могут их расстрелять. «Это вы расстреливали без суда, а у нас так не делают», – ответил Зайцев. Он приказал арестовать полковника и передать его основным частям.

Отряд продолжил путь. Неподалеку от города Писек путь преградил развернутый поперек дороги американский танк. Рядом стояли местные жители, которые позвали солдат на митинг у ратуши.

«Мы братались, нас качали на руках. Ко мне подбежала девочка лет пяти и ее родители. Я взял ее на руки, и мы пошли в город. Вот так, с этой девочкой, я закончил свою фронтовую службу в победный день 9 мая 1945 года», – улыбается ветеран.

Он считает очень важной ту встречу с союзниками, которые помогали приближать Победу: «Мы обнимались с молодым американским лейтенантом. Конечно, мы не понимали друг друга. Но наши чувства были и так ясны: мы были в восторге от того, что нам удалось достичь того, к чему так долго шли. Такие ощущения не забываются никогда».

РАСТОПИТЬ ЛЕД

Тогда 20-летний Коля Зайцев не знал, что десятилетия спустя судьба забросит его в США и уже в преклонном возрасте он будет поражать американцев меткостью стрельбы из пистолета.

Здесь он является почетным председателем клуба рекон-

структоров 193-й стрелковой дивизии РККА, вместе с которым ежегодно участвует в посвященном Второй мировой международном авиашоу в штате Пенсильвания.

Однажды к нему подошел двухзвездный американский генерал и, посмотрев на боевые награды ветерана, сказал: «Я вижу, вы неплохо воевали».

«Мы воевали вместе, и я братались с американскими танкистами юго-западнее Праги. Но, к сожалению, в Америке о нашей совместной победе не говорят и не скажут, наверное, никогда – так я ему ответил, – рассказывает Зайцев. – Он не был готов к этой тираде. Смотрел на меня и молчал. Потому что понимал, что я говорю правду». Генералу осталось только признать: «Что поделать, такое время».

Николай Степанович сокрушается, что в США о роли Советского Союза в войне не говорится в учебниках истории.

Верхом
на лошади
в 94 года.
2019 год, США

«На рассказы о войне люди реагируют по-разному, – говорит он. – Например, на том же авиашоу в Пенсильвании ко мне подошел один американец и сказал: «Большое спасибо за Победу». Другой, не зная ни слова по-русски, спел гимн России на русском. Я ему сказал: «Пой, и как можно громче!» Я ему подпевал, своих друзей подключил. Такие встречи очень важны». По его словам, рядовые американцы, несмотря на недостаток официальной информации, очень интересуются советской историей, изучают архивные документы. «Мне очень хотелось бы растопить этот лед, существующий между нашими странами, но пока не удастся», – признает он.

Николай Степанович уже несколько лет зовет поучаствовать в шествии Бессмертного полка в Нью-Йорке своего знакомого из отряда реконструкторов, который заведует кафедрой истории Университета Мэриленда. «Я его агитирую пройти с теми, кто потерял родственников во Второй мировой войне, все-таки в Европе тогда погибло 420 тысяч американцев. Он говорит, что и сам думал об этом, но на это время как раз выпадают экзамены и возможности нет. Я ему предлагаю провести такую же акцию 2 сентября, в годовщину окончания Второй мировой, но пока не получилось», – признает ветеран...

О скуке во время карантина, объявленного на время пандемии коронавируса, Николай Степанович и не думает. Он пишет статьи о своем боевом прошлом и о послевоенной жизни. А еще он хочет показать американцам фотографию, которую один незнакомец передал ему на том самом авиашоу в Пенсильвании. На ней изображены четыре его родственника – моряки военных конвоев, доставлявших грузы в СССР. «Этот человек быстро ушел, и я даже не спросил его телефона. И вот теперь эти моряки смотрят на меня с фотографии и буквально просят – расскажи о нас», – говорит Николай Степанович. ■

ЦАРЬ-ГОЛОД

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ШЛА НЕ ТОЛЬКО НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА РАЗВОРАЧИВАЛАСЬ НЕ МЕНЕЕ ДРАМАТИЧЕСКАЯ БИТВА, КОТОРУЮ НАШИ СОГРАЖДАНЕ ВЕЛИ ПРОТИВ ДРУГОГО ВРАГА – ГОЛОДА. НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ НАЦИСТЫ ПРЕВРАЩАЛИ ЕГО В МОЩНОЕ ОРУЖИЕ ВОЙНЫ НА УНИЧТОЖЕНИЕ. СЛОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В ГОЛОДНОЕ ВРЕМЯ ВЫСТРАИВАЛИ ЖИТЕЛИ ТЫЛА. СЕГОДНЯ ВОКРУГ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ ВСПЫХИВАЮТ ОЖЕСТОЧЕННЫЕ «ВОЙНЫ ПАМЯТИ». НАСТОЙЧИВОСТЬ, С КОТОРОЙ ЖЕЛАЮЩИЕ ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К МИФАМ О «ГОЛОДОМОРЕ» ИЛИ «ПРЕДАННОМ ЛЕНИНГРАДЕ», ЛИШЬ ПОДЧЕРКИВАЕТ МОЩЬ ГОЛОДА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ. РАЗОБРАТЬСЯ В ТОМ, КАК ОНО ДЕЙСТВОВАЛО, НАМ ПОМОЖЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ВИКТОР КОНДРАШИН.

— **В** ИКТОР ВИКТОРОВИЧ, ОБЫЧНО считается, что голод чаще всего вызывают природные, в крайнем случае экономические причины. Но специалисты знают, что это сложное явление уходит корнями и в социальную сферу, и в политику.

— Голод – старинный враг крестьянства, многовековой спутник деревни. Недоедание как результат стихийных бедствий и войн сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Голод случался и в Европе, и в Азии, и в Америке. О голоде в США в период Великой депрессии написан роман «Проздья гнева» Стейнбека. Масштабный голод разразился в Китае в результате «культурной революции». В России на протяжении многих веков голод также был спутником повседневной жизни деревни. Первое упоминание в летописях о голоде на Руси относится к XI веку. Страшный голод возник и в начале XVII века, в период Великой смуты, а в 1891–1892 годах наступил Царь-голод, самый крупный голод за всю историю России.

Голодные годы вызывал комплекс причин. В их списке всегда присутствовал природно-географический фактор, но нередко вмешивалась и политика. В истории России XX века таким мощным внешним фактором сначала стала Гражданская война. Тогда продразверстка и политика военного коммунизма привели к разрушению крестьянского хозяйства, а сильнейшая засуха усугубила ситуацию. В 1920-е наступил второй в истории

страны Царь-голод. Мы не можем не упомянуть и страшный сталинский голод 1930-х. Хотя там и вмешалась засуха, которая привела к неурожаю 1931 года, но главным был, безусловно, не природно-географический, а политический фактор, жесткие действия советской власти по отношению к крестьянству. Но не менее масштабным в новейшей истории страны стал голод на оккупированных территориях, разразившийся во время Великой Отечественной войны.

— *Каким образом политика голода, используемая во время Великой Отечественной войны оккупационными властями, была связана с идеологией нацизма?*

— С полным основанием можно утверждать, что на захваченных территориях главной причиной разразившегося голода была политика оккупантов. Истребительная по своей природе, она придавала голоду форму спланированной акции, сделала его частью программы по тотальному уничтожению славянского населения. На эту тему в Европе и США написана масса исследований. Приведенные в них архивные данные позволяют на полном основании утверждать, что в случае победы фашистской Германии над Советским Союзом народы нашей страны ожидала бы страшная участь. По расчетам немецких экономистов, спланированный голод должен был привести к гибели около 30 миллионов человек. Этот официальный документ был разработан весной 1941 года министром сельского хозяйства Третьего рейха

Гербертом Бакке. Знаменитый «план Бакке» предусматривал по мере успехов вермахта и продвижения вглубь России искусственную организацию голода на оккупированных территориях. Если бы были взяты Москва и Сталинград, основную европейскую часть Советского Союза ожидала бы страшная участь.

– В чем была суть «плана Бакке»?

– Профессор Бернского университета современной истории Ганс Кристиан Герлах, посвятивший этой доктрине отдельное исследование, так описывает ее смысл. Этот план был разработан на случай победы гитлеровской Германии над Советским Союзом: «Мы победили. Что теперь делать с этой землей от Балтики до Урала?» Согласно Бакке, продовольственная политика на оккупированных территориях сводилась к тому, чтобы организовать снабжение едой вермахта и тыловой Германии. Это в буквальном смысле было тотальное изъятие продовольствия, ради того, чтобы кормить собственную армию и народ за счет восточноевропейских колоний. Естественным последствием подобных действий должно было

стать освобождение оккупированных территорий от коренного населения, которому предстояло вымереть от недостатка еды. Тиражированные во множествах показаний очевидцев тотальные грабежи, которые учиняли нацисты в русских, украинских, белорусских деревнях, были практическим воплощением этой доктрины. Немцы обшаривали чердаки, подвалы, погреба в поисках молока, яиц, масла, забирали скот, выгребали подчистую продукты и зерно, оставляя людей умирать от голода.

Директивных приказов морить население не было. Но план голода был. И о нем было прекрасно известно и высшему руководству Германии, и рядовому солдату: судьба недочеловеков печальна – они рабы, а рабов не нужно много...

– Бакке хорошо известен еще и как автор так называемых «Двенадцати заповедей поведения немцев на Востоке», определяющих взаимоотношения солдат вермахта с местным населением. Этот документ логически оказывается тесно связанным с продовольственной политикой оккупантов.

– В «Двенадцати заповедях» Бакке лишь кратко изложил основные положения нацистской доктрины в отношении славян. Согласно им, славяне, особенно русские, народ, естественным состоянием которого много столетий были нищета, голод и унижения. Эта низшая раса никогда не была способна на самостоятельное развитие. Поэтому удел незначительной части славян – германизироваться, чтобы работать на новых хозяев. Остальные должны освободить занимаемые ими плодородные земли для нужд немецких колонистов. Эти тезисы потом легли в основу последующих инструкций и приказов, в деталях разработавших правила поведения оккупационных войск на территории Советского Союза, которые оправдывали легкость жестокости и убийств. Но самым массовым и эффективным способом «освобождения» от ненужного «человеческого материала» становился голод.

– *На оккупированной территории были категории населения, на которых эта доктрина испытывалась с первых месяцев войны. Их в буквальном смысле морили голодом.*

– Да. Например, попавшие в плен. Американский историк Тимоти Снайдер посчитал, что жертвами голода на оккупированных территориях СССР стали примерно 4 миллиона 200 тысяч человек. Основные погибшие в этой статистике – советские военнопленные. Это был геноцид в чистом виде.

Известно, что японцы никогда не брали пленных, чтобы потом не надо было их кормить и тратить на них ресурсы. Немцы тоже не хотели «тратить ресурсы». Не то чтобы существовала специальная программа, предполагающая морить голодом советских солдат, просто так немцам было удобнее. Когда началась война, они не были готовы к миллионам людей в военной форме, оказавшихся у них в плену. Даже при желании организовать питание такого скопления народа было бы нелегко. Фашисты же никогда и не ставили перед собой подобной задачи, нацистская идеология предусматривала отношение к советским военнопленным как к недочеловекам: по их мнению, этот «сброд» не заслуживал иной участи, кроме смерти. При этом расстрелять миллионы людей тоже было нелегко. Заморить голодом было удобнее. Тем более что никакой ценности советские военнопленные в глазах гитлеровского руководства не представляли. И только когда стало ясно, что война затягивается, когда Германия сама начала нести большие человеческие потери, военнопленных решили использовать как дешевую рабочую силу.

– *Смертельный голод был и одним из инструментов Холокоста.*

– Евреи ожидаемо были другой категорией, подпадающей на оккупированных territori-

ях под истребление голодом. В гетто запрещалась покупка молока, яиц, творога, а официально установленная норма питания равнялась 420 килокалориям в сутки. Зимой 1941/42 года в различных гетто от голода умерли десятки тысяч.

– *Как были связаны между собой голод и угон в Германию сотен тысяч оstarбайтеров?*

– Три года из деревни изымалась самая сильная и трудоспособная часть населения. Как только Германия столкнулась с дефицитом трудовых ресурсов, начались массовые угоны молодежи в Третий рейх. По большому счету в деревне не осталось рабочих рук. Даже если продовольствие не отбирали до последней крошки, оставшиеся, самые немощные и слабые, кто еще не умел или уже не мог работать, просто физически не могли качественно вспахать землю и вырастить хороший урожай.

– *Сеять и убирать было не только некому, но и нечем. Людям ведь приходилось обрабатывать землю в прямом смысле голыми руками...*

– При оккупации полностью изымались все не только продовольственные, но и материальные ресурсы. Чтобы обрабатывать землю, надо иметь

Голод как социально-политический феномен – предмет научных интересов историка Кондрашина

минимальные сельскохозяйственные орудия – трактора, сеялки, грузовики. Ничего этого не было. Технику использовали при эвакуации, она погибла под бомбежками, остатки конфисковали наступающие немцы. В деревне не осталось даже лошадей: их забрали для своих нужд две проходившие армии. Люди пахали на коровах, на себе. Кроме того, немцы обложили все оставшееся у крестьян хозяйство жесткими налогами. Были налоги даже на рыболовные удочки, кур, собак.

– Но голод был не только прямой, но и косвенной причиной смертности?

– Для русских крестьян была полностью закрыта система здравоохранения. Ослабленные хроническим недоеданием и холодом, маленькие дети и старики массово умирали, особенно зимой и в начале весны: от воспалений легких, заражений крови, инфекционных болезней. Есть статистика, сколько людей погибло от голода и заразных болезней во время оккупации в разных областях и автономных республиках РСФСР. По этим данным, Псковская область потеряла 75 тысяч человек, Карельская – 185 тысяч, Воронежская – 198 тысяч, Орловская – 65 тысяч, Великолукская – 31 тысячу, Кабардино-Балкар-

ская – 12 тысяч, Северо-Осетинская – 24 тысячи человек. В Прибалтике большинство погибших были евреями. Потери Литвы составили 160 тысяч, Латвии – 179 тысяч, Эстонии – 111 тысяч. Украина потеряла 4 миллиона человек, потому что оккупирована была огромная территория. В Белоруссии, по мнению специалистов, насчитывалось почти 3 миллиона погибших от голода и заразных болезней.

Оккупанты закрывали гражданские больницы, чтобы сделать там госпитали для немецких солдат. Все медицинские учреждения на захваченных территориях работали исключительно на немцев.

– В оккупации оказалась не только сельская местность, но и многие города. Страшные последствия голода в блокадном Ленинграде стали достоянием национальной памяти. Но что происходило в сотнях других городов? Был ли и там голод?

– Борясь с партизанами и любыми бесконтрольными перемещениями по территории, оккупационные власти установили очень жесткую блокаду. Сельский житель не имел права что-либо продать в городе, а горожанин не мог пойти в деревню за продуктами.

У деревенских была земля, которая хоть как-то могла помочь выжить. В городе продовольственные пайки или зарплату, на которую можно было купить продукты, получали только те, кто обслуживал оккупантов. Сейчас опубликованы дневники бургомистра Смоленска Б.Г. Меньшагина, где он описывает, как в оккупированном городе работали клубы, проходили концерты, устраивались праздники. В Одессе, которую заняли румынские войска, были открыты частные лавочки и рестораны. Обслуживающие оккупантов не бедствовали. Остальные же были обречены. Свободная торговля отменялась, продажа продовольствия регламентировалась немцами. Надо было получить пропуск, аусвайс, чтобы попасть в город. Действовал комендантский час, была введена карточная система, поскольку немцы пытались перекрыть доступ к продовольствию партизанам. Неудивительно, что в результате такой политики городское население оккупированных территорий частично разбежалось или умерло, сократившись в несколько раз.

– А каким образом строилось снабжение продовольствием городов в советском тылу? Было ли там такое явление, как голод?

– Позиция была такая: в первую очередь кормить тех, кто защищает страну и кто работает на победу. Прежде всего армию, потому что голодная армия не может воевать. И продовольственные поставки из тыла первым делом шли на фронт. Ведь если выживут защитники, может быть, выживут все остальные. Если защитники погибнут, не выживет никто.

Во вторую очередь продовольствие шло на военные заводы. Работавшие там подростки и женщины, несмотря на общее истощение, выполняли планы по производству оружия, снарядов, боеприпасов, самолетов, танков. Рабочие получали продовольственные карточки. Карточная система была введена на всех предприятиях, они были разными по своей ценности, по набору и количеству выдаваемых на них продуктов. Они позволяли пусть и голодно, но выжить. А были еще больницы, госпитали, детские дома, которые тоже находились на государственном довольствии.

Остальные обеспечивали себя едой как могли. Когда началась война, горожанам разрешили развивать пригородные хозяйства. Любопытный клочок земли, не только в блокадном Ленинграде, но и во многих тыловых городах засаживался огородами. Речь шла о полуголодном существовании, когда людям хватало еды лишь на то, чтобы не умереть с голоду и продолжать работать. И все же это было недоедание, но не ленинградская дистрофия. Надо иметь в виду, что в тылу свободно работали рынки. Там, пусть очень дорого, но можно было купить или обменять вещи на продукты. И за счет этого многие выживали.

Население тыловой деревни в годы войны также питалось преимущественно со своих огородов. Ослабленные люди работали от зари до зари, чтобы обеспечить продовольствием армию и рабочих оборонных заводов. Исследователи совершенно справедливо говорят о жертвенном подвиге тыловой деревни. В целом советскому сельскому хозяйству удалось обеспечить фронт зерном, овощами, отчасти мясом и молоком. При этом военные годы были не самыми легкими по погодным условиям. В 1943 году в большинстве районов Поволжья, Южного Урала, Западного Казахстана, Северного Кавказа и Сибири началась сильная засуха.

– Вернемся на оккупированные территории. Проводилась ли нацистами особая продовольственная политика в прифронтовых зонах и на границах партизанских территорий?

– В зоне партизанских действий проводилась тактика выжженной земли. Гауляйтер Белоруссии Кубе даже говорил, что если борьба с партизанами будет идти такими темпами, то скоро некому будет работать на великую Германию. Из этих зон оккупанты выселяли целые деревни, просто выбрасывали людей на улицу. Даже в обычных деревнях немцы занимали лучшие дома, а хозяева были вынуждены жить в холодных сараях и землянках. Когда же в эти районы переселялись и десятки тысяч беженцев из прифронтовых деревень или партизанских зон, они были обречены жить в еще более тяжелых условиях. Питание их было совсем скудным, а смертность от постоянного недоедания и болезней – крайне высокой.

– Менялась ли продовольственная политика немцев на оккупированных территориях в разные периоды войны?

– Никто из немецкого командования не думал, что война в Советском Союзе продлится до 1943 года. Они рассчитывали взять Москву если не в 1941-м, то уж точно в 1942 году. Когда немцы только пришли на территорию нашей страны, никто из них всерьез не рассматривал живущих там людей как трудовой ресурс. У них в мыслях не было сохранять минимальное сельхозпроизводство. В их планы входило скорейшее освобождение этих земель для переселенцев из Германии. Поэтому они обирали местных жителей, не заботясь, выживут те или умрут от голода. И лишь весной 1943 года немцы поняли, что они застряли в России и им придется каким-то образом кормить себя еще один год. Только тогда они увидели в крестьянах оккупированной территории трудовой ресурс. Не стоит забывать, что при оккупационном режиме фактически была сохранена система колхозов. Людей также заставляли выходить и обрабатывать землю, а потом сдавать урожай, на этот раз уже немецкой власти.

– Ситуация с продовольствием на оккупированных территориях была очень разная. В то время как одни люди умирали от голода, другие могли позволить себе вести достаточно безбедное существование. Как это работало?

– Безусловно, оккупационная политика по отношению к местному населению отличалась и по национальному признаку. На Западной Украине было больше сторонников гитлеровского режима, поэтому местное население жило вполне сносно, никакой голод им не угрожал. Но в эпицентрах боевых действий население, конечно, страдало больше всего. Вообще, эта тема нуждается в дополнительных исследованиях. Мы знаем общие потери, знаем, какова была немецкая

продовольственная политика на оккупированных территориях в целом, а ее подробности хранят трофейные документы, еще во многом закрытые.

– *Мирные жители оккупированных территорий, особенно приграничных к боевым действиям зон, вольно или невольно оказывались вовлечены в зону быта, а значит, и продовольственных потоков, военных людей – и советских солдат, и партизан. Что там происходило?*

– Наша регулярная армия не голодала. Да, в 1941 году она не умела воевать, но проблем с продовольствием у нее не было. Наоборот, все 1930-е годы создавались резервные неприкосновенные фонды, поэтому, хотя вначале и были перебои с мясом, Красная армия всю войну снабжалась хорошо. А вот партизаны голодали. Когда они совершали набеги на станции, пускали под откос эшелоны, то в первую очередь забирали оружие и продукты. Конечно же, им помогало местное население – они были свои. Но эту помощь было оказывать очень тяжело. Немцы вели жесткий учет продуктов, и, если узнавали, что у кого-то пропала часть продовольственных запасов, человек сразу подозревался в связях с партизанами. А это каралось смертью.

– *При этом известны попытки немцев в 1942–1943 годах создать на территории Советского Союза образцовые сельские хозяйства. Как это согласуется с политикой «голодного» геноцида?*

– Когда немцам стало ясно, что война затягивается и нужно организовать на оккупированных территориях сельхозработы, выяснилось, что работать на этой земле некому. Тогда немцы предприняли попытку создать образцовые хозяйства и мотивировать крестьян выйти в поле. В 1943 году в нескольких черноземных районах была проведена своего рода «столыпинская» реформа. Колхозников наделили землей, чтобы они эту землю засеяли и убрали урожай. Был даже создан землеустроительный комитет. Но так решалась исключительно техническая задача – началась партизанская «рельсовая война», шла подготовка к Курской битве, и немцам надо было обеспечить свои войска продовольствием. Впоследствии сельхозугодья были бы вновь отчуждены у местного населения в пользу немецких колонистов.

Голод всегда оставался одним из инструментов нацистской истребительной политики и, где было возможно, применялся оккупантами на практике. В полном объеме он не был использован лишь потому, что Красная армия победила гитлеровскую Германию. Несмотря на временные послабления в отношении к русским крестьянам, расистская основа нацизма никуда не исчезла. Чтобы избавиться от «генетически неполноценных славянских орд», голод был самым эффективным средством. Судьбу Ленинграда разделила бы вся европейская часть нашей страны. ■

«ТРИ ТАНКИСТА», «КАТЮША» И ГИМН РОССИИ

БЕСЕДОВАЛ

ДМИТРИЙ ЗЛОДОРОВ [ВАШИНГТОН]

В МАЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА ГРУППЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, В КОТОРЫХ ОБЩАЮТСЯ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ США, БУКВАЛЬНО ВЗОРВАЛО ВИДЕО, НА КОТОРОМ ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ХОР ШИЛЛЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ ИСПОЛНЯЕТ ЗНАМЕНИТУЮ ПЕСНЮ «ТРИ ТАНКИСТА».

ПОЗЖЕ ЭТОТ СВОЕОБРАЗНЫЙ ФЛЕШ-моб показали по нескольким телеканалам. А в День Победы, 9 мая, коллектив уже по традиции принял участие в шествии Бессмертного полка. Из-за карантина акция в юбилейный год прошла в режиме онлайн, но это не помешало американским исполнителям еще раз выразить свою признательность воинам-освободителям за возможность жить в мире, свободном от фашизма.

Как рассказала «Русскому миру.ру» основатель и руководитель коллектива Дайан Сэйр, таким образом они стараются показать, что обычные американцы любят и уважают Россию, несмотря

на сложности, возникающие между двумя странами из-за политики.

— После вашего проникновенного исполнения русских песен сложно поверить, что американцы не любят Россию, согласны?

— Именно это мы и хотели показать: что между нами и русскими нет никаких проблем. Я думаю, большинство американцев любят другие страны и народы и действительно не хотят иметь ни с кем плохих отношений. Правда, боюсь, политики и ведущие СМИ с этим не согласятся, однако обычные люди думают именно так. Во всяком случае, я надеюсь на это.

Акция «Бессмертный полк» в Нью-Йорке, в которой участвовал хор Шиллеровского института

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дайан Сэйр
поздравляет
советского
ветерана
Николая
Зайцева

Институт, частью которого является наш хор, основала Хельга Цепп-Ларуш – вдова известного американского экономиста Линдона Ларуша, который был поистине человеком Возрождения. И назван он в честь Фридриха Шиллера именно потому, что Шиллер верил – человечество может стать лучше благодаря искусству и красоте. Наш хор следует этой идее, и мы стремимся помочь создавать такое общество, которое было бы основано на справедливости и уважении человеческого достоинства.

– *И сколько же русских песен в вашем репертуаре?*

– Ох, совсем немного. В нашем коллективе 80 человек, и только двое из них имеют русские корни, да еще несколько когда-то учили русский язык. Между прочим, я в это число не вхожу. Так что мне, как и большинству коллег, учить эти произведения совсем непросто. А начинали мы нашу «русскую программу» с гимна России. К сожалению, это было связано с трагедией – гибелью участников знаменитого Ансамбля песни и пляски имени Александрова в декабре 2016 года. Когда я услышала эту новость на Рождество 2016 года, она разбила мне сердце. Мы собрались с некоторыми друзьями из хора и решили возложить венок к российскому консульству в Нью-Йорке. Потом мы выучили русский гимн. Выяснилось, что церемониальное подразделение нью-

йоркской полиции поддерживало творческие связи с ансамблем, участники которого подарили им белые розы на десятую годовщину терактов 11 сентября 2001 года. Их руководитель примкнул к нам, и теперь мы вместе выступаем на траурной церемонии памяти александровцев у мемориала «Слеза скорби» в штате Нью-Джерси, посвященной жертвам терроризма. В прошлом году к гимну мы добавили русское литургическое песнопение «Вечная память».

– *А как появилась идея исполнить песню «Три танкиста»?*

– Мы выбирали из нескольких произведений. Не знаю почему, но другой наш содиректор не захотел разучивать «Катюшу». В то же время мне, как и некоторым другим коллегам, очень понравилась мелодия «Трех танкистов». Знали бы мы тогда, что придется учить семь куплетов! Так или иначе, мы решили продолжать, хотя пришлось реально потрудиться. Нашли замечательное видео, где эту песню исполняет мальчик, у которого очень четкое произношение. Я разослала коллегам этот фрагмент, чтобы они использовали его для репетиций.

– *Русский текст вы записывали английскими буквами?*

– Ну конечно. Попросили наших русских американцев прочесть эти стихи и записывали за ними. Конечно, мы все перевели, но про себя, например я не могу сказать, что знаю весь перевод дословно. Могу только пересказать, о чем эта песня. Кроме того, мы записывали ее не всем хором, а только небольшой группой – я не хотела, чтобы люди слишком паниковали.

Конечно, понять «Три танкиста... экипаж машины боевой» (произносит эти слова по-русски. – Прим. авт.) не так уж трудно. Я надеюсь, публика не будет обращать слишком большое внимание на слово «самурай». Очевидно, что это против японцев, но я бы не хотела ни на кого наскакать. Надеюсь, люди будут учитывать контекст того времени, в котором песня была написана.

– А как ваши американские коллеги восприняли идею исполнять русские песни? Они поняли и приняли ее?

– Да, они восприняли ее прекрасно. Ведь все хотят мира, хотят дружить друг с другом. Люди прекрасно понимают, что политики и СМИ – это одно, а они – совсем другое. Они просто люди, которые хотят поддерживать хорошие отношения между собой. А кроме того, в нынешнем году мы празднуем 75 лет той Великой Победы. В США данному событию не придают большого значения, и я считаю это большой ошибкой. Ведь это последний крупный конфликт, который затронул весь мир, и возможно, это последний такой

юбилей, который мы встречаем с теми, кто освобождал мир от фашизма. У многих воевали отцы, дедушки, и люди хотят помнить об этом и о том единстве, которое помогло победить Гитлера.

– Вы знаете, какова была реакция в России на ваше исполнение «Трех танкистов»?

– Мы были просто потрясены. Этот клип показали на телеканале Russia Today, его крутили на национальном телевидении в Москве. На нашем YouTube-канале его посмотрело более 180 тысяч человек, люди оставили свыше 1300 комментариев. Это было изумительно. Многие писали о своих родных, которые воевали – особенно о танкистах. И было очень много комментариев о братстве народов.

Если честно, после этого у меня возникла абсолютно сумасшедшая идея. В этом году отмечается 250 лет Бетховену, а одно из его величайших произведений для хора, Торжественная месса (Missa Solemnis), впервые прозвучало в России – в Санкт-Петербурге. Когда пройдет пандемия Covid-19, я хочу, чтобы наш коллектив исполнил эту мессу с русским хором и оркестром в том городе, где была ее премьера.

– А как реагирует на русские песни в исполнении вашего хора обычная американская аудитория?

– Мы не так часто исполняем русские произведения во время своих «плановых» концертов. Но могу сказать, что люди очень открыты для подоб-

Участники хора Шиллеровского института на акции «Бессмертный полк» в Нью-Йорке

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ветеран войны и участник хора Шиллеровского института Эл Корби с другими участниками хора

ных вещей, они не рассматривают это как нечто необычное. Может быть, свою роль здесь играет и то, что прежде американские певцы тоже исполняли русские песни – например, Поль Робсон.

– Ваш хор уже несколько лет принимает участие в акции «Бессмертный полк» в Нью-Йорке, которая является крупнейшей в США. Что для вас значит эта традиция?

– Мы начали там выступать лет пять назад – наверное, на 70-ю годовщину Победы. Среди наших участников тогда было два ветерана Второй мировой войны. Один из них, к сожалению, скончался в этом году, другой, Эл Корби, жив. Мы хотели внести свою лепту в сближение России и США. И когда стали обсуждать возможные идеи, я поняла, что у многих участников нашего хора отцы и деды участвовали в той войне. Людям понравился замысел сделать что-то для того, чтобы почтить их память. Таким образом, мы и стали участвовать в Бессмертном полку.

– В этом году из-за коронавируса Бессмертный полк пришлось перенести в Интернет. В онлайн-акции ваш хор тоже принял активное участие...

– Да, некоторые наши исполнители, в том числе и мы с мужем, спели «Катюшу» в рамках флешмоба, устроенного в «Фейсбуке» Координационным советом организаций российских соотечественников (КСОРС) США. Каждый пел у себя дома, чтобы сохранять «социальную дистан-

цию», а потом все эти фрагменты были сведены в единую композицию. Кроме того, некоторые из моих коллег 9 мая участвовали в конференции «Бессмертный полк», на которой выступал посол России в США Анатолий Антонов. А я выступала на конференции Шиллеровского института ко Дню Победы.

– А каковы ваши личные ощущения от Бессмертного полка?

– Я считаю, что это прекрасная идея. На мой взгляд, она символизирует День Победы как праздник счастья. Ведь если человек жертвует собой – он делает это во имя добра и света. Мы очень хорошо это чувствуем, когда поем гимны России и США, когда общаемся с ветеранами, фотографируемся с ними. К счастью, Вторая мировая не затронула мою семью, поскольку мы – пацифисты. Но, по иронии судьбы, мой папа воевал во Вьетнаме, а сестра – в Ираке. Слава богу, они остались живы. Так что наша семья тоже хорошо знает, что такое война. Поэтому мне очень близки слова командующего оккупационными войсками в Японии генерала Дугласа Макартура, сказанные им уже после Хиросимы и Нагасаки: если у вас есть ядерное оружие, способное уничтожить все человечество, вы должны искать более цивилизованные способы решения проблем, нежели война. Я уверена, ни одна война в мире не стоит тех жертв, которые приходится приносить. И забывать об этом очень опасно. **И**

ВИРУС ТВОРЧЕСТВА

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ [ФОТО АВТОРА]

НА ВОПРОС: «КАК ВАС НАЗЫВАТЬ – ВАСИЛИЙ ИЛИ АЛЕКСЕЙ?» – ОН ПОЖИМАЕТ ПЛЕЧАМИ: «ДА КАК ХОТИТЕ». ВОПРОС НЕ ПРАЗДНЫЙ. БОЛЬШИНСТВУ В РОССИИ ВРЯД ЛИ ЗНАКОМО ИМЯ ХУДОЖНИКА АЛЕКСЕЯ КУДЕЛИНА. ЗАТО КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ВАСИ ЛОЖКИНА ЗНАЮТ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ: ЗНАМЕНИТЫЕ РЫЖИЕ КОТИКИ ЛЕГКО ЗАВОЕВАЛИ СЕРДЦА РОССИЯН.

— **В**Ы НЕ РАЗ ГОВОРИЛИ, ЧТО НЕ учились ни музыке, ни живописи. То есть вы не профессионал в этих сферах.

— Верно.

— Сейчас многие занимаются искусством, не имея соответствующего образования. И, бывает, у них это получается лучше, чем у профессионалов. Как вы думаете, это нормально?

— Если говорить только об искусстве, а не о других сферах... К примеру, я бы не хотел, чтобы операцию проводил хирург-дилетант. Так вот, что касается искусства, то, с одной стороны, это хорошо. С другой — это не значит, что все должны так поступать. Ну, например, меня часто спрашивают: «А можешь нам нарисовать портрет, чтобы было похоже?»

Я не могу. И считаю, что это умение мне не нужно. Если человеку нужен портрет, ему надо обратиться к художнику-профессионалу. То же самое с музыкой. Если надо сыграть, скажем, концерт Рахманинова, надо пойти к профессиональному пианисту, который его исполнит. И так далее.

— Тем не менее вы, выступая с концертами и продавая свои картины, чувствуете себя, судя по всему, совсем неплохо?

— Совсем неплохо. Но это мне просто повезло. Я не могу сказать, что подобная ситуация — это какое-то массовое явление.

Но ведь нет ничего плохого в том, что любой человек может рисовать просто потому, что ему это нравится. И если при этом его работы готовы еще и покупать — прекрасно. Знаете, я как-то раз раскрашивал ночью очередного кота на картине. И подумал: вот кто-то сейчас совсем другими вещами занят, сидит где-нибудь на дежурстве. А я кота тут раскрашиваю. Лысый мужик уже в общем-то сидит с красочками и кисточками — не самая плохая работа, правда? Я к тому, собственно, а почему нет?

Если говорить строго об искусстве, то мы, дилетанты, не делаем ничего плохого: просто рисуем картинку или музыку какую-нибудь играем. И если есть у этого зритель или слушатель — прекрасно. А если нет зрителя или слушателя, все

равно от этого никуда не денешься, потому что душа требует.

— А когда вы начали рисовать? В детстве?

— В детстве все что-то рисуют. Я не был исключением. Я очень увлекался военной историей, и мне нравилось рисовать батальные вещи: к примеру, как какие-нибудь крестоносцы с сарацинами сражаются. Или римские легионеры с германцами. Я вообще очень увлекался военной историей, много читал. В детстве даже делал солдатиков из бумаги, у меня их было больше тысячи сразу, я из них строил полки. Потом начал рисовать в 90-е годы, забросил. Снова вернулся к рисованию в 2000 году и снова бросил. Так сказать, в промышленных масштабах я начал рисовать в 2008 году. И рисую до сих пор.

— Как вы нашли свой стиль? Вы его просчитали, как маркетолог?

— Ну, простите, какой из меня маркетолог?

— Не знаю, ну нужно же было котиков таких как-то придумать...

— Да все случайно получилось. Однажды я просто нарисовал кота. Картина называлась... Уже даже не помню точно как... Что-то вроде «Котик ощущает послевкусие, откусав коньяку». И неожиданно она всем понравилась, ее сразу у меня купили. Я нарисовал вторую картину с котом. Ее

у меня тоже сразу купили. И я понял, что коты хорошо продаются.

Понимаете, кот — это такой пластичный, богатый образ. «Вписать» эмоции в образ кота легче, чем в образ собачки, например. Хотя люди всех своих домашних животных очеловечивают в той или иной степени. К тому же я кошек люблю. Так что, можно сказать, коты меня кормят.

— Вы в одном из интервью говорили, что ваши картины — это мультипликационное отражение реальности. Действительно, когда смотришь на них, создается ощущение, будто это «мультяшки».

— Да, стиль такой — мультипликационный. Всем детям, да и многим взрослым, нравятся мультики. Я — не исключение. Возможно, детская лю-

бовь к мультикам подсознательно отражается в картинах. Что касается мультипликационного отражения реальности... Условно говоря, представим, что существует некий параллельный мир – такой «мультишный». И мои картины – это как репортаж оттуда: стоп-кадры, «фотографии» какие-то.

– У вас не было никогда желания сделать полноценные мультфильмы с вашими героями? «Оживить» котиков?

– Я бы с удовольствием. Но мультфильм – это такая штука, которая не делается в одиночку. Грубо говоря, должен быть сценарист с каким-то текстом, с диалогами, с идеей, с сюжетом, с конфликтом. Должен быть художник, режиссер и так далее, какой-нибудь звукорежиссер, композитор. Монтаж. То есть это целый комплекс задач, и все это стоит дорого. Работа всех этих людей стоит денег. Да зачем мне это нужно?

– А предложения не поступали от анимационных студий?

– Ну, вот я был как-то в «Союзмультфильме», мы разговаривали с одной девушкой. Она говорит: давайте сделаем что-нибудь. Я говорю: ну, давайте. И тут началось: надо найти того, сего, пятого, десятого, продюсеров всяких разных. Куда это девать? Где это показывать? В итоге договорились, что если все это найдется и сложится, то сделаем.

– Итак, «мультики» и рисование вы в детстве любили. А читать нравилось?

– В детстве я был фанатом чтения. Это сейчас у детей есть YouTube в телефоне, соцсети и компьютерные игры, и их не заставишь читать. А в моем детстве книги заменяли все это. Так что многие читали. Я помню, как мы с моим одноклассником во втором классе обсуждали сборник рассказов Эдгара Аллана По. Горячо обсуждали, нам очень понравилось «Убийство на улице Морг» и прочее. А в первом классе я зачитывался «Незнайкой в Солнечном городе» и путешествиями Гулливера в страну лилипутов и в страну великанов. Потом в библиотеке взял продолжение – про гуингнмов. А в третьем классе я прочитал «Петра Первого» Алексея Толстого и был в полном восторге.

– Сейчас что читаете?

– Сейчас читаю крайне редко. Времени нет. Работы много. Последнее, что прочитал – книги Пелевина и Хокинга. Купил Чака Паланика, и все никак не соберусь прочитать. Иногда слушаю аудиокниги, когда работаю.

– А под музыку не работаете?

– Музыка мне как-то разонравилась. Есть какой-то набор музыки, к которой я привык, но сколько можно ее слушать? А новой музыки нет... Я сейчас в машине создаю себе некую фонотеку. У меня есть там «Алиса», «Кино», хотя я его не слушал никогда, но сейчас проникся. «Гражданская оборона», «Бригада С»... Все старенькое.

– Раз уж мы начали говорить о вкусах... Какие фильмы вам нравятся?

– Тарантино люблю. «Звездные войны» всегда нравились. «Гарри Поттера» никогда не смотрел. Очень понравился сериал «Игра престолов». Из российских режиссеров больше всего нравится Балабанов. Честно говоря, я фантастику люблю, но хорошие фильмы этого жанра – редкость. Голливуд сейчас снимает в основном муть сплошную какую-то про супергероев, это вообще уже что-то... запредельное.

– Ну, так ведь комиксы... А вот кстати, вы не пробовали рисовать комиксы? В принципе, стили-

стика ваших картин близка к ним.

– Нет. Да я их не люблю, честно говоря. Мне нравится рисовать что-то смешное, шуточное. Я почти не вдохновляюсь внешним миром. Все, что выходит на этих картинах, это, скорее, какие-то игры подсознания, а не разума. Это совсем не то, что я что-то на улице увидел и запечатлел. Такого в принципе нет. У меня на картинах, если даже там и есть нечто, что можно назвать пейзажем, то это серые пятиэтажки или девятиэтажки. Они одинаковые везде – и в Нижнем Новгороде, и в Москве, и в Ярославле.

И, несмотря на «мультишность» моих картин, из которых, в принципе, можно составить комиксы, я бы не стал этим заниматься. Дело в том, что мои картины – это сами по себе законченные произведения, они не являются иллюстрациями че-

го-либо. Вот ко мне часто обращаются: мол, я тут статью написал научную или публицистическую, можно я возьму твои картинки – они очень хорошо подходят для нее. Или с периодичностью где-то раз в месяц на горизонте обязательно появляется какой-нибудь поэт и говорит: я написал книгу стихов, хочу ее издать, и мне нужны иллюстрации, а твои картинки идеально просто подходят. Но мои картины – не иллюстрации. Приходится отказывать.

– И после этого вы будете утверждать, что вы сугубо коммерческий художник?

– Да, по-прежнему не отрицаю.

– Простите, сугубо коммерческий художник продал бы поэту картины в качестве иллюстраций. А в вас, по-моему, глубоко запрятана какая-то своя идея, которую вы выплескиваете в картинах.

– Понимаете, какая штука. Не идея движет художником. Я сейчас попытаюсь объяснить. Безусловно, коммерция очень важна для меня, и сама по себе коммерция – это вовсе не плохо. Можно делать очень хорошие и дорогие вещи – дело не в этом. А в том, что идея для художника вообще в принципе не важна. Речь не о том, что идея с помощью живописи может помочь изменить мир. Все идет наоборот. Есть острая потребность творить. Она как вирус какой-то заложена в человека. То есть мне надо творить. А уже потом на это накладываются разные «спецэффекты»: для

кого-то это деньги, для

кого-то – борьба за экологию, за политику или еще за что-нибудь этакое. На самом деле первая и первостепенная цель, главное, из-за чего все это возникает, – это внутренняя потребность в творчестве. У меня есть внутренняя потреб-

ность рисовать картинки. И если это приносит деньги, это вообще прекрасно.

— А как же быть с идеей о том, что «красота спасет мир»?

— Ну, мне кажется, ни о чем она. Смотрите, какая штука. Нас ведь всех ждет по большому счету печальное будущее. Условно говоря, искусственный интеллект, камеры слежения, вживленные микрочипы, сбор данных о каждом, еще большее расслоение на бедных и богатых. Даже не такое, как сегодня, а еще хуже. Когда богатый будет сидеть в роскошном саду на своей вилле, отгородившись стеной от мира, в котором бедные будут убивать друг друга за глоток воды. А слезка? Мы же раньше в фантастических романах читали и в фильмах видели все это и смеялись. И что теперь? Вот я вчера остановился, прикурил сигаре-

ту у «Пятерочки». Сажусь в машину, смотрю «Яндекс-пробки», а мне говорят: «Вы были в магазине «Пятерочка». Какие впечатления?» Что это, если не слезка? Или взять тех же роботов, которые уже сегодня вытеснили некоторые профессии? Люди

в этих профессиях уже не нужны, понимаете? И мне все это не нравится. Какое-то не слишком радужное получается будущее.

— Апокалиптический у вас какой-то настрой...

— А кому легко?

— Действительно. А как у вас с такими настроениями рождаются сюжеты ваших картин?

— Не знаю. Правда, не знаю. Я не могу объяснить, потому что все это довольно сложно.

— Довольно часто ваши картины бывают, так сказать, на злобу дня. По крайней мере, такое ощущение возникает.

– Нет, они вообще не злободневные. Это так кажется. Просто они на такие общие или вечные темы. Вот, к примеру, у меня есть картинка «Черта лысого вам, а не Интернет». А тут Госдума вдруг заседает по поводу ограничений в Интернете. И человек смотрит на картинку и говорит мне: вот ты как в воду глядел! Да где там эта вода-то? Просто на картине бабка хочет котятam Интернет отключить. Ну, потому что они торчат в этом Интернете целыми сутками, как дети в жизни...

Понимаете, человек очень часто видит не то, что есть, а то, что он хочет увидеть, и слышит то, что он хочет услышать. Скажем, приходит ко мне на выставку оппозиционно настроенный человек. И что он там видит? Что-то близкое его мироощущению: борьба против власти, ее критика и все такое прочее. А рядом с ним ходит и на те же картины смотрит другой человек, настроенный патриотически. И он ровно на тех же картинах видит совершенно другое: о, молодец, вот как приложил эту пятую колонну! Понимаете? А это просто картины.

– Вы общаетесь со своими коллегами? Входите в какие-то объединения художников?

– Да нет. Общаюсь разве что с «Колдовскими художниками» из Питера. Их основной творческий стиль – мультреализм. Ну, то есть у меня с ними такая общая творческая платформа. Иногда у меня проходят выставки в их галерее.

– А как вы считаете, художнику обязательно возвращаться в своей профессиональной среде?

– Я думаю, кому как. Это не от художника, а от человека зависит. Вот мне, например, проще одному быть. А кому-то комфортней быть в коллективе. Хотя, честно говоря, коллективную выставку проще сделать, чем персональную.

– Василий, вы родились в Солнечногорске, а сейчас живете в Ярославле. Если не секрет, почему переехали?

– Никакого секрета нет, все просто. Мы как-то летом с женой приехали в Ярославль отдохнуть. Поселились в гостинице, пошли гулять по городу. И город нам очень понравился. Красивый. Древний. Волга. И мы подумали: а что бы нам сюда не

переехать? Вот и переехали. Это же не на другую планету лететь.

– А на юриста учились по призванию?

– Да нет. Мама посоветовала. Честно говоря, пошел в вуз только затем, чтобы получить диплом о высшем образовании.

– Жалеете о чем-нибудь? Скажем, что не научились чему-то, чему хотели научиться?

– О да. Я музыке хотел учиться. Хотел на фортепиано научиться играть.

– Что у вас отнимает больше времени: картины или музыка, ваша группа?

– На музыку не то что больше времени уходит. Уходит больше сил и денег. Это просто прорва какая-то. Нужно финансировать записи, съемки клипов и так далее.

– Вы обычно говорите, что вы рок-н-ролльщик. Правда, вы совсем не похожи на привычного рок-н-ролльщика...

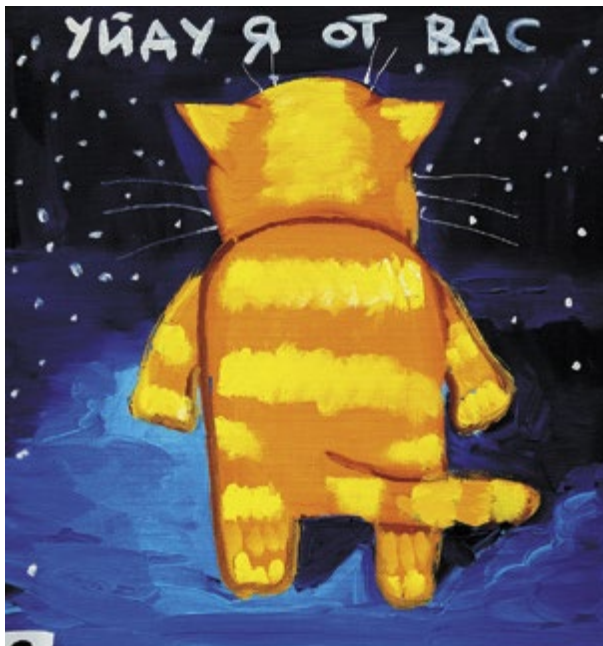
– Просто старый уже. Нет, на самом деле я просто сейчас так нарядился, потому что понимал, что мне надо встретиться с людьми. И вот галстук надел, рубашку, важный такой вид на себя нагнал.

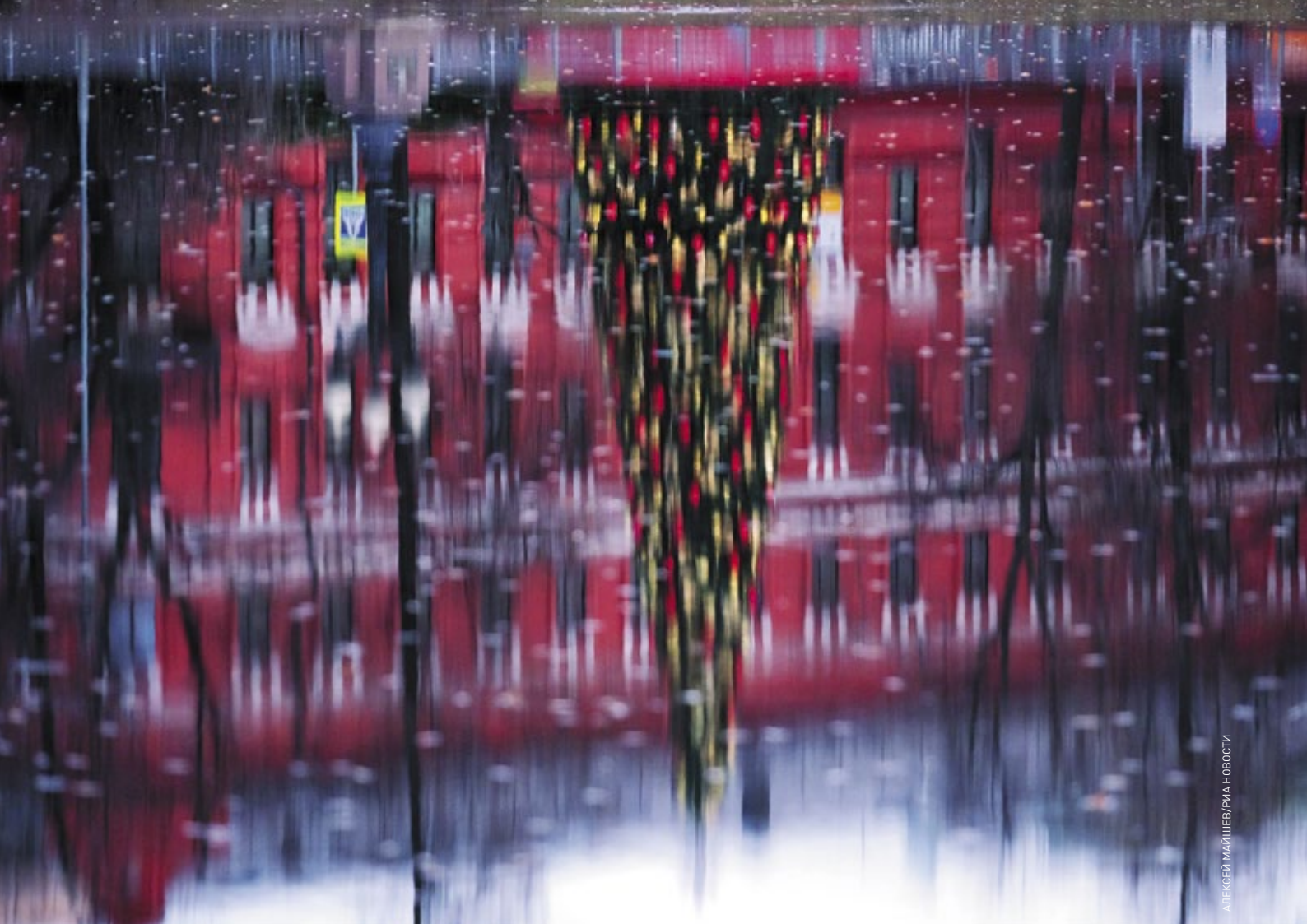
На самом деле, если говорить о рок-н-ролле, то я вот именно в таком же виде могу выйти на сцену

и изобразить из себя какого-нибудь душевнобольного человека – и сразу все будет понятно. А атрибутика – она, скорее, важна для системы опознавания «свой–чужой». Это может быть какой-то элемент в одежде, в поведении. А так, конечно, совершенно не важно, как ты одеваешься, ходишь ли ты в каких-нибудь джинсах, в футболке, с длинными волосами... Ну вот, например, Петр Николаевич Мамонов. Рок-н-ролльщик вовсю. Но когда он выступал на сцене, он же не выходил в кожаных штанах и с цепями.

– А как ваш сын относится к вашему творчеству? Он увлекается музыкой или рисованием?

– Честно говоря, спокойно очень относится. Не сказать, что особо интересуется. Ему 8 лет, и он больше увлекается видеосъемкой. Снимает все подряд. Не знаю, может, будет каким-нибудь блогером или влогером. У него сейчас в кумирах как раз всякие блогеры. ■

РАЗГОВОРЫ О ПОГОДЕ

БЕСЕДОВАЛА
ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

У ПРИРОДЫ, КАК ИЗВЕСТНО, НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ. НО ВСЕ-ТАКИ ПРИВЫЧНО И ПРИЯТНО, КОГДА ЗИМА – ЭТО ЗИМА, А ЛЕТО – ЛЕТО. КОГДА В ЯНВАРЕ МОЖНО КАТАТЬСЯ НА САНКАХ И ИГРАТЬ В СНЕЖКИ, В МАРТЕ СОБИРАТЬ ПОДСНЕЖНИКИ, ИЮЛЬСКИМИ ВЕЧЕРАМИ ГУЛЯТЬ, А НЕ СПАСАТЬСЯ ОТ НЕСТЕРПИМОЙ ДУХОТЫ ПОД КОНДИЦИОНЕРАМИ. НО МИР ИЗМЕНИЛСЯ, И ТЕПЕРЬ УЧЕНЫЕ С ТРЕВОГОЙ ГОВОРЯТ О ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА И ИЩУТ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ «КТО ВИНОВАТ?» И «ЧТО ДЕЛАТЬ?».

Отражение
новогодней елки
в Патриарших
прудах в Москве.
Средняя
температура
в Москве
в декабре
на 5,5 градуса
превышала
норму

С УЧЕНЫМ, ПИСАТЕЛЕМ И ЖУРНАЛИСТОМ Константином Ранксом мы ежегодно встречаемся на конгрессах Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП). Но до обсуждения глобальных проблем дело как-то не доходило. До тех пор, пока ВАРП не организовал в Москве и Петербурге курсы повышения квалификации для журналистов из русскоязычных зарубежных СМИ. После блестящей авторской лекции Ранкса о надеждах и угрозах «зеленого движения» выяснилось, что он еще и популяризатор науки, ведет на радио Baltkom передачу и вопросы изменения климата его конек.

– Если раньше говорили о глобальном потеплении, то теперь – об изменении климата. Это какие-то новые природные процессы или просто терминология другая?

– Год назад в Нью-Йорке умер известный американский ученый и популяризатор науки Уоллес Брокер. Именно он в 1975 году использовал термин «глобальное потепление». Позже он расстраивался из-за того, что использовал это определение, потому что многие люди понимают глобальное потепление очень примитивно. Вопрос-то не в том, что во всем мире потихонечку повышается температура, а в том, что меня-

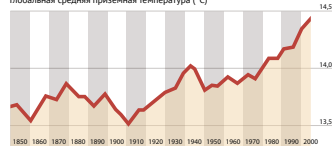
из личного архива

ется весь механизм. Вот, например, повышение температуры тела у человека это не причина болезни, а следствие, симптоматика. Это может быть пневмония, кишечное заболевание, инфекция какая-нибудь... Так и тут: дело не только в глобальном потеплении, а в том, что разрушается устоявшаяся схема. У нас сейчас 405 частей углекислого газа на миллион частей воздуха. Это так называемый ppm (part per million), а раньше было около 300...

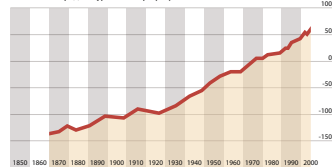
Глобальное потепление: наблюдения и прогнозы

По мнению экспертов, в XXI веке средняя температура земной поверхности повысится на 2–4°C

Наблюдаемые изменения климата (1850–2005 гг.)
 Глобальная средняя приземная температура (°C)

Глобальный средний уровень моря (мм)

Площадь снежного покрова в Северном полушарии (млн км²)

Источник: Межправительственная группа экспертов по изменению климата

Некоторые возможные последствия глобального потепления

Одной из причин потепления является деятельность человека – выбросы парниковых газов (углекислого, метана и др.)

РИА НОВОСТИ Редактор: Алексей Тихонов. Дизайнер: Ирина Климова. Фото: Shutterstock. Иллюстрация: Павел Сорокин. Автор шаблона: Алексей Новиков.

Поэтому сам по себе термин «глобальное потепление» не очень удачный. Он не раскрывает всю полноту процесса. Так что сейчас предпочитают использовать термин «глобальное изменение климата».

– Об изменении климата много спорят. Даже когда идет речь о минувшей теплой зиме, некоторые эксперты утверждают, что это просто каприз природы. Мол, такие зимы случались и раньше...

– Да, но не в таком количестве. Впервые в истории наблюдений снега в Финляндии, например в Хельсинки, в январе вообще не было.

– А сколько лет там ведутся наблюдения?

– Более полутора сотен лет. По-моему, с 1837 года.

– Ну и что? Помните, в «Евгении Онегине»: «Зимы ждала, ждала природа. Снег вытал только в январе».

– Да, но что там выше? «В тот год осенняя погода стояла долго на дворе». В тот конкретный год. Пушкин таким образом маркирует время, указывает, когда именно произошли эти события. Так же можно написать, скажем, «в тот год в Москве жара стояла, торфяники дымились». «Тот год», и ты уже знаешь – 2010-й. Пушкин писал для современников. Это же прекрасно Лотман вскрыл: мы читаем «Евгения Онегина» и понимаем его совсем не так.

– Между тем, если верить «Википедии», в течение последних 12 тысяч лет история знала периоды повышения температуры на той или иной территории на несколько десятилетий, а потом все снова возвращалось на круги своя.

– Прежде всего то были периоды похолодания, а не потепления. Они были связаны, например, с извержениями вулканов. Скорее всего, в так называемый поздний дриас, почти 13 тысяч лет назад, было очень мощное похолодание. На какое-то время оно вызвало усиление ледникового периода, который к тому времени уже заканчивался. Однако последующие скачки температуры, известные похолодания и потепления, не имели глобального характера.

Вспомним русскую историю, Смутное время. Почему «посыпалась» Русь времен Бориса Годунова? Три года не родилась пшеница, был голод. Снег выпадал в июле. Но это же не было глобально! Это не вся планета.

Или другой пример. В 1648 году Семен Дежнев благополучно обошел по чистой воде мыс, который отделяет Америку от Азии. А в 1934 году ледокол «Челюскин» именно там был насмерть зажат льдами. Вопрос: как тогда Дежнев мог на деревянных стругах обойти мыс? Так ледовая обстановка была абсолютно другая. А если посмотреть, что писали дальневосточные авторы в то же самое время, то когда на Руси был дикий холод, там было тепло и хорошо.

По мнению экспертов, в XXI веке средняя температура земной поверхности повысится на 2–4 градуса по Цельсию

– Юная Грета Тунберг и ее адепты обвиняют в глобальном потеплении человека. На ваш взгляд, насколько изменения климата, которые мы наблюдаем, связаны с человеческой деятельностью?

– Почему многие считают, что связаны? Еще в 1975 году Уоллес Брокер связал глобальное изменение климата, потепление, с повышением уровня углекислого газа в атмосфере. Сам по себе углекислый газ, диоксид углерода, не вреден. Даже наоборот, он играет важную роль в жизнедеятельности растений. Но если его становится слишком много, он становится этакой «шубой» для планеты.

Углерод существует в трех изотопах, но для нас важны два. Один, нестабильный, образуется в результате воздействия ультрафиолетового излучения солнца на углекислый газ. Этот изотоп разрушается до нуля за несколько тысяч лет. На этом свойстве основан радиоизотопный метод (радиоизотопное датирование – определение возраста различных объектов, в составе которых есть радиоактивный изотоп. – Прим. ред.). Развиваясь, растение накапливает такой нестабильный углерод. После гибели растения содержание CO_2 постепенно уменьшается. Измерив его количество, мы, в принципе, можем вычислить, сколько лет, скажем, старому бревну, которое мы нашли.

Но содержание углерода в атмосфере должно балансироваться: сколько образывается, столько и распадается. Современные анализы показывают, что очень сильно увеличивается содержание стабильного углерода, а содержание нестабильного уменьшается. Единственная, как сейчас видится, причина понятна. Мы сжигаем нефть, которой миллионы лет. В ней весь нестабильный углерод давным-давно стал стабильным. Для сторонников антропогенного фактора это и является доказательством того, что глобальное изменение климата связано с человеческой деятельностью.

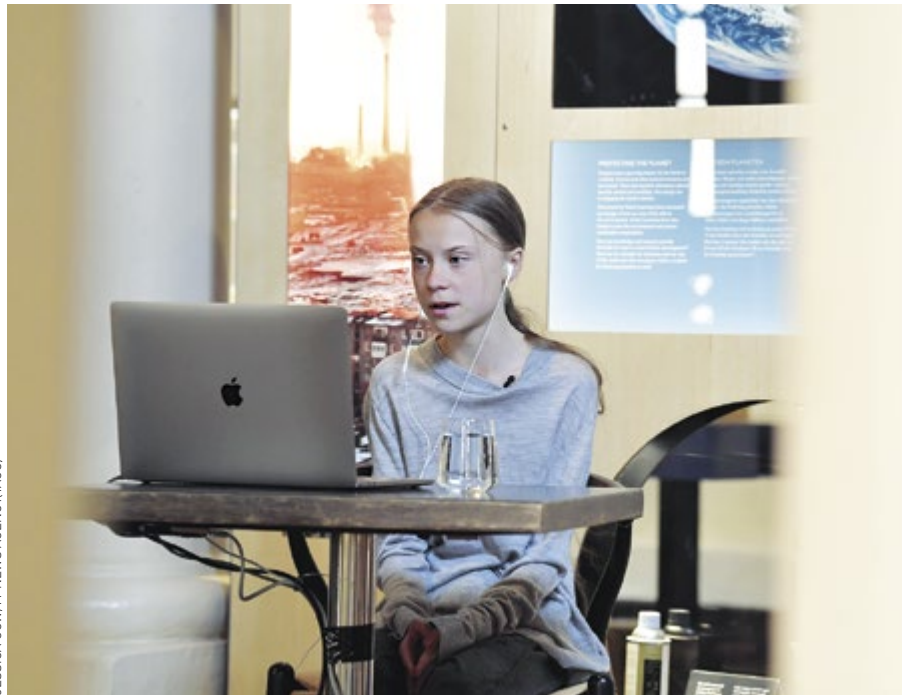
В конце ноября прошлого года был обнародован доклад экспертов программы ООН по окружающей среде – Emissions Gap Report 2019. В нем говорится о том, что в 2018 году в атмосферу был выброшен рекордный объем парниковых газов – 55,3 гигатонны, а в 2017-м этот показатель составил 53,5 гигатонны.

– Что это означает?

– Это значит, что мы слишком много сжигаем древнего топлива. А топливо – это жизнь, которая была задолго до нас.

Мы находимся в замкнутом мире. Мы – пассажиры космического корабля под названием «Земля». И, кстати, не очень большого. У нас строго определенное количество воды и воздуха. Двести лет назад на Земле был всего миллиард людей. А сейчас их уже 7,7 миллиарда. Есть разница? Двести лет назад реальных потребителей благ было очень мало. Это были богатые люди. А сейчас?

Я совершенно убежден, человек живет хлебом единым только в условиях, когда хлеба нет.

Но что случается с человеческими стремлениями, когда хлеба вдоволь и желудок всегда полон? Появляются более высокие потребности, и они, а не физиологический голод, управляют нашим организмом. По мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, все более и более высокие. Появляются суперпотребители. Они хотят все и сразу, и этот голод практически нет возможности удовлетворить. И экономика работает на них.

– У Греты Тунберг и ее сторонников, которые, по сути, бьют по мировой экономике, немало сторонников. Они требуют выполнения Парижского соглашения 2015 года и настаивают на немедленном отказе от ископаемого топлива. Правда, немало и тех, кто «зеленых», мягко говоря, не любит.

– Грета Тунберг выросла в богатой по шведским меркам семье. Мать – оперная певица, отец – журналист и продюсер. Девочка не знает, что такое отказывать себе в необходимом, перебиваться с хлеба на воду. Тем более не представляет, как женщины и дети за доллар в день работают, например, на рудниках в Конго, добывая касситерит и колтан для производства мобильных телефонов и других гаджетов. Поэтому когда она выдвигает свои требования отказаться от использования углеводородов, то, с одной стороны, они вполне справедливы, с другой – она сама жизнью еще не битая. Потому ее и критикуют. К этим же требованиям от людей, хлебнувших в жизни, отнеслись бы по-другому. Почему не возникает вопросов к Джеку Ма, создателю AliExpress, который отдает миллионы долларов на борьбу с коронавирусом в Китае? Потому что он их заработал. Он может выступать публично против каких-то мер или за

Шведская экоактивистка Грета Тунберг и профессор Потсдамского института изучения климатических изменений Йохан Рокстрем в День Земли обсудили по видеосвязи пандемию Covid-19 и проблемы экологии

МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

Прохожие на
 улице Кузнецкий
 Мост в Москве.
 В январе
 синоптики
 фиксировали
 аномально
 теплую погоду
 в городе

зеленую энергетику, но, когда это делает маленькая девочка, у многих возникает отторжение. С моей точки зрения, эта девочка не является сама по себе генератором идей. Но даже если за ней кто-то стоит и дергает за ниточки как марионетку, она стала популярна по одной причине. Она высказала вслух то, что волнует очень многих людей. То, что начинается как разговоры о климате, по сути дела, разговоры о социальном устройстве общества.

– Но как соединить несоединимое? Снизить выбросы CO₂ в атмосферу и развивать экономику? Объясняя выход США из Парижского соглашения, Трамп заявил, что это поддержит американскую экономику. А еще в 2016 году спецпредставитель президента России по вопросам климата Александр Бедрицкий заявил, что, хотя правительством РФ запущена реализация комплекса мер по регулированию выбросов парниковых газов, Москва не рассматривает, цитирую, «отказ от углеводородов в качестве способа снижения выбросов парниковых газов». Он сказал, что нужно искать новые рецепты. У вас есть какие-то идеи на этот счет?

– Есть хорошая идея, и не только у меня – атомную энергетику развивать. Угольная станция может давать большее радиоактивное заражение, чем атомная.

В чем достоинства атомной станции? У нее высокий коэффициент установленной мощности. Если вы сделали реактор на 100 киловатт, за год в среднем он отдаст 95 процентов. А если вы сделали солнечную электростанцию, у нее в лучшем случае отдача будет 30 процентов установленной мощности. Это соотношение между тем, что вы рассчитывали, и тем, что вы получите.

– Экологи не поддержат. Они как раз против этого и выступают. И Чернобыль уже был.

– До Чернобыля, еще в 1979 году, была авария на АЭС «Три-Майл-Айленд» в США, когда расплавилось около 50 процентов активной зоны реактора. Об этом почему-то забывают. На самом деле причины аварий везде разные. Причиной аварии в Чернобыле стал реактор, который не имел системы защиты от дурака. Его нужно было искусственно останавливать. Но он был прост в эксплуатации.

PHIL TOSCANO-HEIGHTON/PA WIREIMAGE

Еще до Чернобыля атомщики стали понимать: нужно что-то делать для защиты от дурака или от какой-то опасности. Чтобы реактор не стал бомбой, он должен глушиться сам по себе. И тогда пришли к идее водяных реакторов, которые в случае нарушения не разгоняются, как черномыльский, а тушатся. Реакция останавливается. Там есть радиоактивный материал, но он уже не греется. И таких реакторов сейчас великое множество. Еще в 1977 году в 15 километрах от финского города Ловиисы СССР построил водо-водяную атомную электростанцию. Действует она до сих пор, ей только продлевают сроки работы. Там нет никаких проблем, финны очень довольны.

Сейчас американцы создали новый реактор, размером с большую железнодорожную цистерну. Мощность у него не очень велика, но использовать его можно где угодно. Реактору достаточно бетонного колодца глубиной менее 50 метров. А турбинка остается на поверхности. Для города в 70 тысяч жителей хватает. Круглый год вне зависимости от того, есть ли ветер, солнце, дождь, он будет гнать электричество. Через сколько-то лет ему нужно открутить горловину, вытащить ста-

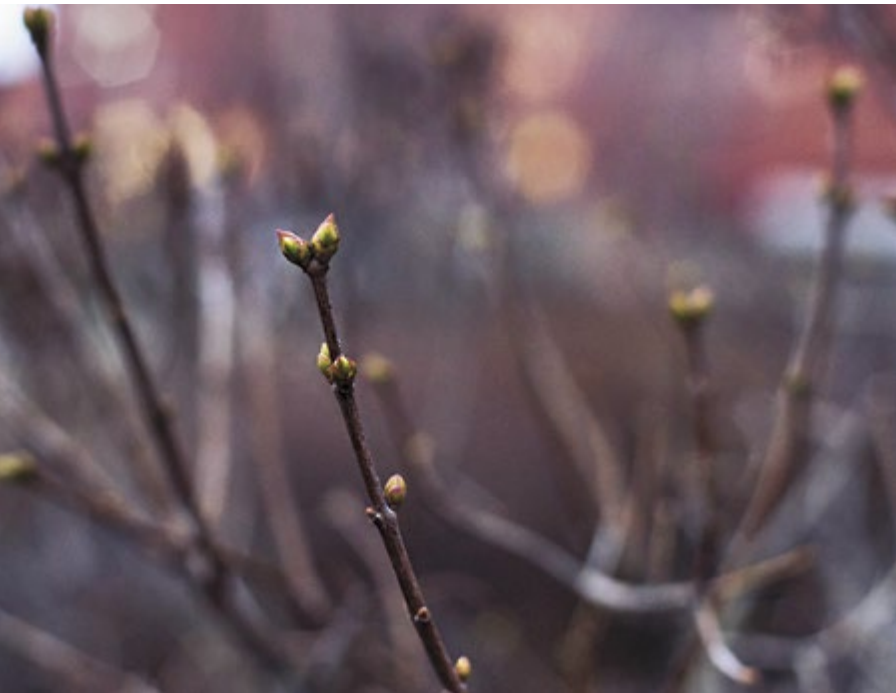
рый картридж, вставить новый, закрутить, а старый отправить на переработку.

В СССР разработали и сейчас внедряют на Белоярской АЭС реактор, который использует восстановленное топливо. То есть, говоря грубо, отходы старого ядерного топлива перерабатываются, из них делается новое. Мало того что этот реактор можно «кормить» оружейным плутонием, перерабатывать атомное оружие в энергию. Самое главное, что реакция там заканчивается с выделением коротко живущих изотопов, которые всего лишь за сотню лет распадутся. Но поскольку этих отходов великое множество, для этих станций «еды» заготовлено на сотни лет вперед.

— *Есть надежда, что в перспективе это возьмут на вооружение и другие страны?*

— Крупнейший завод, который делает так называемое МОХ-топливо, находится во Франции. Там 75 процентов всей энергетики – атомная. И французы совершенно не горят желанием от нее отказываться. Это у немцев проблемы. Они отказались от ядерной энергетики, развивая энергетику солнца и ветра, но теперь должны строить новые угольные станции. Потому что как только ветер

Январь
2020 года стал
самым теплым
за все время
наблюдений

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

В Санкт-Петербурге в декабре 2019 года у кустарников из-за аномально теплого тепла набухли почки

перестал дуть, а солнце закатилось, выработка падает. И в это время мало того что падает напряжение – теряется частота переменного тока. Это означает, что наши приборы выходят из строя.

– *То есть я правильно поняла, что атомная электростанция – панацея от всех бед? И не нужно отказываться от производства пластика, например, чтобы не допустить катастрофы на нашей планете? По его поводу «зеленые» тоже бьют тревогу.*

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

– Ни от чего не нужно отказываться. Мусор идет к океану не своими ножками, его туда люди выбрасывают. Что же касается пластика и других материалов, то многие вполне подвергаются переработке, и изделия из такого вторсырья могут служить много лет. Вот я купил в Финляндии фуфайку за 15 евро. Там на ярлыке было написано, что сделана она на 100 процентов из отходов. То есть кто-то собрал полиэтиленовые бутылки, пропилен и сделал из них ткань! Эту фуфайку можно пронести сезон и даже больше. Потом она начнет расплзаться. Тогда можно сделать из нее бумагу или еще что-то. Так давайте все собирать пластик и перерабатывать его!

Вообще надо развивать перерабатывающую промышленность. Знаете, что интересно? Если вы хотите выплавить тонну алюминия из консервных или пивных банок, вам нужно потратить в 400 раз меньше электричества, чем для того, чтобы выплавить столько же этого металла из руды. Помните, в советское время были такие алюминиевые тарелочки, в них шашлыки часто продавали? Чем они хороши? Их мыть не надо. Когда вы такие посудины отправляете в печь, все остатки пищи просто сгорают, и мы экономим чистую воду для мытья. Мы переплавили алюминий и получили новый прокат, из которого опять наделали тарелочек и ложечек. И что нам нужно для этих целей? Электричество. Ставьте ветряки, солнечные батареи, гидроэлектростанции – и вот вам круговорот алюминия в природе.

Это я к чему? К тому, что я не против прогресса. Но надо исходить из того, что в нашей жизни есть вещи, когда не в лоб надо бить, а в обход идти.

– *Есть еще варианты?*

– Еще в 2015 году Forbes опубликовал интервью с тогдашним главой «Русала», Олегом Дерипаской. Он сказал, что единственный действенный способ добиться сокращения выбросов в атмосферу CO₂ это ввести глобальный углеродный налог, начиная примерно с 15 долларов за тонну. Иначе промышленники ничего не сделают для решения проблемы.

Но смотрите, что тогда получится. Выиграют компании, которые используют технологии. Сам потребитель, который, как известно, платит за все, проголосует за них рублем. Вот телефон стоит, предположим, 100 евро. Добавим 25 евро углеродных налогов, уже 125 евро. А вот телефон другого производителя, с иными объемами производства и с другими выбросами CO₂ в атмосферу. Этот телефон стоит, например, 120 евро плюс углеродный налог 10 евро. Но он более продвинутый. А так как разница в цене небольшая, я куплю его. Следовательно, компания X выиграет у компании Y.

Вот этот вариант гораздо разумнее, чем вариант экстремистов от экологии, типа Греты или того, кто там за ней, возможно, стоит. **■**

«ВСЯКО ЗЛО ЗА ДОБРО»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА БУКАСОВА-БОГОСЛОВОВА – АВТОР ЕДИНСТВЕННОЙ В СВОЕМ РОДЕ КНИГИ О ЖИЗНИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРСКОЙ ВАРНЕ. ДОЧЬ ЭМИГРАНТА ТОЙ ВОЛНЫ, ОНА СОРОК ЛЕТ ПРОРАБОТАЛА УЧИТЕЛЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ ГОРОДА И ТОЛЬКО НА ПЕНСИИ НАШЛА ВРЕМЯ НАПИСАТЬ О ЗАБЫТЫХ РУССКИХ ГЕРОЯХ.

О СОФЬЕ НИКОЛАЕВНЕ и ее книге «Русский след в Варне» я узнал уже после того, как несколько раз побывал в этом городе. Книга дважды переиздавалась в Варне общим тиражом всего около 600 экземпляров. Неудивительно, что я не смог ее найти. Как не смог разыскать и Софью Николаевну: даже в Генконсульстве России в Варне, которое несколько лет назад занималось изданием книги, сейчас никакой связи с автором нет... И вот заходим мы в церковь Архангела Михаила, а здесь – сюрприз: в книжной лавке обнаружилась вожделенная книга, а сотрудники храма с легкостью поделились телефоном автора.

БОЛГАРАМ НУЖНЕЕ

Найти квартиру Букасовых-Богословых не составило труда: подъезд находится напротив Успенского собора. Софья Николаевна встретила меня радушно: испекла морковный пирог, болгарскую баницу, после угощения развлекала игрой на фортепьяно...

«Книгу я взялась писать в 1990-е годы, – рассказывает Софья Николаевна. – Обидно было, какая тут русофобия началась. По телевизору кричали «руски – червени буклуцы». Мои дочери аспирантуру в Одесском университете окончили. Вернулись в Варну – а тут такое. Посчитали за лучшее уехать. Мы с мужем тогда только на пенсию вышли.

На улице страшно появиться было – дома сидели. Я – учитель русского языка, муж – болгарин, но известный русофил, судьей тридцать лет отработал.

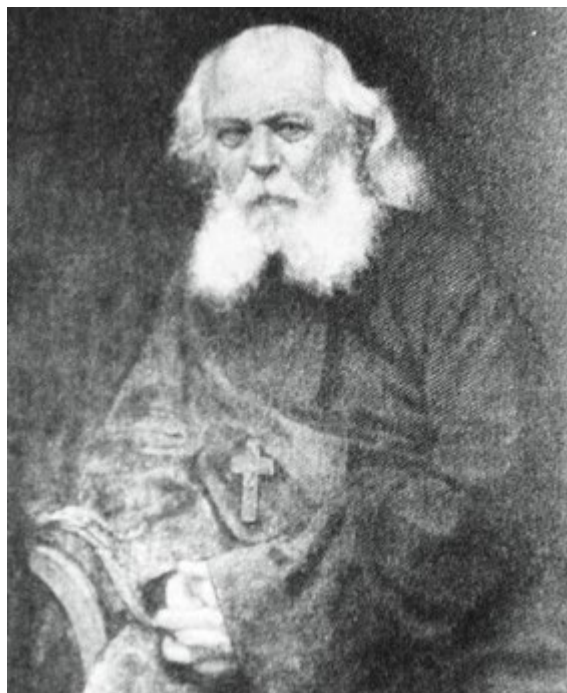
А ведь во многом благодаря русским эмигрантам Варна стала культурным, цивилизованным городом. В 1922 году первую медицинскую лабораторию в городе открыл доктор Сергей Квятковский, первый роддом создал доктор Владимир Смоленский, первым неврологом стал доктор Сергей Мишин, первые пассажирские суда строил инженер Владимир Рождественский. Об этом сейчас никто не помнит. Теперь уже живых свидетелей тех времен почти не осталось. Начиная писать книгу на русском языке, затем перешла на болгарский – местные издания стали заказывать статьи, спонсор появился для издания книги на болгарском языке. Болгарам эта книга была нужней. Основной текст писала два месяца – и днем, и ночью. Спать не могла. Лягу на кровать и думаю: о докторе Матвееве написала, нужно о Йорданове сказать, Прудкина не забыть... Встаю и пишу дальше. Как сумасшедшая. Родные не знали, когда мне звонить – думали, может, я сейчас только прилегла после бессонной ночи».

Доктор Смоленский проводит занятие в Музее акушерства и гинекологии

ОТ БЕЛГОРОДА ДО КАРАНТИНАТА

Помимо работы в архивах Софья Николаевна писала истории из жизни своей семьи, принимавшей участие в жизни первой русской общины в Варне. «Мой дедушка, Владимир Константинович Букасов, служил священником в храме Святого Николая в Белгороде, – продолжает Софья Николаевна. – Был известным борцом с сектантством. По воскресеньям после службы вел полемику с представителями разных религиозных сект, которых в России начала XX века появилось немало. Мой папа, Николай Букасов, родился в 1901 году. Ждали, что он будет священником, но у него с детства открылись музыкальные способности. Это благодаря маме, Александре Васильевне, которая получила хорошее музыкальное образование. Старшие сестры отца тоже приобщались к музыке, играли на фортепьяно. Николай готовился поступать в консерваторию, но на семью обрушились несчастья: в 1914 году умерла мама, в 1918-м – отец. Большевики отнесли к осиротевшему Николаю благосклонно. Взяли его в штаб писарем. Мой отец окончил гимназию с золотой медалью, грамотно и очень красиво писал. В голодном Белгороде ему

с сестрами жилось неплохо – новая власть поддерживала семью продуктами. Но однажды отец увидел из окна, как соседей поставили к забору и расстреляли. Три ночи не спал – думал, как жить дальше. Ушел из Белгорода тайно, даже сестрам ничего не сказал. Они нашли друг друга только в 1932 году. Отец поступил в Добровольческую армию. Почему и как воевал – никогда не говорил, мы не должны были знать. Рассказывал лишь, как сослуживцы удивлялись его

Протоиерей
Иоанн Слюнин
до революции
служил
в Северо-
Американской
митрополии
РПЦ. Умер
«отец русской
общины»
в Варне
в 1938 году

неприспособленности к военному делу и про то, как он первый раз чистил ружье, направив дуло на себя. Тогда-то он и узнал поговорку: «Незаряженное ружье раз в жизни стреляет». Отец прошел эвакуацию из Крыма, лагерь в Галлиполи, а в 1922 году прибыл в Варну». К тому времени в городе уже было много русских беженцев. Еще в начале 1920 года на разных судах из России в бухту Варны прибыло около 6 тысяч человек. Их размещали в школах, казармах, бараках – везде, где было свободное место. Ситуация была крайне тяжелая: в лагерях бушевал тиф, люди впадали в отчаяние. Священник Иоанн Слюнин едва успевал отпевать умерших. В конце 1922 года во время вывода русской армии из Галлиполи через Варну прошло порядка 30 тысяч военных. Первое время беженцев держали на карантине до города – эта местность до сих пор называется «Карантината», то есть «Карантинная».

У АФАНАСЬЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

Большинство беженцев в Варне не задерживались: прибывшие отправлялись в другие города Болгарии и соседние страны Европы. Оставшиеся были вынуждены браться за любую работу. Особенно тяжело приходилось людям без какой-либо квалификации – их нанимали на строительство железных и шоссейных дорог, на работы в сельском хозяйстве. Часто отношение к ним было пренебрежительное: платили русским меньше, чем болгарам, и приговаривали «Айда, русак! Айда, братушка!» (то есть «Давай, русский! Давай, братушка!»). Нанимаясь на работу и подписывая контракт, русские настаивали на том, чтобы к ним не обращались «айда». Варненский митрополит Симеон передал беженцам храм Святого Афанасия. Настоятелем прихода выбрали отца Иоанна. Храм был центром не только религиозной жизни, в цер-

В результате
раскопок
римских терм
храм Святого
Афанасия
лишился
большой части
прицерковного
парка

ковных зданиях размещались Русский клуб, Дом инвалидов, детский сад, начальная школа, гимназия. Одно время классов не хватало, и занятия проводились под открытым небом на берегу моря. Школьники сидели на песке, держа учебники и тетрадки на коленях... Столовая для малоимущих и канцелярия занимали коридоры находящихся рядом с храмом античных римских терм. Русский клуб многие годы был сердцем культурной жизни общины – здесь проводили праздники, устраивали музыкальные, литературные, театральные вечера, читали лекции. Позднее клуб переехал в просторные залы нового здания на Приморском бульваре.

Конечно, далеко не всем удавалось устроить нормальную жизнь даже спустя несколько лет. Генерал Обух, например, продавал на улице пончики, которые пекла его жена. В белом переднике, с корзиной пончиков в руках и генеральской фуражкой на голове он выкрикивал: «Пончики! Пончики! В России я был генералом, а в Болгарии пончики продаю».

ВОДОЛАЗЫ, ДЖИГИТОВКА И АРОМАТНЫЕ ПОДУШКИ

«Все-таки основная масса русских эмигрантов, осевших в Варне, – говорит Софья Николаевна, – были образованные люди, сумевшие найти себя в новом обществе и внести весомый вклад в развитие города. Это были врачи, инженеры, ученые, архитекторы, художники, музыканты, учителя, предприниматели.

Степан Лозенко прибыл в Варну 25-летним юношей. В Полтаве он окончил техническое училище, прошел Первую мировую войну, чудом выжил во время газовой атаки в Румынии. В Варне он открыл небольшую литейную мастерскую, печь для которой сделал сам. В 1920 году к нему присоединились Борис Романов и Захарий Малейков. Вместе они

Николай Подрезов с женой Натальей, сыном Алексеем и другом семьи Георгием Бризгалиным (справа)

создали Торгово-индустриальное собирательное общество «ЛОРМ» – аббревиатура из первых букв фамилий собственников. Фирма «ЛОРМ» стала крупным предприятием по производству замков и мелких металлических предметов – это была единственная в городе фабрика и одна из немногих в стране, где делали качественные замки.

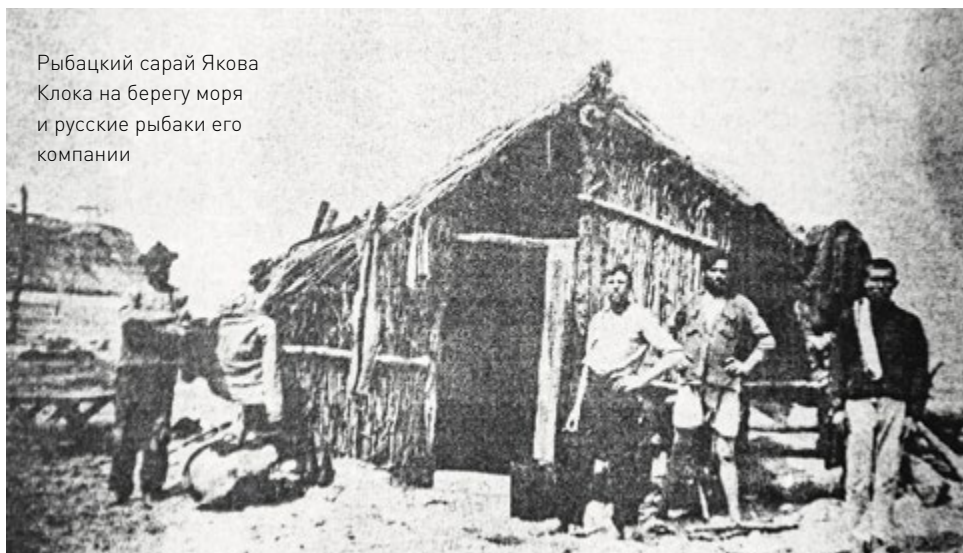
Семья Николая Подрезова открыла сначала ресторан, а за-

В 1930-е годы фабрика «ЛОРМ» получила три золотые медали на выставках в Варне и Пловдиве

тем магазин по продаже сена – в те годы основным средством транспорта были фаэтоны и телеги. Сено у «бай Николая-руснака», как называли хозяина магазина, использовали не только на корм лошадям. Им наполняли подушки и матрасы! Сено в русском магазине хвалили, как самое чистое и ароматное.

Русские эмигранты поддерживали друг друга и в помощи своим соотечественникам не отказывали. В 1919 году на своем паруснике «Святослав» из Севастополя в Варну прибыл Яков Клок с женой и пятью детьми. Первое время он занимался перевозкой грузов на паруснике вдоль побережья, плавал до Константинополя. Затем он вместе с Семеном Дудиным создал рыболовецкую компанию, давшую многим беженцам стабильную работу. Сам же Яков Клок в 1925 году попал в шторм и погиб. Семен Дудин

Рыбацкий сарай Якова Клока на берегу моря и русские рыбаки его компании

На лодке «Вера» русские водолазы поднимают оружие со дна Черного моря

взял на себя заботы по обеспечению семьи делового партнера – все дети Якова получили хорошее образование.

Русские хорошо зарекомендовали себя в самых разных сферах. Были, например, отличными водолазами. После Первой мировой войны Болгария, как проигравшая страна, должна была провести демобилизацию армии. Англо-французские войска утопили вооружение болгарской армии в бухте Варны. В 1926 году один английский предприниматель решил оружие достать. Он обучил группу русских водолазному делу, и они успешно справились с задачей. Получили солидное вознаграждение. Среди водолазов был Павел Апрелев – искусный «джигит». Он вместе с другими казаками занимался джигитовкой – показывал на ипподроме трюковые номера на скачущих лошадях».

ОТ ФОРТЕПЬЯНО НА КАМЕНОЛОМНИ

Николаю Букасову в Варне пришлось второй раз оканчивать гимназию. В 1925 году он поступил в Высшее торговое училище. Но основным занятием для него все-таки стала музыка: он играл на фортепьяно в варненских ресторанах, озвучивал фильмы немого кино. В 1932 году женился на Екатерине Полихроновой – девушке греческого происхождения. Через год в семье родилась единственная дочь – Софья.

«Чтобы обеспечить семью, отец работал допоздна, – вспоминает Софья Николаевна. – Летом играл в оркестрах, выступавших на открытых площадках, играл по ресторанам и в кинотеатрах; поздно вечером занимался бухгалтерией у предпринимателя Кабанова. Если не было музыкальной работы, мастерил дома деревянные корбочки для аптек. Когда не хва-

«Джигиты» выступали не только в Варне, они колесили с гастрольями по всей Болгарии

тало денег заплатить за аренду пианино, поддерживал форму, упражняясь на деревянной клавиатуре, которую тоже сделал сам. Общаться со мной ему было совершенно некогда. Моим первым языком был язык мамы – греческий. Поэтому отец настоял, чтобы меня в трехлетнем возрасте отдали в русский детский сад.

Отец никогда не жаловался на тяжесть жизни, был прямолинейным, не любил лишнего разговоров. Говорил, что Бог нам поможет, все наши испытания – к лучшему. Или, как говорят болгары, «всяко зло за добро».

Постепенно положение семьи стабилизировалось. У нас проводились музыкально-литературные вечера, играли на фор-

Николай Владимирович Букасов прожил в Варне долгую, насыщенную жизнь. Умер в 1996 году в возрасте 95 лет

Русский оркестр в одном из ресторанов. За фортепьяно – Николай Букасов

тепьяно, пели русские романсы, читали стихи и рассказы русских классиков, танцевали казачка, краковяк. Отец здорово импровизировал, друзья приглашали его играть к себе домой. Известнейший в городе хирург доктор Милев любил послушать отца перед сложной операцией. Его клиника располагалась в массивном трехэтажном здании на «Шишкова градинка». На нижних этажах размещались операционная, палаты реанимации, лаборатория. На верхнем этаже жила семья Милевых – там в гостиной на рояле играл отец.

Все изменилось с началом войны. В 1942 году отца призывали на фронт. Болгария тогда была союзником Германии. Хотя болгарский корпус не воевал на Восточном фронте, многие призывники полагали, что придется сражаться с Красной армией. Отец категорически отказался воевать против соотечественников. Его отправили в исправительно-трудовой лагерь на каменоломни в село Раковец близ Шербы. В это же время мама тяжело заболела, ее увезли на лечение. А я, девятилетний ребенок, со скарлатиной лежала одна целый месяц в больнице. На помощь пришли друзья: семья профессора Долинского после больницы забрала меня к себе. Прожила у них два месяца.

Отец вернулся в конце 1943 года – усталый, измученный. Тяжелая работа на каменоломнях отразилась на его здоровье. Мама отпаивала его травами, а ее двоюродная сестра, у которой было свое хозяйство в Добрудже, присылала нам продукты – во время войны с этим было трудно.

Хорошо помню, как 9 сентября 1944 года советские войска вошли в город. Мама послала меня к тете передать что-то. Шла я по городу, пока путь не преградили солдаты – целая армия шла по улице. Смотрела, смотрела на них и побежала обратно домой. Мама

Николай
и Екатерина
Букасовы
с дочерью
Софьей

объяснила: если форма русская – значит, это русские военные. Тут уже по радио стали объявлять, люди выходили встречать солдат с цветами, кричали: «Свобода! Свобода!» Да... Теперь некоторые кричат: «Порабощение».

РУССКИЙ ЯЗЫК И МУЗЫКА

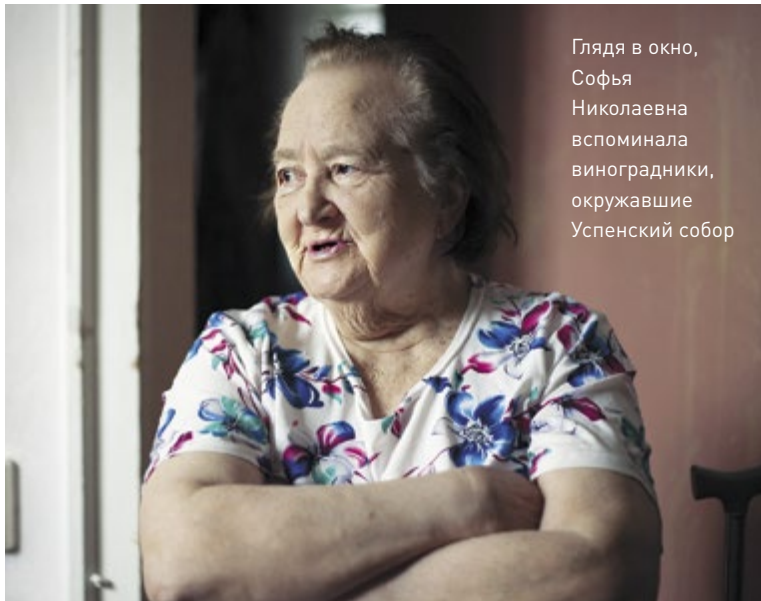
С приходом коммунистической власти фирму «ЛОРМ» национализировали, так же как и клинику доктора Смоленского. самого доктора отправили работать в город Тырговиште. Эмигранты первой волны стали уезжать в другие страны,

некоторые возвращались на родину.

«Папа хотел отдать меня в музыкальную школу, – рассказывает Софья Николаевна. – Но царившие там нравы ему были не по нутру. Я брала частные уроки фортепьяно. Отец ждал, что мне удастся осуществить его мечту – учиться в музыкальной академии в Софии. Я съездила в столицу, сдала экзамены, вернулась в Варну. А тут директор нашей школы настойчиво убеждал меня пойти учиться на преподавателя русского языка. Правду, говорит, тебе скажу: теперь

На старом
городском
кладбище
могилы
первых русских
эмигрантов
выделяются
восьмиконечны-
ми крестами

Глядя в окно,
Софья
Николаевна
вспоминала
виноградники,
окружавшие
Успенский собор

во всех школах и на предприятиях будут изучать русский язык. Обещали мне хорошую стипендию, расписание такое, чтобы я могла продолжать музыкой заниматься. Я согласилась. Училась на ускоренном курсе русской филологии при Софийском университете им. святого Климента Охридского. И потом сорок лет проработала в разных школах учителем русского языка.

Замуж вышла в 21 год за молодого юриста Паскаля Богословова. Паскаль вообще-то мечтал стать врачом. После школы он поступил на медицинский факультет в Софийский университет. Выдержал один семестр. Потом перевелся на

юридический. А в школу, где я преподавала, Паскаль пришел с другом именно в поисках невесты. Стал приходить в школу, ухаживать за мной. А вот ученикам моим Паскаль не нравился – камнями в него кидали.

Почему я рано вышла замуж? Чтобы родителей примирить. Отец хотел в Россию вернуться. Мама сопротивлялась, говорила: «Не могу бабушку и сестер оставить. И кто нас там ждет? Вообще в Сибирь отправят!» Тогда отец решил уехать со мной. Мама не соглашалась меня отпустить. Я и вышла замуж, чтобы эти распри прекратить. А с родиной отец так и не увиделся. Хотя мы ему предла-

Книга «Русский след в Варне» на болгарском языке давно стала библиографической редкостью

гали. Я в России впервые была в 1960 году – целый год проходила курс повышения квалификации в Одесском университете. В 1970-м полгода в МГУ училась.

Сейчас из семей первых эмигрантов уже почти никого не осталось. Я знаю только Аннушку – она моя одноклассница, племянница доктора Матвеева. Встречаемся редко». От одиночества Софья Николаевна, кажется, не страдает. Во время нашей беседы в гости пожаловали ее ученики – священник Любомир Попов с женой Верой. Просто зашли проведать, принесли сумку гостинцев. Вера всего на четыре года моложе своей учительницы – в 1953 году после обучения Софью Николаевну поставили преподавать в одиннадцатом классе. Гости вспоминали учебу в школе и то, как в последующие годы помог им русский язык. Судя по всему, за сорок лет работы учителем Софья Николаевна смогла сделать в Варне не меньше, чем те люди, о которых она написала книгу.

Софья Букасова и Паскаль Богословов. В браке у них родились две дочери

Михаил
Абрамович
Морозов
за чтением
газеты.
Рисунок
С.А. Виноградова

САМОРОДОК

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА

СТО ЛЕТ НАЗАД ЖИЛ В МОСКВЕ МОЛОДОЙ БИЗНЕСМЕН, УДИВЛЯВШИЙ ВСЕХ ЭКСТРАВАГАНТНЫМИ ПОСТУПКАМИ. О СЕБЕ ОН НЕ БЕЗ ГОРДОСТИ ГОВОРИЛ: «Я – РУССКИЙ САМОРОДОК, СМЯГЧЕННЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ».

ХОДИЛИ СЛУХИ, ЧТО за одну ночь он проиграл в карты в Купеческом клубе табачному фабриканту Бостанжогло миллион рублей. Говорили об устроенной им в зимнем саду собственного особняка на Смоленском бульваре картинной галерее, где были «Царевна-Лебедь» Врубеля, «Поле маков» Клода Моне, «Портрет актрисы Жанны Самари» Огюста Ренуа-

ра, шедевры Ван Гога, Боннара, Мунка. А в 1897 году на сцене Малого театра прошла премьера спектакля «Джентльмен». Прототипом ее главного героя был все тот же человек – Михаил Абрамович Морозов. О Морозове-коллекционере написано немало. Оставим вопрос о коллекциях искусствоведам и поговорим о семье, в которой выросла яркая личность Михаила Морозова.

КОРНИ

В неумной натуре Михаила Абрамовича была перемешана кровь двух выдающихся русских предпринимательских династий – Хлудовых и Морозовых. Предки Михаила Морозова по линии отца происходили из крепостных крестьян Богородского уезда Московской губернии. С конца XVIII века они занимались разносной торговлей, позже завели фабрики и, накопив денег, выкупились на волю в 1820 году. По мнению историка Ивана Мешалина, первое шелкоткацкое предприятие основателя династии, Саввы Васильевича Морозова, существовало с 1801 года. Савва прожил 90 лет, имел сыновей, от которых пошли четыре ветви промышленного дела Морозовых. Морозовы были старообрядцы, придерживались строгого соблюдения православных обрядов. Старообрядцы нередко давали детям библейские имена. Одного из сыновей Савва Васильевич называл Авраамием, в просторечии Абрамом. Тот, в свою очередь, имел двух сыновей – Абрама и Давида. А наш герой Михаил, родившийся в 1870 году, являлся старшим сыном Абрама Абрамовича.

Ветвь Абрамовичей входила в число лидеров российской текстильной отрасли. Их Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий, учрежденное в 1859 году, неизменно держалось в пятерке самых мощных фабрик Российской империи. Хлудовы также были видными текстильщиками. По семейному преданию, они вначале ра-

Сцена из спектакля «Джентльмен» по пьесе А.И. Сумбатова-Южина. Малый театр. Конец 1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ботали как ткачи-надомники в родной деревне Акатово, переселились в Москву после войны 1812 года и жили здесь первые годы в статусе «экономических» крестьян Егорьевского уезда Рязанской губернии (то есть числились по Департаменту экономики, работали не на помещика, а на государство. – Прим. авт.). В 1824 году поступили в московское купечество. В Москве основоположник династии Иван Иванович Хлудов завел предприятие по изготовлению кушаков. Об успехе бизнеса говорил факт приобретения двух лавок в Китай-городе и собственного дома в Яузской части. После смерти отца шестеро сыновей устроили фабрику по производству хлопчатобумажной пряжи в Егорьевске. Предприятие было запущено в 1845 году, позже был учрежден торговый дом первой гильдии сначала под руководством четырех братьев, а потом – двух под названием «Алексей и Герасим Ивана Хлудова сыновья».

За несколько десятилетий Хлудовы вошли в число московских текстильных фабрикантов-миллионеров. В 1903 году на трех предприятиях Хлудовых – в Рязанской, Ярославской и Смоленской губерниях – работали 13 тысяч рабочих и вырабатывалось товара на 12,3 миллиона рублей.

Хлудовы славились увлеченностью искусством. Дед нашего героя, Алексей Иванович Хлудов, имел репутацию «человека неподкупной чести, прямого, правдивого, трудолюбивого». Он не получил университетского образования, но «отличался силой ума». Был председателем Московского биржевого комитета в 1859–1865 годах и знаменитым коллекционером рукописей XV–XVIII веков. Сейчас собранная им коллекция хранится в Историческом музее. В 1869 году, когда его дочь Варвара Алексеевна Хлудова вышла замуж за Абрама Абрамовича Морозова – две династии миллионеров-текстильщиков породнились.

Москва.
Тургеневская
площадь.
Здание
Общедоступной
библиотеки-
читальни имени
Тургенева.
Архитектор
Д.Н. Чичагов.
1910-е годы

КРАСИВАЯ МИЛЛИОНЕРША

Варвара Алексеевна Хлудова, в замужестве Морозова, стала одной из первых русских женщин, ярко проявивших себя в общественной жизни. Купец-мемуарист Николай Варенцов вспоминал: «Молодая красивая миллионерша Варвара Алексеевна Морозова <...> была одной из передовых свободомыслящих дам московского купеческого круга. Оставшись

молодой вдовой после смерти мужа <...> с тремя сыновьями Михаилом, Иваном и Арсением, которым давала отличное образование, она свое громадное дело, оставленное мужем, крепко держала в своих руках, управляя им через оставшихся старых опытных служащих и вновь приглашенных руководителей».

«Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами», – писал о ней один из создателей Художественного театра, Владимир Немирович-Данченко. В 1883–1885 годах Варвара Алексеевна Морозова создала знаменитую Общедоступную библиотеку-читальню имени Тургенева, вложив в нее более 50 тысяч рублей. Было построено специальное здание по проекту Дмитрия Чичагова, разрушенное, несмотря на протесты общественности, в 1972 году. Площадь, а затем и станция метро на пересечении улицы Мясницкой и Бульварного кольца получила по библиотеке-читальне название «Тургеневская».

Бесценна роль Варвары Алексеевны в развитии медицины и здравоохранения в Москве. В 1882 году, вскоре после смерти мужа, она дала полмиллиона рублей на устройство психиатрической клиники имени А.А. Морозова при медицин-

Варвара
Алексеевна
Морозова.
Конец
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ском факультете Московского университета. Попечитель Московского учебного округа граф Павел Капнист в речи на освящении здания клиники в 1887 году сказал: «Университет навсегда сохранит на страницах своих летописей благодарную память об имени В.А. Морозовой. <...> Когда очень возросло число студентов, а аудиторий и клинических помещений не хватало, был выработан преподавателями факультета строго и всесторонне обдуманый план устройства целого клинического городка. Однако, из-за громадности сумм, план этот казался неосуществимым. <...> Но мы ошибались. В самую критическую для университета минуту явился целый ряд крупных пожертвователей, среди коих первое место принадлежит пожертвованию В.А. Морозовой».

В 1903 году университету, вновь по инициативе Морозовой, поступило пожертвование на создание Ракового института имени Морозовых. Сама Варвара Алексеевна дала 30 тысяч рублей, три ее сына, Михаил, Иван и Арсений – по 30 тысяч рублей, к ним присоединились Морозовы двоюродные и троюродные (шесть человек), а также их друзья. Всего удалось собрать 350 тысяч рублей. В 1905 году Раковый институт был открыт.

Пожертвования поступили от нее также на здание начального женского училища, создание химической лаборатории Университета имени Шанявского, общежитие в Московском техническом училище (в советское время переименовано в Бауманское. – Прим. авт.).

Личная жизнь Морозовой была бурной. После смерти первого мужа она состояла в гражданском браке – говорили, что по завещательным затруднениям брак не стал официальным, – с главой газеты «Русские ведомости» профессором В.М. Соболевским и вдобавок к трем сыновьям от первого брака родила сына и дочь от Соболевского.

Представители четырех ветвей морозовского рода. Первый слева – Абрам Абрамович Морозов. Начало 1860-х годов

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

В 1882 году после смерти мужа 33-летняя Варвара Алексеевна заняла его место директора-распорядителя Товарищества Тверской мануфактуры. В это время сыновьям Морозовой было 11, 10 и 8 лет. С 1896 года, когда они достигли совершеннолетия, мать поставила на места директоров сыновей Михаила и Ивана Абрамовичей, оставив четвертым директором Н.П. Алексеева. С 1899 года директорат целиком состоял из членов семьи – матери во главе товарищества и трех сыновей-директоров. В 1908 году, после того как Арсений трагически скончался, Иван занял место директора-распорядителя, а мать перешла на место директора, где оставалась до 1917 года. Устав Товарищества Тверской мануфактуры был утвержден 1 января 1859 года, после того как Савва Васильевич Морозов

Главная контора Товарищества Тверской мануфактуры на Варварке. Начало XX века

арендовал на пятьдесят лет участок земли у крестьян Рождественской слободы близ Твери. В середине 1880-х предприятие производило хлопчатобумажные ткани на 4,5 миллиона рублей в год, на нем трудилось более 5,5 тысячи рабочих. В 1913 году товаров было выработано на 30 миллионов рублей, а число рабочих достигло 14 тысяч человек. В ассортименте было представлено более 400 видов ткани (плательные, брючные, парусные, простынные, мебельные), каждый – от 4 до 20 расцветок. Товар пользовался успехом. Сбытовые отделения фирмы имелись на Нижегородской ярмарке, в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Омске, Тифлисе, Варшаве, Харькове, Ташкенте, Коканде, Бухаре. Только Московская контора, к примеру, в 1910 году обслужила 1185 оптовых клиентов.

Вид фабрик Тверской мануфактуры Морозовых. Начало XX века

ХАРАКТЕР

Михаил Абрамович был старшим сыном. Отец умер, когда Мише было 11 лет, так что ему рано пришлось стать самостоятельным. Он в любом занятии проявлял азарт. В гимназии все схватывал на лету. С ранних лет они с братом Ваней учились рисованию у известных художников – сначала у Николая Мартынова, который давал уроки многим детям из купеческих семей, например Михаилу Сабашникову, позже у Константина Коровина. Эти педагоги ходили к ним на дом, а студию мальчики Морозовы посещали по воскресеньям.

В 1893 году Михаил Морозов окончил историко-филологический факультет Московского университета. Он любил литературное творчество и стал публиковать статьи по искусству и путевые заметки в периодических изданиях, таких как «Новости дня» и «Северный вестник». Стезя промышленника словно была тесна для него. Смолоду Михаил Абрамович слыл снобом и эстетом. Скрывшись под псевдонимом Михаил Юрьев, Морозов напечатал в 1894 году историческую монографию «Карл Пятый и его время» и книгу «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки». В 1903 году был издан его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Морозов – студент Московского университета

роман «В потемках», однако весь тираж был уничтожен по требованию цензуры.

Упоение богемной жизнью причудливо сочеталось с религиозностью. Здесь нелишне вспомнить, что благочестие было семейной традицией – бабушка Михаила, Дарья Давыдовна Морозова, после смерти мужа Абрама Саввича ушла в строгое монашество, приняв имя «схимницы Деворы».

В 27 лет Михаил Морозов стал старостой Успенского собора в Кремле, сменив на этом посту знаменитого адвоката Федора Плевако. Здесь соединились вера и любовь к искусству. По словам супруги, Маргариты Ки-

рилловны Морозовой, «собор этот он очень чтит и любил, истратил большие средства на его отделку и ремонт, и кроме того, работал над его историей».

Избрание купца церковным старостой определялось не только щедростью московского купечества, но и его рачительностью. С начала XIX века московский губернатор предписал выбирать церковного старосту Успенского собора из купцов или мещан. Церковным старостой мог быть человек не моложе 25 лет, известный своей преданностью христианской церкви, грамотный, который не был под судом или следствием. Староста должен был поддерживать в исправности здание храма, пополнять ризницу и церковную утварь.

Михаил Абрамович вложил большие личные средства в реставрацию и убранство этого выдающегося архитектурного памятника XIV–XV веков, где венчали на царство российских государей, включая и Николая II.

Одновременно Морозов был старшиной московского купеческого сословия, депутатом Московской городской думы, казначеем Московской консерватории.

Наряду с серьезными занятиями Михаил Абрамович обожал светскую жизнь – балы в собственном особняке, кутежи в ресторанах. Разбирался в гастрономии, любил как изысканную французскую кухню, так и сытную русскую. Пил и ел без ограничений, махнув рукой на свою склонность к полноте. На жену и родных, пытавшихся его образумить, срывался и топал ногами. В результате хроническое заболевание почек прогрессировало, но на диету Морозов садиться отказывался. После одного из пиршеств, где он переед любимого сырокопченого мяса, которое запивал водкой, началось обострение воспалительного процесса. Лучшие врачи были бессильны помочь, и 33-летний Михаил Абрамович скончался в конце 1903 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М.А. Морозов у парижского поезда. Около 1900 года

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МАРГАРИТА

Женился Михаил Абрамович в 21 год, еще учась в университете. Отцом стал в 22. Избранницей Морозова была 18-летняя красавица Маргарита Кирилловна Мамонтова, приходившаяся племянницей Павлу Михайловичу Третьякову.

Маргоша, как ласково звали ее родные, имела хорошую купеческую родословную, но не была богата. Мать ее, Маргарита Оттовна, была на три четверти немкой и на одну четверть армянкой. Немецкий дедушка Отто Антон Лёвенштейн был московским купцом, а армянский прадед, Агапит Михайлович Эларов, переселившийся в Первопрестольную из Астрахани, занимал должность главного маклера Московской биржи. Отец Маргариты, Кирилл Николаевич Мамонтов, двоюродный брат знаменитого Саввы Мамонтова, имел посудный магазин на Басманной. Однако более, чем бизнесом, был увлечен кутежами и путешествиями. Одна из его поездок на французский Лазурный Берег стала последней – запутавшись в долгах, он застрелился. Маргоше в год гибели отца было 6 лет, а ее младшей сестре – 4.

Маргарите Оттовне пришлось самой искать средства к существованию. Другая, оставшись вдовой в 27 лет, может быть, опустила бы руки, но не Маргарита-старшая. Она уехала с дочерьми в Париж, где выучилась портновскому делу. Вернувшись в Москву, объехала с визитами своих богатых подруг, просила поддерживать ее заказами. Все дамы отнеслись сочувственно. Со временем стало считаться большим шиком иметь приданое, шпите у Мамонтовой. С 1889 года Мамонтова числилась купчихой второй гильдии и имела белошвейное «ремесленное заведение» на Большой Никитской. Третьяковы, родственники со стороны мужа, тоже помогали: по воскресеньям брали девочек Маргошу и Лёлю к себе в гости. Заработки Маргариты-старшей позволили ее детям учиться в хорошей школе, заниматься музыкой, гимнастикой, языками.

М.К. Морозова с детьми и двумя неизвестными в своем доме на фоне портрета мужа работы В. Серова

Маргарита Кирилловна любила мужа, хотя двенадцать лет совместной жизни не были радужными. Вспыльчивость и даже психическая неуравновешенность Михаила Абрамовича часто доставляли ей душевные страдания. И одновременно муж баловал ее, устраивая путешествия во Францию, Италию, Испанию, Египет. На память о поездке 1894 года Михаил Абрамович купил в Каире за кругленькую сумму настоящую мумию в саркофаге, которую, правда, через два года решил

Маргарита Оттовна Мамонтова, урожденная Лёвенштейн (1852–1897), в юности

убрать из своего дома и передал в музей. Приобретенный сразу после свадьбы особняк на Смоленском бульваре стоимостью около 120 тысяч рублей Михаил Абрамович оформил на имя Маргариты Кирилловны.

Муж создавал супруге возможности для творческого развития. Маргарита брала уроки музыки у Метнера и Скрябина, посещала не только балы, но и интеллектуальные собрания. В Москве она слыла легендарной личностью. Всегда великолепно одетая, держащаяся с большим достоинством, она вызывала восхищение окружающих. Юношей в нее был влюблен поэт Андрей Белый, в котором проезд экипажа обворожительной миллионерши по арбатским переулкам вы-

Дом М.К. Морозовой на Смоленском бульваре

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зывал бурю чувств. И при этом, несмотря на целую свиту поклонников, Маргарита Кирилловна сохраняла безупречную репутацию.

У Морозовых родились два сына и две дочери. Сын Михаил стал в советское время знаменитым профессором-шекспироведом. Это его «Портрет Мики Морозова» кисти Валентина Серова считается одним из шедевров русской портретной живописи.

После рождения дочери Маши – она появилась на свет через два с половиной месяца после смерти отца – Маргарита Кирилловна в начале 1904 года с детьми и сестрой Еленой уехала жить в Швейцарию. Ей было невыносимо оставаться в Москве, в прежде счастливом семейном доме. За границей она провела более года. Вернувшись в Москву, она обрела себя в общественной деятельности. В память о муже в 1905 году был устроен приют имени М.А. Морозова с ремесленной школой на 100 детей в попечительстве о бедных Рогожской части.

Маргарита Морозова стала сотрудником философского кружка Владимира Соловьева, членом Религиозно-философского общества. Много лет она поддерживала стипендией композитора Александра Скрябина, финансировала театральные начинания Сергея Дягилева. Создала издательство «Путь», обеспечивала издание журналов «Московский еженедельник» и «Новый путь». Ее близким другом стал профессор-философ князь Евгений Трубецкой.

В 1910 году Морозова передала в Третьяковскую галерею ценнейшую коллекцию своего мужа – картины французских импрессионистов и русские иконы.

Маргарита Кирилловна прожила 84 года, пережив троих из четверых своих детей. После 1917 года мыкалась по коммуналкам, но не пала духом. Умерла в Москве в 1958 году. Ее похоронили на Введенском кладбище на участке, купленном дедом-немцем Лёвентгейном, который нашел здесь покой почти за сто лет до своей выдающейся внучки.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ МИЛЛИОНЕРА

Из правления Тверской мануфактуры Михаил Абрамович ежегодно получал финансовый отчет об оплате из доходов фирмы его личных нужд. Отчет был подписан его братом Арсением, который по делам семейного бизнеса почти постоянно жил в Твери и руководил производством.

Михаил Абрамович входил в число богатейших людей страны. В 1901 году его расходы составили 184 483 рубля 60 копеек. К примеру, личные расходы

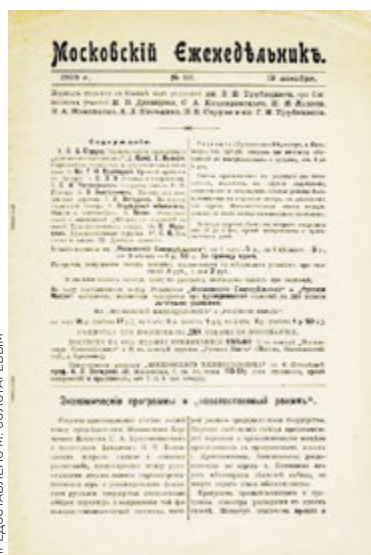
Михаил
Абрамович
Морозов

российского императора, по данным госбюджета, определялись в 1903 году в 212 062 рубля. Рассмотрим структуру семейного бюджета. Выдачи наличными Михаилу Абрамовичу и его супруге, а также их прислуге составили 25 процентов, благотворительные суммы – 14 процентов (в том числе по Успенскому собору Кремля – 1,2 процента), расходы на питание – 12,4 процента (6 процентов – на еду и 6,4 процента – на вино, предпочтение отдавалось импортным французским винам от фирмы Лёве), поездка за границу – 10 процентов, приобретение одежды и предметов интерьера – 6 процентов, содержание конюшни – 6 процентов, плата за отопление и освещение – 6 процентов, приобретение предметов искусства для коллекции – 5 процентов, аренда двух дач (одна из них в Крыму) – 4 процента, устройство вечеров – 4 процента, членские взносы в 11 благотворительных и просветительских обществ – 0,2 процента, разные мелкие расходы – 7,4 процента.

В отчете было учтено все до мелочей – даже покупка спичек (за год на 2 рубля 70 копеек), метел (2 рубля 71 копейка) и обрезание деревьев (6 рублей). Зафиксированы чаевые официантам (за год 90 рублей 32 копейки) и подношения полиции (за год 91 рубль во время ремонта дома).

Особую статью составляли счета за приобретение предметов искусства. Так, за один год было заплачено художникам за картины: Остроухову – 1000 рублей, Серову – 1000 рублей, А. Бенуа – 5643 рубля 05 копейки, В. Васнецову – 300 рублей, Арцыбашеву – 175 рублей, прочим от 100 до 200 рублей, всего же 9517 рублей 60 копеек.

Михаил Морозов безусловно относится к плеяде титанов русской жизни конца XIX – начала XX века. Он ярко жил и быстро старел. Масштаб его самобытной личности поражал современников и не перестает удивлять все новые и новые поколения. 📖

Московский
еженедельник
(М., 1909, №50).
Титульный лист.
Издавался под
редакцией князя
Е.Н. Трубецкого
на деньги
М.К. Морозовой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Антон
Дельвиг.
Литография
П. Бореля
1860-х годов
по рисунку
В. Лангера
1830 года

ЛЕНИВЕЦ СОННЫЙ

Антоша Дельвиг родился 17 августа 1798 года. Отец его, Антон Антонович, был обрусевшим и перешедшим в православие эстляндским немцем. Дома говорили по-русски, Антон-младший не знал немецкого языка до поступления в лицей, где взялся за его изучение под влиянием Кюхельбекера.

Дельвиг-старший служил в Астраханском полку, был плац-майором в Москве, затем бригадным генералом в Риге и Кременчуге, потом окружным генералом внутренней стражи в Витебске. Род баронов Дельвигов почти разорился, жалования отца едва хватало большой семье. Мать поэта, Любовь Матвеевна Красильникова, которую Пушкин по ошибке называет Рахмановой, была дочерью статского советника и внучкой известного астронома, служившего в Академии наук. Жена Дельвига Софья Михайловна описывала семью мужа как очень любящую и нежную: «В моей свекрови нашла я особу доброты, мягкости и любезности поистине редких. Мой свекор также человек превосходный; оба выказывают мне чувства привязанности самой трогательной, – равно как и пять моих золовок <...> У меня есть еще два маленьких шурина, из коих старшему 9 лет. <...>

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОН ЗАКАНЧИВАЛ СВОИ ПИСЬМА НЕОБЫЧНОЙ ПОДПИСЬЮ: «ЛЮБИТЕ ДЕЛЬВИГА». И В САМОМ ДЕЛЕ, НЕ ЛЮБИТЬ ДЕЛЬВИГА – ЕСЛИ ХОТЬ НЕМНОЖКО УЗНАТЬ ЕГО – ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО.

ДЛЯ СЕГОДНЯШНЕГО читателя Дельвиг всегда рядом с Пушкиным, в тени его: «Дай руку, Дельвиг! что ты спишь? // Проснись, ленивец сонный! // Ты не под кафедрой лежишь, // Латынью усыпленный». Или: «Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы». И главное: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига».

Дельвиг с его юношеской сонной ленью и ранним вечным сном – только предвестие будущего Обломова, обещание несбыточной русской мечты о золотом веке и счастливом покое. За то, наверное, и любим: не было бы Дельвига – не было бы и противовеса кипящему, стремительному пушкинскому гению. Не было бы, может быть, в русской литературе этой стихии покоя и гармонии – а только поиски бури.

Фузилеры Астраханского гренадерского полка.
1797–1801 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Флигель
Екатерининского
дворца
в Царском Селе
(в центре),
в котором
располагался
лицей. Слева –
Знаменская
церковь.
Фото середины
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Что удивительно и очень не часто встречается, – это то, что это большое семейство так тесно связано, что ты не можешь себе представить: можно сказать, что это один человек».

Антоша Дельвиг учился дома, затем в частном пансионе в Москве. Готовясь к поступлению в Царскосельский лицей, занимался с литератором Александром Боровковым, научившим мальчика любить словесность. Боровков сам отвез воспитанника на лицейские экзамены в 1811 году, Дельвиг держал экзамен в один день с Пушкиным. Среди лицеистов Антоша не выделялся ничем, кроме лени, тучности и сонливости: по успехам в учении в табели за 1812 год он числится четвертым с конца. Пушкин писал, что Дельвиг отличался замечательной живостью воображения, однажды придумал, что был свидетелем событий 1807 года, находясь в обозе при своем отце: «Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе». Директор тоже захотел послушать рассказ; Дельвигу было стыдно признаться, что он соврал, так что он повторил свои выдумки, и директор тоже ему поверил. При этом, замечает Пушкин, Дельвиг «никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины для избежания выговора или наказания».

Лицейский надзиратель Мартын Пилецкий записывал: «Способности его посредственны, как и прилежание, а успехи весьма медленны. Мешкотность вообще его свойство и весьма приметна во всем, только не тогда, когда он шалит и резвится: тут он насмешлив, балагур, иногда и нескромен; в нем примечается склонность к праздности и рассеянности». Правда, Пилецкий замечает в нем и «добродушие, усердие его и внимание к увещаниям, при начинающемся соревновании в российской истории и словесности». Стихи он любил по-настоящему – оживлялся, читал наизусть с восторгом, так что лицейский гимн призывал: «Полно, Дельвиг, не мори // Ты людей стихами». Пушкин вспоминал, что Дельвиг знал наизусть почти все «Собрание русских стихотворений», изданное Жуковским, и не расставался с томиком Державина. По замечанию второго директора лицея, Егора Энгельгардта, ему было свойственно «какое-то воинствующее отстаивание красоты русской литературы». Близорукий, смешной, трогательный, сонный ленивец Дельвиг абсолютно необходим как персонаж второго плана в любой истории о юности Пушкина. Но неужели это и есть смысл судьбы – быть другом и одноклассником гения, влететь в историю, уцепившись за фалду его фрака? Нет, все-таки с Дельвигом судьба работала как-то иначе.

ЧУВСТВО ГАРМОНИИ

В лицейский курс обучения входили русская, латинская, французская, немецкая словесность и риторика; преподаватель словесности Николай Кошанский требовал, чтобы воспитанники писали стихи по заданным образцам: первым поэтическим опытом Дельвига было подражание Горацию. Лицейист Михаил Яковлев вспоминал, что Дельвиг обязан своей привязанностью к классической словесности Кюхельбекеру. Вместе с ним Дельвиг читал древних классиков и немецких поэтов – Клопштока, Бюргера, Шиллера. Как пишет исследователь творчества Дельвига Вадим Вацуро, немецкие поэты, которыми они увлекались, обращались к античности – «в частности к античной метрике, как к средству избежать нивелирующей, вневременной классической традиции, которую связывали прежде всего с влиянием французской поэзии».

Поэты спорили о возможности перевода Гомера: возможен ли русский гекзаметр или надо следовать за французами, переводя классические поэмы alexandrinским стихом? Ведь у нас гекзаметром писал один Тредиаковский, и писал так, что на полвека отбил русским поэтам охоту повторять этот опыт. Но может быть, имеет смысл снова попробовать воссоздать звучание греческого стиха на русском языке? Гнедич уже работает над «Илиадой», юный Дельвиг осваивает русский гекзаметр, добиваясь ясности и звучности классического стиха – и ему это вполне удается. Неискушенному читателю кажется странным сочетание гекзаметров и русских песен в творчестве Дельвига; на самом деле это две стороны одной медали, поиски национального духа, как бы сейчас сказали – аутентичности: вот подлинно античное звучание, вот подлинно русское. Первые самостоятельные стихи Антоша Дельвиг написал в 1812 году – это была слабая стилизация под народную песню о Наполеоне, занявшем Москву. Но уже через два года Дельвиг стал писать

вполне мастерски. В лицее выпускали литературные журналы, в некоторых из них Дельвиг значится «цензором» – редактором и рецензентом. Пушкин замечал: «Оды «К Диону», «К Лилете», «Дориде» писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял».

Первая публикация Дельвига состоялась в 1814 году в «Вестнике Европы» – без имени автора. Пушкин рассказывал, что эти стихи «привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима». «Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы, – писал Пушкин. – Он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходились с его собственными». Но неверно было бы изображать Дельвига букой и нелюдимом. Лицейист Илличевский в письме товарищу упоминал о веселом и шутливом нраве Дельвига, прибавляя: «Он у нас один из лучших остряков».

К лицейскому выпуску Дельвиг написал кантату – «Прощальную песнь воспитанников Царскосельского лицея», которую лицейисты с тех пор всегда пели, собираясь 19 октября: «Шесть лет промчалось, как мечтанье, // В объятьях сладкой тишины, // И уж отечества призванье // Гремит нам: шествуйте, сыны!» Особенно хорош в кантате ее финал:

*Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлuku,
Быть может, здесь сроднила нас!*

И еще: в ней появляется призыв хранить «в несчастье – гордое терпенье». Это «гордое терпенье» несколько лет спустя появится в пушкинском послании к декабристам в Сибирь и в стихотворении Кюхельбекера «Марии Николаевне Волконской».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Антон Дельвиг.
Рисунок
акварелью
П. Яковлева.
1818 год

СОЮЗ ПОЭТОВ

После выпуска из лицея Дельвиг отправился служить в канцелярию Департамента горных и соляных дел, затем перешел на службу в канцелярию Министерства финансов. Жил бедно. Поселился на окраине Петербурга, в пятой роте Семеновского полка. Позже с ним поселился поэт Боратынский, тоже нищий, да еще обреченный на солдатскую службу из-за глупой юношеской выходки. Один из современников рассказывал,

что у поэтов почти не было мебели и совершенно не было денег, зато было много «самой беззаботной веселости». Хозяйством занимался слуга Дельвига Никита, ленивый и сильно пьющий – так что «вообще, порядок, чистота и опрятность были качествами, неизвестными в домашнем быту обоих поэтов».

В 1818 году Дельвиг стал членом Санкт-Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств, председателем которого был Александр Измайлов, издатель «Благонамеренного». Общество переживало не лучшие времена и не могло стать для молодого поэта ни хорошей литературной школой, ни собранием единомышленников. Однако завсегда общества часто бывали в салоне у Софьи Пономаревой, веселой и озорной женщины, муж которой, богатый купец, спокойно относился к причудам жены. В салоне царила атмосфера веселого дурачества, Софья Дмитриевна считалась прекрасной дамой, а гости – ее рыцарями. Они в нее влюблялись; не избежал этой участи и Дельвиг. Самоназванием общества стало «С.Д.П.» – инициалы хозяйки в шутку расшифровывали как «Сословие друзей просвещения». Здесь играли в литературные игры, писали и читали стихи – некоторые из них потом помещались в «Благонамеренном». В салоне

Диплом
действительного
члена Общества
любителей
русской
словесности,
выданный
А.А. Дельвигу
23 декабря
1823 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

у Софьи Дмитриевны Дельвиг познакомился с Гнедичем и Крыловым; из лицейских друзей к Софье Дмитриевне были вхожи Илличевский и Кюхельбекер. Боратынский, Кюхельбекер и Дельвиг, связанные тесными дружескими узами и общими взглядами на поэзию, читали на собраниях общества и в салоне Пономаревой стихи, посвященные друг другу и Пушкину, поэтическому союзу, воспевали любовь и вино, что раздражало старших литераторов, готовых видеть в этом Союзе поэтов нечто вроде опасного кружка заговорщиков. Началась локальная литературная война, посыпались эпиграммы. В конце концов «Благонамеренный» пообещал, что в нем никогда больше не появятся «сладострастные, вакхические и даже либеральные стихотворения молодых наших баловней поэтов». Впрочем, добродушный Измайлов все же сохранил с Дельвигом и человеческие, и литературные отношения.

А Софья Дмитриевна заболела и умерла в 1824 году, не дожив до 30 лет. Жена Дельвига, с которой он познакомился уже после смерти Софьи Пономаревой, жаловалась в письме подруге, что не может спокойно слышать от мужа ее имя.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ»

В 1819 году Дельвиг вступил в общество «Зеленая лампа», затем в Вольное общество любителей российской словесности, оба – близкие к декабристам. Сблизился с Рылеевым. В это время директор лицея Энгельгардт писал бывшему лицеисту Матюшкину:

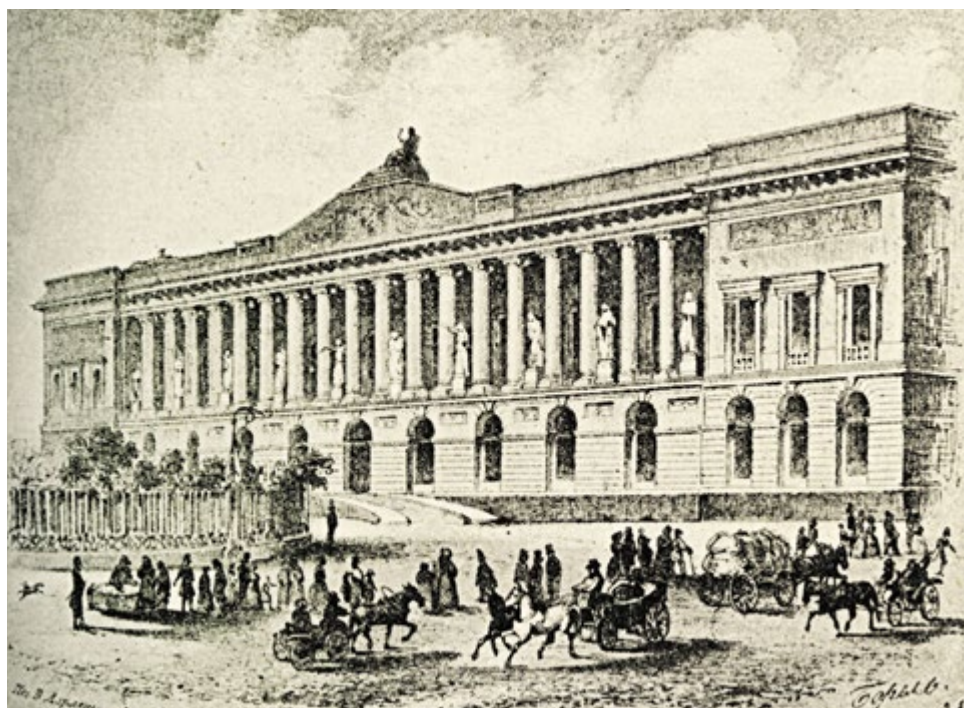
Титульный лист альманаха «Северные цветы». 1826 год

Санкт-Петербург. Императорская публичная библиотека

«Дельвиг пьет и спит и, кроме очень глупых и опасных для него разговоров, ничего не делает». Через несколько лет следователи по делу декабристов проверяли Дельвига на причастность к заговору – однако он оказался непричастен. Его двоюродный брат, Андрей Дельвиг, писал: «Дельвиг, по своей лени, не мог быть действительным членом никакого общества, а по его политическим понятиям, насколько я мог их узнать, не поступил бы в тайные общества». Правда, у Рылеева в «Полярной звезде» в 1823–1824 годах печатался – пока они не стали друг другу конкурентами.

Служба в Министерстве финансов была Дельвигу не по душе. С 1821 года он стал работать в Публичной библиотеке, а его непосредственным начальником стал Крылов; кто-то из современников замечал, что два выдающихся ленивца отнормировались друг к другу с большим уважением. Но и служба в библиотеке у него не заладилась; сохранившиеся письма директора библиотеки Алексея Оленина к Дельвигу отличаются сухим неприязненным тоном; в одном из них сказано: «...я давно уже приказал изготовить представление о повышении вас в следующий чин за выслугу лет, но не прежде оно представлю, как тогда, когда вы приведете, милостивый государь мой, часть библиотеки, вам вверенную, в надлежащий порядок...» Следующего чина Дельвиг не получил, так и остался титулярным советником, и в 1824 году покинул библиотеку. И неожиданно получил предложение издавать литературный альманах.

Это предложение сделал ему книготорговец Сленин, который раньше издавал «Полярную звезду» вместе с Бестужевым-Марлинским и Рылеевым. Те решили вести дело сами, а Сленин задумался о новом альманахе. Дельвиг согласился и привлек к сотрудниче-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ству друзей-литераторов. Но его друзья в большинстве своем оказались постоянными авторами «Полярной звезды», а новый альманах отбивает их у старого; тут пути Дельвига и Рылеева разошлись.

Приглашая к сотрудничеству Вяземского, Дельвиг писал: «Самые ленивейшие – Жуковский и Дашков пышно одарили меня. Пушкин, Баратынский, И.А. Крылов доставили мне каждый по четыре, по шести и по семи довольно больших и прекрасных пьес. И от второклассных писателей я с большим выбором принимаю сочинения. Не бойтесь дурного общества, вашим пьесам соседи будут хорошие».

В декабре 1824 года альманах вышел в свет, был благосклонно принят читателями и оказался прибыльным начинанием. Дельвиг издавал «Северные цветы» семь лет, до самой своей смерти. А «Полярная звезда» уже через год, после разгрома декабристского восстания, перестала существовать – так что альманах Дельвига, по сути, стал продолжать ее дело.

25 июля 1826 года Дельвиг – едва ли не единственный, кажется, из всех петербургских литераторов – пришел в Петропавловскую крепость, где в этот день казнили декабристов, в том числе Рылеева. Никаких воспоминаний об этом дне он, конечно, не оставил. У него в доме вообще не говорили о декабристах. И о политике не говорили – только о литературе. И не потому, что боялись доносов, а потому, что слишком страшно, слишком больно это все было.

Ближайший лицейский друг его, Кюхельбекер, был сослан – Дельвиг искал и находил возможность переписки с ним через третьих лиц; когда было нужно, он становился необыкновенно деятелен и собран. Сам Дельвиг долго был под подозрением. Поэтому – ни словечка в письмах, ни одного разговора в гостиной.

К. Шлезингер.
Портрет Антона
Антоновича
Дельвига.
1827 год

АНГЕЛ СОНИНЬКА

За несколько недель до восстания декабристов Дельвиг женился на 19-летней Софье Салтыковой, дочери почетного арзамасца Михаила Салтыкова, человека умного и высокообразованного. Мать Софьи, швейцарская француженка Елизавета Ришар, умерла, когда девочке не было и 8 лет. Осиротевшую Соню определили учиться в Петербургский женский пансион девицы Шрётер, где преподавал словесность критик Петр Плетнев – он и по-

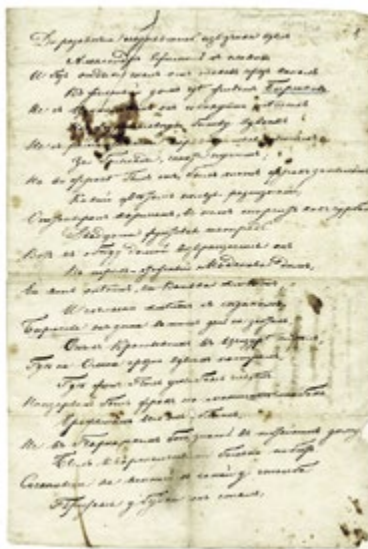

К. Шлезингер. Портрет
Софьи Михайловны Дельвиг.
1827 год

знакомил свою ученицу с Дельвигом. «Ангел Сонинька», как называл ее в письмах влюбленный Дельвиг, веселая девушка с хорошим литературным вкусом и прекрасным слогом, отличалась силой и непостоянством чувств. Она только что пережила страстную влюбленность в декабриста Каховского; тот сватался, но ее отец отказал ему. Каховский предлагал Соне бежать и обвенчаться тайно, однако та задумалась, поняла, что совсем не любит его, и отказалась. Теперь она писала подруге, что любит Дельвига по-настоящему. Впрочем, Сонинька никогда не управляла своими чувствами, скорее, они управляли ею.

Роман развивался быстро: в мае молодые люди впервые увидели друг друга, а в июне Дельвиг уже просил у родителей благословения на брак. Однако кто-то передал Михаилу Салтыкову некую сплетню о женихе, и брак оказался под угрозой. Только к осени 1825 года Салтыков сменил гнев на милость, и в ноябре молодая пара обвенчалась.

Служба Дельвига в Министерстве внутренних дел была связана с частыми разъездами; жена скучала – и завела по средам и воскресеньям литературный салон. Частыми ее гостя-

А. Дельвиг.
«До рассвета
поднявшись,
извозчика
взял...».
Пародия
на балладу
В. Жуковского
«Замок
Смальгольм».
Автограф

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ми были Боратынский, Языков, Плетнев, Одоевский; когда Пушкин вернулся из Михайловского в Петербург, то и он стал часто бывать у Дельвигов. Софья хорошо играла на фортепьяно, в ее салоне звучала музыка, пели романсы; в пении участвовал и хозяин дома. Андрей Дельвиг писал, что в салоне говорили по-русски, а не по-французски, и замечал: «Обработка нашего языка много обязана этим литературным собраниям».

Анна Керн, приехав в Петербург, поселилась рядом с Дельвигами – в соседней квартире. Они так часто бывали друг у друга, что Дельвиг прозвал ее своей второй женой, а себя – ее безномерным мужем. Софья Михайловна быстро привязалась к Анне Петровне – и это очень скоро разрушило безмятежную жизнь Дельвигов. Анна Петровна не отличалась добродетельным образом жизни и была известна множеством романов. Одной из самых долгих ее привязанностей был Алексей Вульф, приятель Пушкина и сын хозяйки соседского с Михайловским имения Тригорское. Он приходился Керн двоюродным братом. Пушкин называл Вульфа Ловласом – тот едва ли не больше всего на свете интересовался «наукой страсти нежной». Баронессу Дельвиг он очаровал и хладнокровно записывал в дневнике, что если и не имел Софью Михайловну совершенно – то только потому, что не хотел, из уважения к барону: «Совершенно от меня зависело увенчать его чело [рогами], но его самого я слишком много любил, чтобы так поступить с ним. Я ограничился наслаждением вечера, которые просиживал почти наедине с нею...» Дельвиг все это видел и очень страдал. Семейное счастье закончилось. Софья Михайловна не остепенилась даже после рождения дочери Лизы в мае 1830 года. Теперь ее вниманием завладел брат Евгения Боратынского Сергей.

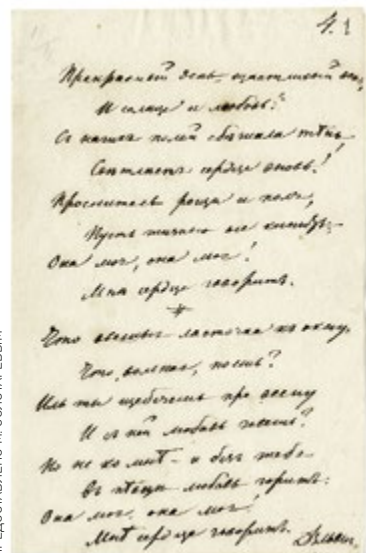
Анна Петровна Керн
в 1825 г.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ПРЕЛЕСТЬ

В 1829 году вышел сборник «Стихотворения барона Дельвига»: идиллии, элегии, сонеты, песни и послания. «Идиллии Дельвига для меня удивительны, – писал Пушкин. – Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19-го столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие пе-

Анна Петровна
Керн в 1825 году.
Силуэт

Автограф
стихотворения
А. Дельвига
«Прекрасный
день, счастливый
день». Музыку
романса на эти
слова написал
А. Даргомыжский

реводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть, более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» Удивителен прием, к которому тут Пушкин прибегает: совершенно так же, как в «Онегине», пытаясь описать Татьяну как идеал, он нигде не говорит о том, что в ней было – только о том, чего не было: «Не холодна, не говорлива, // Без взора наглого для всех, // Без притязаний на успех, // Без этих маленьких ужимок, // Без подражательных затей... // Все тихо, просто было в ней...» – так апофатическое богословие описывает Бога, пытаясь приблизиться к недостижимому через отрицание, а не через утверждение; единственный, кажется, доступный способ ясно описать идеальное.

Идеальный гармоничный мир идиллий Дельвига хрупок, а счастье удержать невозможно. «Конец золотого века» повествует о крушении Аркадии – утрате рая земного, в который вторгается страдание: дева Амарилла, оставленная возлюбленным, сходит с ума от горя.

Дорого боги ценят дары свои!

Нам уж не видеть

Снова веселья! Если б и Рея

с милостью прежней

К нам возвратилась, все было б

напрасно! Веселье и счастье

Схожи с первой любовью.

Смертный одиножды в жизни

Может упиться их полною,

девственной сладостью! Знал ты

Счастье, любовь и веселье?

Так понял, и смолкнем об оном.

В конце 1820-х Дельвиг много болел и много работал. В 1829 году от «Северных цветов» отпочковался альманах «Подснежник», вышедший к Пасхе. В 1830-м началось издание «Литературной газеты»: поэты и писатели пушкинского круга чувствовали необходимость в издании, которое преодолит монополию издателей «Северной пчелы» Булгарина и Греча и сможет говорить с публи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кой о новостях сегодняшнего дня. Альманахи, выходившие раз в год, были неповоротливы, слишком медленно откликались на события в литературе и жизни; нужен был журнал или газета.

Цензурное разрешение на газету было получено довольно скоро: новый печатный орган не собирался говорить о политике. Издатели обещали публике, что газета будет «знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской» и анонсировали следующие рубрики: проза, поэзия, стихотворения, библиография русская и иностранная, ученые известия, смесь. В качестве приложения – «чертежи, картинки, географические карты и ноты».

Редактором стал Дельвиг, ему в помощники определили Сомова. Впрочем, подготовив два первых номера, Дельвиг уехал в Москву, и следующие десять номеров редактировал Пушкин.

Газета в самом деле выполнила обещанную программу: печатала лучшие новинки литературы, завела серьезный отдел рецензий, в отделе науки публиковала очерки Владимира Одоевского. При всей своей аполитичности она оказалась оппозиционной, а на ее страницах появлялись, хотя и без подписи, стихи ссыльных декабристов. Газета включилась в литературную полемику с болгаринской «Северной пчелой», с «Московским вестником» Погодина и «Московским телеграфом» Полевого; те стали отвечать резкой критикой и бранью. Пушкин не остался в долгу и написал рецензию на воспоминания французского сыщика Видока так, что всем читателям было очевидно, что речь идет не о Видоке, а о Фаддее Булгарине, известном доносчике.

Булгарин немедленно обратил внимание шефа жандармов Александра Бенкендорфа

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

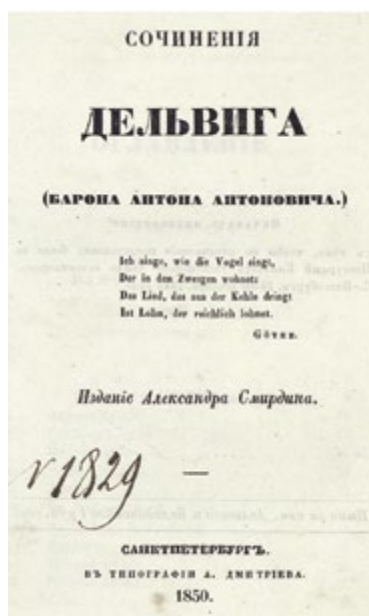
Граф Александр Христофорович Бенкендорф. Литография К. Поля по портрету неизвестного художника

на неблагонадежное издание и подсунил ему неподписанную заметку, где в довольно невинном контексте упоминался лозунг французских революционеров «аристократов на фонарь». Бенкендорф заметку толком не прочитал и в этом призыве усмотрел неприличные политические намеки. Вызвал Дельвига к себе. А.И. Кошелев вспоминал, что Дельвиг часто рассказывал об этой встрече: «Призывает

его начальник III Отделения граф Бенкендорф и сильно, даже грубо, выговаривает ему за помещение в газете одной либеральной статьи. Барон Дельвиг, со свойственной ему невозмутимостью, спокойно замечает ему, что на основании закона издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурой, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник III Отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: законы пишутся для подчиненных, а не для начальств, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться».

Бенкендорф не раз вызывал к себе Дельвига. В последний раз они встретились в ноябре 1830 года. «Литературная газета» усомнилась в верности сведений, размещенных в «Северной пчеле», а сведения были переданы газете правительством – то есть под сомнение поставили авторитет власти. Кроме того, в газете было размещено четверостишие французского поэта Деламина, посвященное вопросу открытия в Париже памятника жертвам революции 1830 года. Бенкендорф расценил это как прославление революции. Попытка Дельвига объясниться была безуспешной: шеф жандармов накричал на Дельвига и выгнал его из кабинета со словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь». Газета перестала выходить.

Дельвиг и Пушкин обратились за помощью к арзамасцу Блудову – ныне управляющему Министерством юстиции. Тот поговорил с Бенкендорфом и убедил его извиниться. Дельвигу были присланы письменные извинения, однако редактировать газету ему запретили. Редактором остался Сомов. Дельвиг пребывал в мрачном состоянии духа. Эта история – при всем его внешнем спокойствии – далась ему очень тяжело. Домой возвращаться тоже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сочинения Дельвига. Издание Смирдина (С.-Пб., 1850). Титульный лист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и неожиданная смерть потрясла и жену, и друзей. В погребальной суете из дома пропали ломбардные билеты на 55 тысяч рублей – так что вдова с грудным ребенком оказалась практически без средств к существованию. В помощь ей друзья покойного задумали издать еще один альманах «Северные цветы» – издали, но сами запутались в денежных расчетах, и никакой помощи не вышло. Безутешная вдова через полгода выскочила замуж за Сергея Боратынского – во-первых, потому, что тот ее любил уже шесть лет, а во-вторых – потому что оказалась беременна. Во втором браке она родила еще нескольких детей и прожила долгую жизнь. Удивительно, что в своих письмах она неизменно писала о Дельвиге как о сущем ангеле и очень горевала, потеряв его.

«Литературная газета» после смерти своего фактического редактора протянула совсем недолго и закрылась в июне 1831 года. Да и сама эпоха – дружества, любви, союза поэтов – уходила в прошлое.

Дельвиг оставил после себя не так уж много: несколько переводов и спокойных, но твердых критических статей; несколько никем уже, кроме специалистов, не читаемых идиллий, свежих, прозрачных и нежных; несколько тонких стилизаций под народные песни – и бесконечно печального «Соловья», давно превращенного в концертный номер. Оставил чудесную строчку «когда еще я не пил слез из чаши бытия» – и еще несколько таких же ясных и очень чистых звуков. «Барочная архитектура мелодий Дельвига волнует лишь самых грустных», – подметил историк литературы Самуил Лурье.

Пушкин записал однажды: «Цель поэзии – поэзия – как говорит Дельвиг (если не украл этого)».

Тонкий, чистый камертон – исчезающий звук золотого века. Любите Дельвига.

не хотелось: от былой семейной идиллии не осталось и следа. Вяземский рассказывал в своих записках, как Дельвиг однажды поделился с ним замыслом повести, суть которой состояла в наблюдениях рассказчика за жизнью чужого семейства через окно домика, мимо которого он часто проходит. Сначала в домике живет один мужчина, затем он женится, и какое-то время семья счастлива; затем к семье в гости начинает приходить красивый молодой офицер. Затем рассказчик уезжает, а вернувшись, застаёт хозяина дома, постаревшего от горя, и кормилицу с грудным ребенком, на которых мужчина смотрит озлобленно. «Не помню, как намеревался Дельвиг кончить свою семейную и келейную драму. Кажется, преждевремен-

ную смертью молодой женщины», – пишет Вяземский. Семейная драма самого Дельвига кончилась тем, что он простудился и через несколько дней умер; врачи диагностировали «гнилую горячку» – это старое название тифа. Нелепая

А.А. Дельвиг.
Рисунок тушью
и акварелью
П. Яковлева.
1817–1820 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Литературная
газета,
издаваемая
бароном
Дельвигом.
Том I. 1830 год.
Титульный лист

Корней Чуковский высоко ценил иллюстрации Юрия Васнецова к сказке «Краденое солнце». Особенно Чуковскому понравилась сцена «Крокодил и медведь»

из личного архива

ЛЮБИМЫЙ ВАСНЕЦОВ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

БОЛЬШОЙ ЧЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ СИДИТ ВЕРХОМ НА КРОКОДИЛЕ. ОН УЮТНО УСТРОИЛСЯ: ОДНОЙ ЛАПОЙ СХВАТИЛ ЧУДИЩЕ ЗА ХВОСТ, ДРУГОЙ ПРИДЕРЖИВАЕТ ЕГО ПАСТЬ. КРОКОДИЛ ТЕМНО-ЗЕЛЕНый С ЖЕЛТЫМ БРЮШКОМ. ИЗОГНУЛСЯ, БУДТО ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ, А В ЗУБАСТОЙ ПАСТИ – ОРАНЖЕВОЕ СОЛНЦЕ. ОБА ЗВЕРЯ КАКИЕ-ТО НЕСТРАШНЫЕ, МИЛЫЕ, БУДТО СЦЕНКУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ, И КРОКОДИЛ ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНО СОЛНЫШКО ДЕРЖИТ.

ХОЧЕТСЯ РУКУ ПРО-
тянуть – погладить и
черный мех мишки,
и аккуратные чешуй-
ки крокодилий кожи. Небес-
ное светило напоминает жел-
ток в яичнице, приготовленной
на завтрак. Эту обложку к кни-
ге Корнея Чуковского «Краденое
солнце» узнают абсолютно все.
Ее автор – великий русский ху-
дожник Юрий Васнецов. Живо-
писец, график, иллюстратор, вы-
думщик и фантазер в искусстве и
в жизни. Уже восемьдесят лет на
проиллюстрированных им кни-
гах дети учатся читать и узнавать
мир. Эти книги ценят не только
в России, но и во всем мире. Осо-
бенно их любят японцы – они
даже пьесы ставят, где действуют
васнецовские коты и петухи.

ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТСКИЕ

«Я настолько благодарен Вят-
ке – красоту повидал! Праздни-
ки, традиции... На девичниках
бывал, кадрили видел в дерев-
нях, слушал частушки, гар-
монь. Помню, как уютно в Вят-
ке было». Это – воспоминания,
которые в конце жизни Юрий
Алексеевич Васнецов диктовал
супруге Галине Михайловне.
Всю жизнь он вспоминал род-
ную Вятку, свою семью и ту ат-
мосферу, в которой он вырос.
Ровесник XX века, он появился
в многодетной семье священ-
ника. Васнецовы были скром-
ными, жили небогато, отец
окончил только четыре класса
духовного училища.
Город был губернский, провин-
циальный. Множество церквей,
деревянные домики с разно-
цветными ставнями, река Вятка.
А какие здесь бывали ярмарки,
на которых продавали знаме-
нитую дымковскую игрушку,
деревянных расписных коней
и разноцветные пряники! Са-
мой яркой была ярмарка Сви-
стунья. Название происходило
от свистулек, от старания маль-
чишек пересвистеть один друго-
го. Свистунья разворачивалась
в Светлую седмицу прямо пе-
ред окнами васнецовского дома
на Кафедральной площади, во-

Из личного архива

Юрий Васнецов очень любил животных, в семье всегда были коты, собаки, кролик. Терьера Яшку Юрий Алексеевич купил в Загорске. И еще Васнецов не мог без природы, любил дачи

круг Троицкого собора. Здесь были и качели, и карусели, которые приводили в движение мужики, крутившие вручную механизм. На другой площади, вокруг собора Александра Невского, торговали всем, что производили и расписывали вятчи. Нравилась Васнецову и Семеновская лошадиная ярмарка, он хорошо разбирался в лошадях. Васнецов рос живым мальчиком, всюду успевал, и на коньках катался, и бывал распорядителем на гимназических балах. Его даже приглашали помогать проводить праздники. Он любил рассматривать витрины. У хозяина парикмахерской в окне были выставлены восковые куклы-бюсты. Их причесывали на разный манер, украшали бантами и шляпками. Когда в 1960 году Юрию Васнецову исполнится 60 лет, его родным удастся разыскать и купить такие куклы – блондинку и брюнетку. Художник был в полном восторге, даже целовал этих восковых барышень. В шутку говорил, что ему нравится блондинка. А ко второй кукле, брюнетке, якобы равнодушен его учитель и друг Владимир Лебедев (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2016 год, статья «Воспитатель «лебедят». – Прим. ред.). И конечно, Васнецов любил вывески – расписные, разукрашенные клеенки или куски жести.

Да и сам потом подрабатывал, рисуя золотые калачи для лавки булочника или черный сапог для сапожника. Примерно в это же время русские художники-авангардисты стали вдохновляться искусством вывесок и коллекционировать их, оценили Пиросмани. Потом и молодой Васнецов уже в Ленинграде в 1930 году побывает на выставке Нико Пиросмани. Иногда пишут, что его наивное искусство оказало влияние на вятчика. Вряд ли. Вкус и интересы Юрия Васнецова сформировала Вятка. «Вятские – ребята хватские, семеро одного не бояться, а один на один все котомки отдадим». Известная присказка, казалось, подходила к характеру Юрия Васнецова. Он был застенчив, скромен. Не любил споры, не вступал в конфликты. Но, как окажется, он имел внутреннюю силу, смог защитить свой дар, свое искусство. Сумел это сделать в ту эпоху, когда каток социалистического реализма прокатился по художникам и многих сломал. В этом он был весь в отца. В 1917-м семью Васнецовых выселили из соборного дома. Старший Васнецов какое-то время не служил в церкви, но продолжал носить длинные волосы и рясу, хотя это было опасно. С длинными волосами и бородой он будет приез-

жать в Ленинград к взрослому сыну и его семье, мальчишки будут кричать вслед: «Поп!» Ленинградская художница Татьяна Шишмарева вспоминала: «Юрий Алексеевич Васнецов. Юрочка! Огромные, неистово голубые глаза на очень румянном лице. Большой своеобразный живописец, не менее удивительный график, сказочник и в творчестве, и в жизни, в своем быту. Непосредственный ребенок, чуть наивный; мудрец, защищавший свое творчество, не сдавший позиции и, будучи робким, сумевший уберечь его от грубых нападков, сохранить».

УЧЕБА И УЧИТЕЛЯ

В 1921 году Юрий Васнецов вместе со своим другом Евгением Чарушиным, тоже вятчичем, поступает на живописный факультет Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских. Так называли тогда Академию художеств (название прославленного вуза менялось несколько раз).

Юрий с 7 лет много рисовал, расписал даже стены в родном доме. Писал с натуры, по его собственным воспоминаниям, ему больше нравилось не рисовать карандашом, а «мазать» красками. Это и понятно: он был отменным, как говорят, «цветовиком», то есть потрясаяще чувствовал цвет.

Экзамены в институт в 1921 году он успешно сдал. Вскоре у него и Чарушина появился еще один друг – приехавший с Урала Валентин Курдов. Дружбы обожновались в большом городе, освоились. Каждое лето Юрий ездил в Вятку, навещал родителей, писал с натуры. Через два года начались так называемые «чистки». Из вузов вычищали, то есть выгоняли, детей дворян, священников, офицеров царской армии. Васнецову непросто далось решение отречься от отца, но только так он мог удержаться в вузе. Его письмо было опубликовано на страницах «Вятской правды», в нем он писал, что «порывает всякую связь со служителями культов».

Годы учебы были очень важными для его становления как художника. Он впитал и узнал все лучшее. Наверное, никогда в великолепном здании на берегу Невы не было так интересно учиться, как в ту эпоху. В Ленинграде творческая жизнь кипела: создавались разные общества, объединения, кружки, шли выставки, обсуждения, диспуты. Еще десять лет – и все прекратится. Общества разгонят, создадут Союз художников. А тогда в бывшей Академии художеств преподавали абсолютно разные педагоги – от старинных академистов до авангардистов. Учились в то время свободно: можно было переходить от одного учителя к другому, менять мастерские. Васнецов так и делал. Учился у Осипа Бразза, мастера парадного портрета. Потом у Александра Савинова, тяготевшего к академической традиции, затем у великолепного живописца Алексея Карева. Позже пришел в «Мастерскую пространственного реализма» к авангардисту Михаилу Матюшину. Матюшин был теоретиком, считал, что под воздействием цвета форма меняет свою структуру. Писал о «расширенном зрении» в живописи. Между основным цветом и окрашенной средой, по его мнению, возникает цветосцепление. У Матюшина Васнецов научился многому. Позже писал так: «Очень серьезно я отношусь к фону. Нехорошо как-то называть «фон», лучше – «среда». Но «беспредметником» Васнецов не стал, и не мог стать. Его живопись оставалась фигуративной. Ему был важен сюжет, персонажи.

В 1926 году он окончил Вхутеин, но учиться продолжил. Он понимал, что ему необходимы знания и опыт. Чья-то верная рука, которая направляла бы его. Все трое друзей решили посоветоваться со знаменитым уже тогда живописцем и графиком Владимиром Лебедевым, а тот рекомендовал учиться кубизму у Казимира Малевича. Создатель «Черного квадрата» пре-

Три друга, три ярких, талантливых художника, три иллюстратора. С Евгением Чарушиным (слева) Юрий Васнецов познакомился еще в родной Вятке, с Валентином Курдовым – уже в Ленинграде

Юрий Васнецов прошел увлечение кубизмом в середине 1920-х. Причем кубизму учился у самого Казимира Малевича в Гинхуке, правда, этот период был недолгим

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

подавал в институте, который находился в особняке Мятлевых около Исаакиевского собора, это был экспериментальный центр по изучению современного искусства. Два года Васнецов учился пластике кубизма, добивался материальности, фактурности. Уже в тех ранних работах видно, что Васнецов – большой живописец.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЧЕРНЫЙ И ДРУГИЕ ЦВЕТА

Васнецов был невероятно работоспособный. Рисовал бесконечно, цветными карандашами делал живописные рисунки. Писал маслом на фанере и холсте, но скоро отошел от нежных тонов, от матюшинской школы. Сохранились его кубистические работы – натюрморт с трубкой, например. Но кубизм его не увлек. С самого начала он был далек от так называемой «маэстрии», когда художник демонстрирует свой профессионализм, свою ловкость, свой прием. По его словам, он долго трудился над холстом, «вымучивал» работу, перемазывал, убирал красочный слой, красил снова и снова. В этом процессе рождался предмет, очень осязаемый, фактура так и чувствовалась. Он полюбил черный цвет – сами художники говорят, что сложнее всего писать черный и белый. Часто в его картинах присутствуют фигуры или предметы полностью черные. Но внутри такого пятна живет насыщенная и сложная гамма оттенков и фактур...

Юрий живет в Ленинграде, столь любимом художниками. Но не рисует с натуры Неву, дворцы, набережные. В это время в Ленинграде немало прекрасных живописцев, которые пишут пейзажи города, подражая французам. Вас-

нецов, конечно, был знаком с этими мастерами и их работами. Но это был не его путь. К началу 1930-х годов Юрий Васнецов пришел уже к своему узнаваемому стилю. Он пишет самые обычные вещи: шляпу, бутылку, пиджак, накиннутый на спинку стула. Пишет купленные на рынке игрушки – деревянные рыбки, маленькие гитары.

В 1932 году Васнецова приняли в аспирантуру живописного факультета Академии художеств. В качестве итоговой работы надо было написать большую многофигурную композицию. Васнецов решил, что холст будет сатирический, он изобразит пирушку, хорошо знакомые с детства провинциальные типажи. Но природе васнецовского дара сатира была чужда. Холст так и не был написан, зато остались этюды, подготовительные работы.

Васнецов не мыслил себя без живописи. Самым важным для него был цвет, как он сам потом писал. Он старался, чтобы цвет был «материальным». В Русском музее хранятся 34 холста Васнецова. Среди них – «Дама с мышкой». С каким теплом и вниманием художник изображает разодетую женщину, полные руки ее обнажены, жемчуга переливаются на шее и руках. Модная завивка наверняка сдела-

из личного архива

на в той парикмахерской, где в витрине выставлены восковые куклы. На плече у дамы сидит маленькая белая мышь, в руках сумочка. Платье черное, сложное. Фон переливается от голубого до охры, по бокам – узоры. Напоминает по композиции роспись подноса, вывеску. Но образ получился мощным, монументальным.

Одна из лучших живописных работ Юрия Васнецова находится в Русском музее. «Дама с мышкой» была написана в 1932 году

Владимир Лебедев стал главным учителем Васнецова, а затем и другом на всю жизнь. Юрий Васнецов делал свои первые иллюстрации к книгам под руководством Лебедева, блестящего рисовальщика и живописца

РОДИТЬ КНИЖКУ – ОЧЕНЬ ТРУДНО

«У меня редко бывает, чтобы книжка получалась легко. Вот уж повторение, тогда другое дело. А родить книжку – очень трудно», – писал Васнецов о своей работе книжным иллюстратором. В 1925 году в Ленинграде при Государственном издательстве образовалась редакция детской литературы. Располагалась она на последнем этаже Дома Зингера на Невском, теперь это – «Дом книги». Руководили редакцией два человека: Самуил Маршак занимался литературной частью, Владимир Лебедев – художественной. Вокруг этих талантливых людей сплотился необыкновенный творческий коллектив. Здесь родилась советская детская книга, справедливо названная лучшей в мире, феноменальной. Трое друзей – Чарушин, Курдов и Васнецов – отправились к Лебедеву в надежде получить работу. Они всюду ходили втроем, выглядели довольно провинциально, на американский манер носили одинаковые клетчатые гольфы. Любили шутить, разыгрывать всех, били чечетку. Лебедев дал всем троим иллюстрировать книги Виталия Бианки, писавшего увлекательные рассказы о животных. Чарушин и Курдов сразу показали себя отменными анималистами. У Васнецова не все получалось. В начале он иллюстрировал рассказ о собаке «Карабаш». Не слишком удачно. А вот книга «Болото» получилась. Выполнена она в «смешанной технике». Юрий Алексеевич работал над картинками долго, перерисовывал, счищал бритвой, наклеивал отдельные фрагменты. Вышла настоящая живопись – тонкая по цвету, разнообразная по фактурам. Возникло пространство, глубина. Над болотом кружатся бабочки-капустницы, огромные стрекозы, жуки. Таинственный мир, которому удивляется ребенок. Васнецову не надо было притворяться. Его характеру была свойственна наивность, чистота. Он видел сказку повсюду в обычной

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Первой книгой, которая стала настоящей удачей Васнецова, было «Болото» Виталия Бианки, изданное в 1931 году. Художник работал свободно, борьба с формалистами еще не началась

жизни. Рассказывают, что во время блокады Юрий Васнецов говорил про бомбы, которые сбрасывали на город: «Прилетели огненные жар-птицы!»

Книга «Болото» вышла в 1931 году. Имела большой успех, хотя иллюстрации изрядно потеряли, испорченные несовершенной полиграфией.

БОРЬБА С ФОРМАЛИСТАМИ

В том же, 1931 году был создан Союз советских художников, все творческие объединения распустили. В 1932-м грянуло знаменитое постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Социалистический реализм стал единственным возможным художественным стилем. В Академии художеств основали новый факультет – искусствоведческий. Нужны были критики, которые будут хвалить соцреализм и ругать западные влияния. Появился новый термин – «формализм». Формалистами называли тех, кто не был реалистом, да вообще всех, кто свободно и ярко работал. Художники и в станковой живописи, и в книге уже не могли делать все, что заблагорассудится. Началось с того, что в статье в «Комсомольской правде» изругали две книги Лебедева, а затем его «вычистили» из редакции.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Юрий Васнецов очень любил в родной Вятке витрины с парикмахерскими бюстами. Примета провинциального уютного города. На день рождения родные подарили ему двух таких восковых дамочек

Известная книга «Конек-Горбунок» с иллюстрациями Васнецова издана в 1936-м. Однако чуть раньше первые цветные литографии к этой сказке у Васнецова не приняли, их пришлось уничтожить как формалистические

В 1933 году был создан «Детгиз». Но уже без Лебедева. Фактически эта детская редакция пережила два разгрома – в 1931-м и в 1937-м. Это были страшные времена. А Васнецов после успешного «Болота» начинает получать заказы. И один – очень важный: иллюстрации к «Коньку-Горбунку» Ершова. Он работал в технике литографии, которую к этому времени уже хорошо изучил. Рисовал на камнях, каждый цвет отдельно на каждом камне. Потом

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

мастер-печатник в присутствии художника печатал на листе бумаги поочередно рисунки с каждого камня. Цвета при этом накладываются один на другой, эффект трудно просчитать. Но в этом и есть прелесть литографии. Эта техника одновременно живописна и хорошо воспроизводится при печати. Юрий Васнецов работал с увлечением. Он чувствовал эту сказку в стихах нутром, ведь тут сцены из крестьянской жизни, с избушками, ярмарками коней и одновременно с волшебством. Царь-девица плывет в лодке, от нее исходит необыкновенный свет, который отражается в воде. Над ней и солнце, и луна, у ног лежит шкура тигра. А какой у Васнецова был Чудо-юдо Рыба-кит! Черный, черно-красный, черносиний. Об этой книге мы можем судить только по сохранившимся эскизам. Ее не издали, забраковали полностью. А рисунки велели счистить с камня. Узнав об этом, Юрий Васнецов побежал к своей невесте Галине с криком: «Галя, не женимся!» Ведь получалось, что он терял работу, заработок. А могло произойти что-то и похуже.

Потом Васнецова еще много раз будут упрекать в том, что его иллюстрации пугают советских детей. Звери ненатуральные. В итоге он переделает «Конька», потом появятся и новые заказы. Но живопись он уже будет писать только для себя, в стол. При жизни он не выставит свои холсты. Будет постоянно бояться новых «проработок», уже признанным мастером будет писать Самуилу Маршаку, что не переживет, если раскритикуют его картинки. А борьба с формалистами в стране растянется на десятилетия и обескровит многих художников. Талантливый Алексей Пахомов полностью откажется от живописи, его иллюстрации станут сухими и выхолащенными. Самохвалов, Дейнека – горько смотреть на их поздние работы. Владимир Лебедев совсем сломается, уйдет в себя. Ограничит всякое общение. Его поздние иллюстрации – это что-то на грани безвкусицы...

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ

В знаменитой «Нормальной пивной», что прямо напротив Дома Зингера, Васнецов познакомился с чертежницей Галиной. Они поженились, в 1937-м у них родилась дочь Елизавета, в 1939-м – Наталия. Наташу крестил отец Юрия Алексеевича, приехавший для этого из Вятки. Обе дочери пошли в васнецовскую породу. Статные, с ярким румянцем и выразительными серо-голубыми глазами.

Юрию и Галине удалось создать не просто семейное гнездо, уютное и доброе, их дом в самые мрачные времена был удивительным оазисом, где принимали друзей и устраивали невероятные праздники. Квартира была наполнена милыми, уютными вещами – букетами бумажных цветов, кружевными салфетками, какими-то бантами на зеркалах, самодельными ширмами. Юрий еще в юности славился артистизмом. Любил карнавалы, переодевания, маски. Его коронным номером была балерина: он танцевал в пачке из газет. Переодевался либо дамой с по-

мадными щеками, либо турком с усами, нарисованными жженой пробкой, или китайцем, который показывал фокусы с шариками. Многие художники вспоминали эти праздники: до войны – на проспекте Римско-

Юрий, Галина, Наташа и Лиза Васнецовы в квартире на 1-й линии Васильевского острова. 1947 год

го-Корсакова, после – на 1-й линии Васильевского острова, где теперь установлена памятная доска.

Васнецов любил приглашать гостей заранее, загодя готовился к их приходу и неоднократно напоминал о приглашении. Но для некоторых друзей-соседей делалось исключение. В окне просто выставляли бутылку и рюмочку – как приглашение к ужину. «Папа был уникальный человек, был душой нашей семьи, душой застолий и праздников, – вспоминает талантливый художник Елизавета Васнецова. – С ним никогда не было скучно, что-нибудь он всегда придумывал». Недавно Елизавета Юрьевна выступила с публичной лекцией: рассказала о традициях семьи, показала фотографии. Сколько выдумки, юмора, труда было вложено в эти праздники. Гости каждый раз были ошеломлены. Недаром Васнецов так любил буффонаду, цирк, который предпочитал театру. Однажды Васнецовы соорудили куклу в человеческий рост. Ее туфельки прикрепили к ботинкам Васнецова. Гости пришли, а он

Никто не умел устраивать таких праздников, маскарадов, как Юрий Васнецов. Он обожал переодевания, розыгрыши, маленькие спектакли. На праздновании его 60-летия дочери Елизавета (слева) и Наталия переоделись вятскими игрушками

всюду ходит с дамой, что-то ей нашептывает, потом они садятся за стол. На гостей хозяин не обращает внимания. В другой раз их квартира превратилась в кафе: пол покрасили черной краской, сделали круглые столики, в окошке можно было заказать пиво. Или, к примеру, дочери Васнецова становились вятскими игрушками – кормилицей и всадником. «Они жили у меня на даче, под Новый год. Та же любовь к игре: когда мы вышли после встречи Нового года на улицу, Юрочка спел песенку про дедушку Якова, где, следуя словам, в припеве надо было делать разное, а под конец упасть в снег, – вспоминала Татьяна Шишмарева. – И я упала, и он был в восторге: «Вот и Танечка упала». Эти традиции любовно сохраняют дочери и внуки Васнецова. Никто в Петербурге не устраивает столько веселых театрализованных дней рождений, юбилеев, девичников, танцевальных вечеров.

СУДЬБА РАБОТ

Мало кто знает, что Юрий Васнецов поработал и сценографом. В 1937 году режиссер Алексей Дикий предлагает ему оформить пьесу Горького «Мещане» в Большом драматическом театре. Задание режиссера было четким: создать назойливо давящую обстановку мещанского быта. Сохранились фотографии и эскизы. На сцене представлена комната, стены украшают преувеличенные цветы, висит репродукция картины Бёклина «Остров мертвых», стоит нелепая мебель. Премьера состоялась в июне. Рецензии были неутешительными. Васнецова называли стилизатором. В журнале «Рабочий и театр» в сентябре 1937 года появилась статья М. Бредова о Диком под характерным названием «Плоды гнилого руководства». Алексея Дикого арестовали. Постановка потом была реабилитирована и шла уже после войны в тех же декорациях. Чуть позже Васнецова приглашают и другие режиссе-

из личного архива

В 1937 году режиссер Алексей Дикий пригласил Юрия Васнецова оформить спектакль «Мещане» по пьесе Горького в БДТ. По мнению режиссера, никто лучше Васнецова не сможет изобразить на сцене провинциальную квартиру

ры. Но он отказывается. Почему – можно только гадать. Вероятно, он решил полностью погрузиться в мир книжных иллюстраций. Перед самой войной Васнецов сделал иллюстрации, которые вошли в золотой фонд книжной графики. Это «Три медведя» Льва Толстого,

«Теремок» и другие. Они выполнены в автолитографии, то есть художник подправлял каждый оттиск. Выразительные, яркие образы. Узнаваемые васнецовские ели, когда нарисована каждая иголочка на ветке. Удивительные лесные ягоды и цветы, все такое уютное, волшебное.

Иллюстрация к сказке «Три медведя», это одна из лучших книг Васнецова, выдержавшая множество переизданий

из личного архива

С художником и своим учителем Владимиром Лебедевым Васнецов дружил всю жизнь, когда Лебедев болел, навещал его каждую неделю. Одна из последних фотографий Лебедева

из личного архива

«Судьба папиных работ была счастливая, – вспоминает Елизавета Васнецова. – В дом наш попала бомба, а все папины вещи – живопись, графика, рисунки – все сохранилось. Он так радовался!»

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК

После войны Васнецов – уже признанный классик. Книжки следуют одна за другой: «Сорока-белобока», «Ладушки», «Кошкин дом», «Краденое солнце». Теперь он больше работает акварелью, гуашью, белилами. Книжки становятся более декоративными, в них много узоров. Шрифты своеобразные, напоминают виденные в детстве вывески. Каждая буква украшена, обведена линиями, утыкана цветами или горошками. С ним не сравнится ни один иллюстратор русских сказок, особенно сказок про зверей. Пожалуй, только москвичка Татьяна Маврина.

Васнецов работает на Ломоносовском фарфоровом заводе – создает удивительные блюда. Продолжает заниматься живописью, которую показывает только близким. Пишет в Мерёве под Лугой, где снимает дачу, потом в Рошине – уже на своей собственной даче. Изображает скромные пейзажи, непримечательный, крашеный синим кинотеатр или просто сосенки в лесу. Или капли дождя на ветках. Все это напоминает о провинциальной Вятке, милой патриархальной жизни, которая осталась в прошлом.

«В нем жило два художника, два человека не только разных, но даже просто очень далеких друг другу, – вспоминал друг Васнецова художник Василий Власов. – Был Васнецов – великолепный артист, чудо-режиссер, создававший изумительные спектакли и в быту, и на бумаге... И был Васнецов-живописец, работавший тяжело, сложно». В 1966 году Юрию Алексеевичу Васнецову присвоили звание народного художника РСФСР. Он и был настоящим, истинно народным художником. ■

Юрий Васнецов был против излишней реалистичности, все нарисованные им животные очеловечены, это по-настоящему сказочные звери

Звери очеловеченные. Франтоватые петухи, хозяйственные коты. «Сходил котик на торжок, купил котик пирожок!» Васнецов, как всегда, много работал. Не хотел отвлекаться ни на что. Тяготился общественными обязанностями. Когда в Союзе художников его попросили возглавить секцию графики, он отказался: «У меня девочки!» На него нарисовали карикатуру: он кормит грудью двух младенцев. Когда началась война, Васнецова вместе с другими художниками послали на окопные работы, возводить Лужский рубеж. Галину Михайловну и дочек удалось эвакуировать в Молотов – так тогда называлась Пермь. Васнецов не находит себе места, живет то у друзей, то перебирается в здание Союза художников. В его дом на проспекте Римского-Корсакова попала фугасная бомба. В блокадную пору глава Союза художников Владимир Серов организовал производство в Ленинграде агитационных плакатов, открыток. Это было большое дело, ведь художникам за работу платили, это была возможность не погибнуть от голода. Юрий Алексеевич возьмется за работу, но

из личного архива

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

СНАЧАЛА ПОДУМАЛОСЬ, ЧТО ЭТО РАБОТА СТУДЕНТА. ОЧЕНЬ ПЕДАНТИЧНОГО И ВЪЕДЛИВОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА, КОТОРЫЙ ЕЩЕ НЕ ПОНЯЛ, ЧТО МОЖНО ДЕЛАТЬ ПРОЩЕ. РАНЬШЕ Я ТАКИХ КНИГ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ НЕ ВИДЕЛ.

ЖАНР ТОТАЛЬНОГО комментария у нас встречается редко.

Удивительное дело:

1901 год, текст памятника напечатан на 12 страницах, а комментарии к нему – на 236! Апофеоз научной скрупулезности.

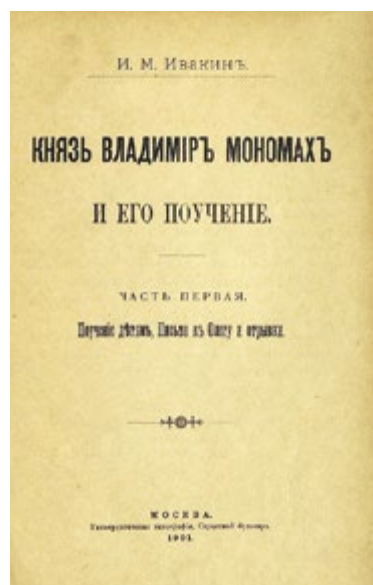
Я читал эту книгу долго, переписывал, несколько лет не сдавал с абонемент, искал сведения об авторе, ничего не находил, понял, что не о всех светилах отечественной медиевистики узнал в университете. На титульном листе значилось: «И.М. Ивакин». Из библиотечной карточки я узнал, что он – «Иван Михайлович». Название книги: «Князь Владимир Мономах и его «Поучение». Часть первая. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки». Москва, Университетская типография, 1901 год.

В предисловии Ивакин указал: «Обзор жизни и деятельности знаменитого князя должен составить вторую часть, которая написана, но не вполне готова для печати». Но библиографы ничего найти не могут. Скорее всего, продолжение так и не вышло. Полноценной биографии Владимира Мономаха у нас вообще до сих пор нет.

А текст Ивакина, судя по всему, исчез. Картотека выдает только еще одну его работу: комментированный перевод Бернгарда Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году», изданный в 1891 году. Ее я тоже заказал, полистал, но это был не мой период. Меня интересовала ситуация конца XI века. И имен-

И.Я. Репин.
Портрет поэта
А.А. Фета.
1882 год

но Ивакин открыл для меня этот мир, полный непривычных языковых формул, чопорных и одновременно простых взаимоотношений, географического охвата, этнической неопределенности, политических коллизий и невероятных возможностей, зачастую нереализованных. Ивакин прокомментировал в «Поучении» почти каждое слово или понятие, попытался рассказать про каждую неясность или двусмысленность. А сюжет про супругу князя вообще тянет на отдельную брошюру, занимая 50 страниц! До сих пор комментариев Ивакина к «Поучению» самый подробный. Хотя у нас почему-то принято ссылаться прежде всего на издание Д.С. Лихачева в серии «Литературные памятники». Но у Лихачева по сравнению с Ивакиным – краткий курс. Конечно, к 1950 году было много написано нового, сейчас – тем более. И некоторые описания Ивакина мне казались немного детскими. Но Лихачев Ивакина заменить не может, а лучшего пока не создано. И это удивительно! А недавно я случайно наткнулся на мемуары Ивакина. Оказывается, он много лет находился в близких отношениях со Львом Толстым, Николаем Федоровым,

Обложка книги
«Князь Владимир Мономах и его
«Поучение» (М., 1901)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Афанасием Фетом, входил в узкий круг московских интеллектуалов конца XIX века и при этом был обычным преподавателем русского языка в гимназии. О знакомстве с именитыми фигурами Ивакин написал воспоминания, большей частью опубликованные. Я все их проштудировал, просмотрел смежные материалы, пытаюсь понять: как получилось, что такой высококвалифицированный специалист не учтен в плеяде светил? Откуда он возник и куда пропал, оставив для вечности всего одну, пусть и отличную, монографию? В 1880–1885 годах Ивакин работал репетитором у детей Льва Толстого и подолгу жил в Ясной Поляне. С этим связан интерес к нему исследователей творчества писателя, и этому мы обязаны сохранности его воспоминаний. Впервые заметная часть их увидела свет в «Литературном наследстве» в 1961 году. Предисловие написал сын писателя, Сергей Львович, который был учеником Ивакина и после его смерти постарался восстановить биографию наставника. Много позднее записки Ивакина были опубликованы в части, касающейся его взаимоотношений с Николаем Федоровым и Афанасием Фетом.

Все это позволяет составить набросок увлечений, жизни и творчества историка, филолога, интеллектуала, который, кажется, не претендовал на знаковое место в историографии. Но тем не менее и столетие спустя предстает более чем заметным медиавистом. И думалось мне, что это загадка и нужно найти ключ, который позволит превратить парадокс в захватывающий роман из взлетов, падений, дерзаний, побед, лишений и посмертной славы, а на поверку оказалось, что пишу портрет русского интеллигента классической эпохи. Иван Михайлович Ивакин родился 1 октября 1855 года в семье московских мещан среднего достатка. Отец его, Михаил Федорович, был купцом третьей гильдии, мать, Анна Филатовна, была дочерью купца третьей

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Нил
Александрович
Попов
(1833–1892),
историк, член-
корреспондент
Петербургской
академии наук

гильдии Ф.Д. Зернова. Про их судьбу и семейные отношения мы ничего не знаем – они никак не отразились в воспоминаниях Ивакина. Лишь вскользь он отметил, что может проследить своих предков из Серпухова почти до времен Смуты. Одна из его записей 1886 года сообщает: «Толковали мы в [Румянцевском] Музее и домой пошли вместе [с Н.Ф. Федоровым]. Дорогой я сказал, что в книге Симсона «История Серпухова» я нашел кое-какие указания о моих предках – их можно проследить, пожалуй, до Смутного времени. – «Их можно проследить и после эпохи Петра, – сказал Н. Ф-ч, – справьтесь в Писцо-

Федор Иванович
Буслаев
(1818–1897),
лингвист,
фольклорист,
историк
литературы
и искусства

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вых книгах. По-моему, каждый учитель должен быть историком своего уголка».

Краевед Павел Симсон дал описание Серпухова по переписным книгам XVII века. В частности, он указал, что в ревизии 1649 года к посаду приписано было богатое «Сельцо», прежде именовавшееся Мироносицким селом и принадлежавшее Высоцкому монастырю, где из 62 дворов можно встретить дворы «и теперь известных фамилий в городе, большей частью живущих в той же местности», в том числе Ивакиных.

Иван Михайлович происходил из династии предпринимателей, столетиями промышлявших в Москве и Подмоскovie. Образование он получил по тем временам лучшее. Сначала учился в Первой московской классической гимназии, но в восьмом классе остался на второй год и затем перешел в VI гимназию, которую окончил в 1876 году. Тогда же поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, откуда был выпущен в 1880-м «при очень хорошем поведении и отличных успехах». Его университетские годы совпали с периодом становления современных гуманитарных исследований и утверждения историографических принципов, а также сменой поколений в среде преподавателей, причем Ивакин посещал лекционные курсы еще старой школы. До 1877 года деканом историко-филологического факультета был известный знаток русских литературных древностей Николай Тихонравов, который в указанном году был избран ректором. Его место занял на 1877–1880 годы историк нового времени Нил Попов. Российской словесностью заведовал престарелый Федор Буслаев, который с 1881 года отказался от преподавания. Тогда на факультете уже трудился молодой Александр Дювернуа. Курс по русской истории читал Сергей Соловьев, которого после смерти в 1879-м сменил Василий Ключевский. Ивакин слушал еще Соловьева,

о чем упомянул в беседе с Толстым, когда граф назвал знаменитого историка «человеком почтенным, но тупицей».

Среди однокурсников Ивакина были будущие видные ученые, а также важные государственные деятели. В письме от 27 апреля 1899 года Николаю Федорову он описал неловкую ситуацию, которая сложилась у него с литературоведом Николаем Черногубовым: «Просил он [Черногубов] и меня подействовать в его пользу – на кого бы Вы думали? На теперешнего председателя в цензурном комитете, князя Шаховского! Когда я был товарищем ему по гимназии и по университету, по-дружески дрался с ним до окроваживания; потом, после университета, долго с ним не встречался – он стал цензором. Встретился я с ним года 3–4 назад у Вас в каталожной, и мы после нескольких минут колебания перешли на старое, гимназическое ты. Известный Вам [Я.Ф.] Браве слышал это и, должно быть, изумился и чуть ли не возблагодарил. С цензором, да еще с князем на ты – вещь немалая! – «Я бы на Вашем месте, – говорил он Черногубову, – сейчас бы через Ивакина стал действовать – ведь он с ним на ты!» Но Черногубов тогда промедлил действовать, вероятно, потому, что не предвиделось нужды. Основываясь на моем прежнем знакомстве с Шаховским, теперь он просит меня походить за него перед ним. Я никогда, понимаете ли? никогда не писал Шаховскому, и вдруг махну теперь прямо просьбу, чтобы он дал Черногубову место по цензурному ведомству! Признаюсь, я пришел в немалое затруднение, как писать».

Ивакин дружил с блистательным историком Михаилом Корелиным, еще одним своим однокурсником. Корелин окончил факультет с золотой медалью и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Они много лет поддерживали приятельские отношения. Собственно, Корелин и отрекомендовал Ивакина Толстому.

Князь Николай Владимирович Шаховской (1856–1906), член совета министра внутренних дел, историк и экономист, литературовед

«УЧИТЕЛЬ НАШ НОВЫЙ ПРЕМИЛЬНЫЙ»

Сразу по окончании университетского курса Иван Михайлович получил приглашение преподавать в Симферополь. Но южане в итоге отказали, взяв на должность другого. В конце августа 1880 года Ивакин оказался буквально не у дел, и вариант учить графских детей был как нельзя кстати; да и оклад приличный – 1000 рублей в год. Толстой много лет безвылазно жил в Ясной Поляне, а дети подросли, и Сергея Львовича нужно было готовить к экзамену на аттестат зрелости. Позднее Ивакин также давал уроки Татьяне Львовне, Илье и Льву Львовичам. Ивакина наняли преподавать греческий и латынь. В Ясной Поляне он одновременно писал диссертацию, которой занимался по утрам, отчего график уроков был специально смещен на вторую половину дня. Защитился по весне – кандидатский диплом Ивакина датирован 29 мая 1881 года. Сразу

Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899), историк-медиевист, профессор Московского университета

Татьяна Толстая с братьями Андрюшей (слева) и Мишей. 1884 год

затем определился в III московскую гимназию преподавателем русского языка в параллельных классах, где с 1884-го ему добавили и географию. Последующие тридцать лет места работы Иван Михайлович не менял.

До 1886 года зиму он проводил в Москве, а летом уезжал репетиторствовать в Ясную Поляну, с графом у него сложились добрые отношения. В переписке Толстого 1880–1887 годов Ивакин занимает заметное место. О знакомстве с ним Толстой писал жене 30 августа 1880-го: «кандидата нашел прекрасного»; и 1 сентября 1880 года – философу и публицисту Николаю Страхову: «Учителя филолога прекрасного человека нашел». Софья Толстая – писательнице Татьяне Кузминской 5 октября 1880 года: «Учитель наш новый премильный. Учит прекрасно и притом тихий, наивный, с ним очень легко и образованный такой».

В дневниках беседы с Ивакиным отмечены писателем 21 мая и 6 июля 1881 года. Ивакин нередко бывал гостем Льва Толстого в Москве, где его визиты зафиксированы дневником писателя 16 марта, 12, 22 и 29 апреля 1889 года. Кроме того, они находились в переписке. Дружеская связь установилась у Ивана Михайловича с его учеником Сергеем Толстым. В мае 1883 года они предприняли совместное путешествие в самарское имение графа. Сначала

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

даже намеревались сделать это из Москвы на лодке, купив которую проплыли четыре дня, но потом на Оке пересели на пароход. Вскоре их пути с «Сережей» разошлись, но под конец жизни снова переплелись. В 1961 году в качестве предисловия к запискам Ивакина Сергей Толстой писал: «Видался я с Ивакиным и в последующие годы, но все реже и реже. <...> В Москве он долгое время жил в маленьком доме дьякона церкви Знамения в Теплом переулке, а позднее – на Zubовском бульваре (д. Матвеевой), вместе со своей матерью-вдовой и сестрами Анной и Павлой, которые в нем души не чаяли. Последние годы своей жизни он был болезненным человеком, но не прекращал педагогической деятельности. Он умер 26 февраля 1910 г. от воспаления легких. Я был на выносе его тела. Почтить его память пришлось много народа, и я слышал очень теплые отзывы о нем».

Впоследствии именно Сергей Толстой выкупил у сестер Ивакина рукопись воспоминаний об отце. А мог бы и весь архив выкупить, включая биографию Мономаха! Но уж бог весть, может, не счел...

В 1880–1881 годах, когда Ивакин жил в Ясной Поляне, Толстой работал над переводом Евангелия. Писатель часто с ним консультировался, просил перечитать и отредактировать, тем более что речь шла о греческом оригинале. Ивакин также выступал корректором некоторых толстовских рукописей, часть из которых, как было отмечено издателями ПСС Толстого, хранилась в «собрании Ивакина» в РГБ. Как известно, в декабре 1939 года все рукописи писателя и смежные фонды были переданы во вновь созданный Государственный музей Л.Н. Толстого, но в его архиве никакой коллекции Ивакина нет. Некоторые связанные с ним документы хранятся в РГАЛИ. Следов второй части книги о Владимире Мономахе нигде не обнаружено.

Л.Н. Толстой
в кругу семьи.
Ясная Поляна.
1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРУГ ЧТЕНИЯ

Я читывался в воспоминания Ивакина, пытаясь уловить свідельства занятий его самого, но скромность автора и концентрированность на главных предметах – мыслителя Толстом или философе Федорове – не позволяли проникнуть глубже. Так мне и осталась неизвестной тема его диссертации, которую он писал в Ясной Поляне. Надо полагать, она должна была иметь отношение к классическим языкам. В записках Иван Михайлович отметил о Толстом: «Нам и в гимназии и в университете говорили о народной словесности, но... но вот перед собой я увидел человека, нет – великого писателя, который действительно любил ее, действительно умел ценить краткость, меткость, простоту народной речи, а – главное – умел этой речью пользоваться. Вслед за ним и я в своем маленьком ничтожном деле, при писании кандидатской дис-

сертации, старался по возможности избегать искусственности, вычурности литературного языка, и сколько раз при переводе Апулеевой сказки об Амуре и Психее слова и обороты простого разговорного, даже мужицкого языка облегчали и выручали меня!..» Чуть больше ясности с кругом чтения Ивакина в толстовский период. Его контролировал граф – буквально забегал в комнату и просматривал имеющиеся книги. Иван Михайлович некоторые прятал. Например, романы самого Толстого, которые писатель к тому времени недолюбливал, считал «белибердой» и едва ли не презирал.

Примечательно, что сам Толстой совсем не был знатоком русских древностей. Ивакин вспоминал, что указал писателю на житие Николы Святоши, о котором граф едва только слышал, но «обещал принять к сведению». Не знал Толстой и Фридриха Ричля – знаменитого немецкого филолога-латиниста, которого Ивакин полагал классиком, а Федоров оставил о нем целую серию заметок. Еще графа возмущали восхищения Шопеном и Бетховеном. Толстой заставил Ивакина прочитать «Критику чистого разума» Канта на французском, только что вышедший перевод на русский «Мир как воля и представление» Шопенгауэра и далее: «Кризис западной философии» Соловьева, «История политических учений» и «Наука и религия» Чичерина, не говоря о многих сочинениях, касающихся

Сергей Львович
Толстой.
1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся истории раскола, христианства, Библии: например, Щапова, Ренана, Рейса».

Тогда многие интересовались политэкономическими и геополитическими теориями, а потому в толстовском кругу обсуждали книги Генри Джорджа «Прогресс и бедность», Томаса Мальтуса «Опыт закона о народонаселении», работы Джона Милля, Чарльза Дарвина и, конечно, Николая Данилевского. Темы церкви, духовных учений и русского раскола также были приоритетными. В записке от 16 ноября 1880 года московскому книготорговцу Соловьеву Толстой пишет о том, чтобы книги, указанные И.М. Ивакиным, были записаны на его, графа, счет. Помета Соловьева указывает, что «отпущено 1 экземпляр «Раскольничьи дела» Есипова, 2 части». Осенью 1887 года Ивакин отметил в разговоре с Федоровым только что вышедшую книгу А.С. Пругавина «Раскол – сектантство»: «Книга почтенная, но, – сказал я, – все труды Пругавина порождены мыслию, что и мы, русские, не хуже людей – и у нас протест, есть мнения, ереси». 12 апреля 1889 года Ивакин был в гостях у Толстого в Москве и записал: «Поговорили мы немного про Петра Хельчицкого, о котором (или мне так показалось?) Л.Н. как будто ничего не знал, я было упомянул имя одного из его последователей – Коменского...» Но их прервали. На другой день Ивакин «пришел в Публичную библиотеку справиться об Анненкове, который занимался Хельчицким, разговорились потом [с Н.Ф. Федоровым] о Толстом – глядь, он и сам тут! Пришел за книгами, где идет речь об американских сектах.

Посмотрел, что читаю. Видит – о Хельчицком.

– А у меня после вас были вчера Стороженко и Янжул. Янжула я уж года два просвещаю о Рёскине, американском писателе – имеете понятие? – и он только теперь выписал его себе. Заговорили мы вчера о Хельчицком... – Что же, знает о нем Стороженко?

Л.О. Пастернак.
Портрет Николая
Федорова.
1919 год

– Нет.

– Как? Да ведь это даже у Пыпина есть, как же ему-то, профессору-то всеобщей литературы, не знать? Ведь вся и немецкая реформация-то возшла на чешских дрожжах!

– Это правда, – отозвался Николай Федорович.

– У них такая казенщина, – отвечал Л.Н., – но я спрашивал о Коменском – о Коменском он знает! Вчера, после ухода барыни, я говорил Л.Н. о Коменском – о том, что он был педагог, имевший всеевропейское значение, на что он мне сказал: «Ну? ведь он был чех!» О Коменском он сказал, что это был не столько философ, сколько педагог.

– Да и у нас о Коменском есть много, – отозвался Николай Федорович, – есть его «Orbis pictus» – перевод еще прошлого столетия». Из примечательного разговора можно сделать вывод о круте интересов его участников, а также о способах передачи информации. Толстой был очень общительным и деятельным человеком, с интересами широкого охвата, но

прежде всего в связи с верой и религиозностью. Гусит Петр Хельчицкий – певец непротivления злу, анархизма и пацифизма – был буквально провозвестником идей самого Толстого, очень близким ему автором, которого едва начали переиздавать в конце XIX века. Комментаторы воспоминаний утверждают, что Ивакин не был первым, кто сообщил писателю о нем – эта честь принадлежит Томашу Масарику. Однако, судя по всему, Яна Амоса Коменского Толстой к тому времени не читал, хотя его *Orbis sensualium pictus* («Видимый мир в картинках»; 1658) в русском переводе появился еще в 1768 году. Очевидно, что в 1880-е годы чешские антиклерикалы вызывали особый интерес среди московских книголюбителей.

КРУЖОК ФЕДОРОВА

Иван Михайлович являлся всегда всегдаем библиотеки Румянцевского музея, где в каталоге царствовал Николай Федорович Федоров – личность удивительная и незаурядная. Служил он там четверть века и первым составил систематический каталог, легший в основу каталога РГБ. Дружбой с Федоровым дорожили Циолковский, Достоевский, Соловьев, Фет, Толстой и многие другие книголюбители. О его личных качествах отзывались только в превосходной степени: аскет, нестяжатель, выдающийся библиограф. При жизни он сторонился широкой известности, главным делом считал книги, которые знал, любил и делился этим. После работы у него в каталожной собирались ценители и вели беседы. Там оформились философские взгляды Федорова, которого теперь называют основателем «русского космизма».

Ивакин был частым собеседником Федорова, порой записывал под диктовку его мысли, редактировал и переписывал набело статьи. Федоров в своих работах упоминал Ивакина, иногда ссылаясь на него как на свой источник – авторитет. Например, уже в первом томе «Философии общего дела» при обсуждении монголь-

Сергей
Михайлович
Соловьев
(1820–1879),
историк,
профессор
Московского
университета

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Зал библиотеки
Московского
публичного
и Румянцевского
музеев.
1881 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ского нашествия и планов Батая: «Монгольское нашествие указало на необходимость соединения. Мало того, оно указало и на тот пункт, в котором должно произойти соединение, ибо как объяснить движение монголов от Рязани к Владимиру чрез Москву, тогда очень незначительный городок? Этим движением Батый отрезал Западную Русь от Восточной, Тверь от Владимира (так говорит И. Ивакин) и потом самым делом показал, где должна быть столица России».

Федоров всю жизнь провел в Москве, иногда удаляясь на отдых в Воронеж к педагогу и публицисту Николаю Петерсону, главному своему адепту. В 1898-м он рассорился с руководством музея и почти на год укрылся в Воронеже, откуда потом перебрался в Ашхабад. В основном сохранилась его переписка именно этих лет и преимущественно письма Владимиру Кожевникову, своему последователю и позднее издателю. Письмами Ивакину мы не располагаем. Но в посланиях Кожевникову Ивакин относится к небольшому числу лиц, которым Федоров неизменно передает поклон.

Кружок вокруг каталожной Федорова объединял книголюбов «по гамбургскому счету», туда тянулись и те, кто хотел поглазеть на интеллектуальную элиту. Зарисовку об этом явлении оставил известный пианист и композитор Сергей Бартенев. В 1908 году по просьбе своего отца, издателя «Русского архива», Бартенев подготовил воспоминания о знакомстве с Ивакиным, описав события

7 декабря 1894 года: «Однажды с братом Юрием (†31 окт<ября> 1908) я отправился к Николаю Федоровичу в Каталожную Румянцевского музея в надежде услышать что-нибудь интересное, так как к нему собирались туда лучшие люди мысли [...], глубоко его почитавшие и признававшие учителем. В Каталожную допускались не все, а только знакомые, особенно усердно занимающиеся. Беседы велись после 3 часов, когда кончалось время службы. До того времени Ник<олай> Фед<орович> беспрерывно рылся в каталогах, приискивая требуемые из читальной залы книги и бегал сам их отыскивать, чтобы помочь в работе служащим и ускорить дело, так как он по памяти знал местонахождение многих книг. Придя в Каталожную, надо было взять книгу и заняться чтением, чтобы оправдать там свое присутствие. Мне пришлось приютиться у углового столика, рядом с неким И.М. Ив<акиным>, с которым я по-немногу разговорился, сообщив

Николай
Николаевич
Страхов
(1828–1896),
философ,
публицист,
литературный
критик, член-
корреспондент
Петербургской
академии наук

о своем желании послушать мудрых речей Николая Федоровича». Ивакин же кратко ознакомил Бартенева-младшего с философским концептом Федорова.

В воспоминаниях у Ивана Михайловича сохранился сюжет, когда он осенью 1887 года случайно «в воскресенье» на Сухаревке встретил известного публициста Страхова, который жил в Петербурге и был в Москве проездом из Крыма: «Делать было мне нечего, ему по-видимому тоже; я и позвал его с собой в Публичную библиотеку. Дорогой я узнал, что он занимается религиозными сочинениями – мистиками. Я удивился.

– Вы понимаете «мистический» в слишком неопределенном смысле, – сказал он, добродушно смеясь.

Он упомянул про Гегеля, который в конце одного из своих сочинений сослался на мистика, персидского поэта, Джелаледина Руми... Библиотека у него большая, хорошая, можно сказать, отборная: есть сочинения по естествознанию (теоретические, а не описательные), математические, философские, а теперь и – религиозные.

Не знаю, было ли в связи с его занятиями некоторое пристрастие к Москве, но оно меня несколько удивило. Едем около театра – несут образа, идут священники. Мы крестимся.

– Это в Петербурге не часто увидишь, – говорит он мне, – я давно уж там живу, а все не могу привыкнуть!

Едем мимо Архива Министерства Иностранных дел.

– И чего-чего только нет у вас в Москве! – замечает он».

В воскресный день привычным местом времяпрепровождения для Ивакина была библиотека; она же была клубом, достойным местом для хорошей беседы; она же была важным контекстом любого разговора – за недолгую поездку на извозчике Ивакин успел составить представление о книжном собрании собеседника. И особенно примечательна дистанция между столицами. Страхов совсем не случайный прохожий, но и его поразило, что в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Москве есть именитое архивное заведение. Напротив, приглашение в библиотеку гостю странным не показалось. Возможно, тот знал, что это не просто читальный зал с вековой пылью. В кружок каталожной подтягивались писатели, издатели, ученые и любопытствующие. Наезжая в Москву, сюда часто заглядывал Толстой. Над учением Федорова он слегка посмеивался, но самого Николая Федоровича безмерно уважал и в разговорах с Ивакиным часто поминал. Разрыв Федорова с Толстым произошел по инициативе первого, в то время как второй много лет потом пытался восстановить отношения. Захаживал в каталожную Фет, что отмечено в январе 1888 года. Ивакин ранее помогал ему в редактировании перевода «Элегий» Проперция и часто бывал в гостях у поэта.

НАБЛЮДАТЕЛЬ ЖИЗНИ

Моего героя интересовали редкие, как ему казалось, великие люди, чьи слова, дела и вообще судьба существенны для потомков. О себе он говорил предельно мало. Про свои собственные занятия Ивакин вспомнил буквально два раза. Из заметки летом 1885 года становится известно, что он к тому времени перевел с латыни 10 из 12 книг Марка Аврелия – эта работа опубликована не была. А в начале февраля 1888-го, встретив Толстого в библиотеке, Ивакин отметил, что «занимался я тогда иностранцами, писавшими о России, и кого-то из них читал». Через несколько лет вышел его комментированный перевод с латинского книги Бернгарда Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году». В примечаниях там использовано много материалов из Архива МИДа, в том числе в приложении опубликованы некоторые документы Посольского приказа. А кроме того, добавлена справка «Описание Москвы в сочинениях иностранцев», где кратко охарактеризованы все прежние свидетельства иностранцев о русской столице с XV века. Очевидно, что перед нами многолетний труд,

Титульный лист книги Б. Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году» (М., 1891)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

которому Ивакин посвящал время уже в конце 1887 года. В статье «О памятнике Александру III», написанной осенью 1898-го, Федоров сделал интригующее примечание: «Об исполнении завета «Слова о полку Игореве» Москвою говорится в одном еще не изданном произведении о Владимире Мономахе (И.М. Ивакина)». О каком «завете» идет речь – догадаться сложно: ничего подобного в изданной части сочинения Ивакина не обнаруживается. С другой стороны, эта ссылка позволяет в целом датировать работу над «Поучением» Мономаха. Федоров писал статью в Воронеже, куда отправился еще весной 1898-го, то есть, надо полагать, сочинение Ивакина к этому времени было уже окончено. На этот срок указывает и датировка ссылок в книге – все они, кро-

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920), один из самых выдающихся филологов рубежа XIX–XX веков

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ме одной, не позднее 1897 года. Последняя – на статью Н.В. Шлякова, вышедшую в ЖМНП в июне 1900 года, – вероятнее всего, поздняя вставка, поскольку не учтена в других местах. Не много ссылок и на Алексея Шахматова: только две и обе на статьи 1897 года. Причем очевидно, что ученые были знакомы лично. В приложениях Ивакин опубликовал «Поучение суздальской княгини Марии детям» (1205) из Никоновской летописи, где указал, что на него «обратил мое внимание ак. А.Н. Шахматов» (инициалы академика Шахматова указаны именно так. – Прим. ред.). Молодой академик Шахматов был почти на десять лет моложе Ивакина; он только в 1887 году окончил университет, а поскольку учился в Москве, то посещал и каталожную Румянцевского музея, где, соответственно, они виделись. Исследуя «Поучение», Ивакин внимательно изучил своих предшественников: Алексея Мусина-Пушкина, Николая Карамзина, Михаила Погодина, Измаила Срезневского. Им были просмотрены все публикации сочинений Мономаха, включая переводы на чешский, польский и французский. Однако, судя по всему, к 1897 году он работу завершил и новые публикации включал лишь в случае особой необходимости. При всей историографической пунктуальности видно, что Ивакин не делал ее самоцелью. Конечный пункт своих устремлений он размещал за гранью науки, заявляя об амбициозной нравоучительной программе: «Век просветительной философии отнюдь не может похвастаться высоким уровнем нравственности, и один из выдающихся русских людей не даром писал, что французское просвещение хотя и очищает и возвышает ум, но портит сердце и воротит с корня добродетель, поселяя на место ее пороки. Французское влияние проникло и к нам на Русь. Нравственность Домостроя не замедлила замениться царившей в Париже безнравственностью, безверие стало на место веры, семейное начало ослабло».

Уже в предисловии побудительные причины труда приравнены к аналогичным у графа Мусина-Пушкина, первооткрывателя и первоиздателя «Поучения». Мусину-Пушкину наряду с монахом Лаврентием, автором летописного списка, Ивакин и посвятил свою книгу. Находясь под влиянием этических учений Толстого и Федорова, Иван Михайлович в текстах Владимира Мономаха видел нравственный урок из древнерусской старины. Он не претендовал на проповедь, но старался подготовить материал другим, более велеречивым трибунам. Кажется, таковой представлялась ему миссия историка. И он не видел ее в отрыве от духовных исканий человека, основы основ работы ученого.

В конце жизни в воспоминаниях Ивакин уже на первых страницах отметил свои метания ранней поры, которые позднее стали предметом его самоанализа: «Гимназия и университет вытравивали из меня всякое религиозное чувство. Проезжая из Крыма в Ясную Поляну, я не шутя думал, что главнейшая цель жизни – пожить лучше, или, как я выразился своему товарищу Петру, над чем он смеялся, сорвать розу в январе. Я омертвел душой, и если хоть несколько ожил, этим я обязан только Л.Н. [Толстому] и никому больше, несмотря ни на какие его заблуждения и ошибки, несмотря на то, что толстовцем отнюдь назвать себя не могу и никогда им не был; Л.Н. раз мне даже сам сказал и справедливо, что я к его воззрениям изъясняю лишь «холодное сочувствие».

Впоследствии Ивакин был близок к церкви, что было характерно для круга Федорова, где Толстого упрекали за антиклерикализм. Впрочем, его религиозность, кажется, не выходила за рамки традиционной и общепринятой. Сергей Толстой писал: «Вследствие моих приятельских отношений с Иваном Михайловичем я довольно хорошо узнал его. В своих записках он пишет, что его товарищ Корелин назвал его равнодушным человеком, и он сам признает вер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ной такую свою характеристику. Из моих отношений с ним я пришел к заключению, что он был равнодушным не в том смысле, что он был холодным и невосприимчивым человеком, а в том, что он равнодушно относился как к политической и общественной деятельности, так и к своему материальному благополучию. В жизни он не был деятелем, что не мешало ему быть работоспособным. Он был зритель, наблюдатель жизни. Он был правдив, не был ни тщеславен, ни корыстолюбив и добродушно относился к людям, хотя любил отмечать слабости людей».

В первые годы после университета Ивакин выглядел тщедушным студентом в обноски, над которым посмеивались окружающие. «На день мы остановились в Харькове, где я купил себе

Рисунок
Л.О. Пастернака
«Три философа»
(Н.Ф. Федоров,
В.С. Соловьев
и Л.Н. Толстой).
1928–1932 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Страница
с началом текста
«Поучения»
Владимира
Мономаха
в Лаврентьевской
летописи

одежду, думая, что неловко явиться в графский дом в коротеньком пиджачке, какой носил я в Москве (его в Ясной Поляне Татьяна Львовна прозвала кофточкой), – писал Ивакин в воспоминаниях 1880 года. – После оказалось напрасно: надобности не представлялось, а щеголять в длинном, модном английском сюртуке в деревне так, ни почему, казалось мне еще неловче, чем в «кофточке». Графская обходительность придала молодому ученому сил: «Приехал я заморенным, худым (тем более, что летом сильно прихворнул), а через год благодаря житию в прекрасной усадьбе, на хороших харчах, когда явился в Москву, – «Ишь как тебя граф-то раскормил», – заметила двоюродная сестра, с которой я долго не видался... Да и сам Л.Н., в августе пророчивший мне скорую смерть от чахотки, в ноябре уже говорил смеясь: «Да вы – крепш: вас долбней не убьешь!» Позднее, очевидно, Иван Михайлович стал более уверенным в себе, хотя насмешки иногда вызывал и, кажется, обижался. Он вел замкнутый образ жизни, главным удовольствием была библиотека. Свободно читал по крайней мере на шести языках, но в жизни остался неустроенным. Так и не женился, детей не имел. В последние годы много болел и умер от легочной инфекции в 55 лет.

Его публикации остались малоизвестны, да и сейчас увлекают только специалистов. Даже в безумном Интернете книгу Ивакина о «Поучении» Владимира Мономаха найти непросто. Существует сервис – электронная библиотека «Крым» (franco.inforost.org) на базе Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И.Я. Франко (Симферополь), где книга имеется в полном объеме, но постранично: скачивать нужно каждый лист отдельно. Такой вот поклон Ивакину из того самого Симферополя, который не принял его в 1880 году. На 27 марта 2020 года счетчик сайта отметил 628 посещений страницы с книгой Ивакина за все время существования ресурса...

РУКИ ПОЮТ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

У 17-ЛЕТНЕЙ АНАСТАСИИ МОРОЗОВОЙ РЫЖИЕ ВОЛОСЫ, ЛУЧЕЗАРНАЯ УЛЫБКА И ГИБКИЕ ПАЛЬЦЫ ЧЕЛОВЕКА, ПРИВЫКШЕГО ГОВОРИТЬ ЖЕСТАМИ. ОНА ГЛУХАЯ. В ОКТЯБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА НАСТЯ ПОБЕДИЛА В КОНКУРСЕ КЛИПОВ НА ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ НА ПОРТАЛЕ «ГЛУХИХ.НЕТ», ИСПОЛНИВ ПЕСНЮ «МОЙ РОК-Н-РОЛЛ» ЖЕСТАМИ. ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ ПОБЕДА ЮНОЙ ПЕВИЦЫ: В ДЕКАБРЕ МИНУВШЕГО ГОДА НАСТЯ ЗАНЯЛА ПЕРВОЕ МЕСТО ЗА ЧТЕНИЕ МОНОЛОГА «НЕБО НАД БЕРЛИНОМ» НА ТВОРЧЕСКОМ КОНКУРСЕ ARTIS-2019.

НАСТЯ РОДИЛАСЬ здоровым ребенком, в 2 года перенесла инфекцию, поразившую спинной мозг, тяжело заболела, перестала ходить и сидеть, потеряла слух. Родители не сразу поняли, что дочь не слышит. Насте сделали операцию – кохлеарную имплантацию. Семья переехала из Ленобласти в Петербург, поскольку девочке требовался особый садик. Сейчас Настя слышит одним ухом «контуры» слов, читает по губам, интонации не ловит. До болезни она ходила в обычный детский сад рядом с домом, занималась танцами, говорила хорошо, читала наизусть стихи.

Болезнь дочери заставила Светлану, маму Насти, всегда быть собранной. Самое трудное было – понять, что делать. После операции девочка долго не говорила. К потере слуха добавились неврологические проблемы.

У Насти выразительные жесты, гибкие тонкие пальцы. Но это сейчас. Раньше, смеется Светлана, пальцы были деревянными. Пришла эта «беглость рук» не сразу: Настя плакала, путала пальцы. Но справилась: память у нее отличная. Жест выучить проще звука, тем более глухому человеку.

НАСТОЙЧИВАЯ И УПЕРТАЯ

Мать и дочь очень похожи: круглолицые, рыжеволосые. А вот характеры и пластика у них разные. Светлана спокойна и сдержанна, Настя чувствительна и ранима. Настойчивая, капризная, упертая, добрая, отзывчивая и трудная – так Светлана характеризует дочь. Настя кивает. Светлана говорит, пошла против родных: никто не хотел делать маленькому ребенку операцию. Она тогда работала на двух работах: швеей и флористом. Рассталась с мужем – отцом Насти.

Садик для глухих детей находился далеко от дома, нужно было будить Насти в 5.30. К 9 утра, когда начинались занятия с сурдопедагогами, девочка клевала носом. Забирать ее приходилось в 8 вечера, и только к ночи мать и дочь добирались до-

мой. Светлане пришлось оставлять Настю в интернате, иначе педагоги не видели перспектив в развитии ребенка. Тогда мать получила права и забирала Настю из школы через день. Десять лет назад Светлана вышла замуж. Отчим видится с Настей реже из-за несовпадения графиков, и, когда он пытается что-то показать Насте жестами,

получается комично. Придумывает жесты сам. Говорит, много денег семья тратит на творчество Насти. Но супруги решили: «Главное – чтобы Настя выросла достойным человеком. Стыдно купить новую машину, но не оплатить репетитора». Вся неделя у Насти занята уроками и репетициями. А по субботам бывают концерты. Она

Мать и дочь
очень похожи:
круглолицые,
рыжеволосые

Настя и Руслан
на репетиции
танца в студии
«Слышим
сердцем»

учится в школе-интернате для слабослышащих детей, куда ездит сама. Там же после уроков посещает музыкальную студию «Слышим сердцем». Раз в неделю мчится на занятия по актерскому мастерству в другой район города.

– Когда говорят, что мамы особенных детей герои, это не так, – считает Светлана. – Ты просто делаешь то, что должен. Операцию Насте сделали в 4 с половиной года. Мы общались очень простыми словами. Рисовали, говорили простыми словами. По-едем в зоопарк? Картинка – туда хочешь? Каток – картинка. Вся квартира была обклеена картинками со словами. Стол, дверь, окно, туалет, окно, кухня, карандаш... Разговоры по душам стали доступны лет с 11–12, когда она смогла вести диалог.

По словам Светланы, жестовые языки Москвы и Петербурга различаются: разные школы, разные диалектные особенности. Даже в Петербурге воспитанники разных школ некоторые жесты могут показывать по-разному. Это приводит к множеству коммуникативных проблем. Например, в Петербурге детей учат говорить по правилам русского: сначала отрицание, потом слово. В Москве принято наоборот. Понимания у школ до сих пор нет. Светлана объясняет, что бытовой жестовый язык отличается от «официального», потому, когда Настя в школе говорит жестами с друзьями, Светлана понять их не может.

Мать проводит с дочерью много времени, но и у них случаются сложности в понимании друг друга. Светлана знакома с пальчиковой азбукой, но жестов почти не знает, общается с дочерью голосом. У нее отличная дикция, она научилась подбирать простые слова. Жестами Настя говорит с друзьями. То есть владеет двумя языками: русским и русским жестовым. И живет в двух мирах. Заговорить фразами, а не отдельными словами Настя смогла в 7 лет в школе, в этом ей помогло жестовое пение.

РУКАМИ И СЕРДЦЕМ

Татьяна Николаевна Федосеева работает в школе со слабослышащими детьми 25 лет. Она заместитель директора по воспитательной работе и руководит коллективом «Слышим сердцем». У нее сильный голос человека, который надорвал связки, и «говорящие» руки. За спиной – шкаф с кубками, завоеванными ее подопечными.

– «Синий платочек, идем к зеркалу!» «Поющие руки – 20» – найди мне запись «мир в детских руках-а-а-ах», – интонирует Татьяна Николаевна. – Жест абсолютно четко должен идти со словом. Пять девочек выстраиваются на сцене для исполнения «Платочка». Фонограмма песни гремит мощно. Это репетиция концерта к 9 Мая. Жестовое пение не сурдоперевод, а пластический перевод текста песни, попытка передать метафору.

– Шире руки! Чем шире, тем красивее! – командует строгая Татьяна Николаевна. – Лиза, включи лицо! Что значит – не хочу? Надо! Руки помягче.

Лиза поет под заунывную фонограмму Татьяны Булановой.

– Я всегда говорю и родителям, и детям: «Кто вам сказал, что вы инвалиды? – объясняет Татьяна Николаевна. – У вас есть руки, глаза, чувство ритма, талант!» Мы сначала изучаем темп, ритм, заучиваем слова, отрабатываем звуки. В жестовом пении главное не руки, они только помогают. Главное – четко и синхронно петь с исполнителем, чтобы в зале никто не понял, что это не ты поешь. Жестовое пение не только перевод и проговаривание слов, но и хореография, пластика. Мы стараемся развивать детей в разных амплуа. Глухой человек намного наблюдательнее слышащего. Глухие очень обидчивы, требуют повышенного внимания.

Татьяна Николаевна посоветовала Насте двигаться во время выступления. Это девушке давалось сложно: говорить, ходить и сопровождать выступление жестами. Проблемы с речью есть у всех глухих людей, Настя не исключение, но она стала гово-

Татьяна Николаевна Федосеева работает в школе с глухими детьми 25 лет. Она руководит коллективом «Слышим сердцем»

рить намного лучше после того, как начала заниматься актерским мастерством...

Жестовое пение улучшило дикцию, ведь человек должен знать слова, а значит, уметь артикулировать с правильными ударениями и окончаниями.

В коллектив «Слышим сердцем» Настя попала десять лет назад. Со временем стала участвовать в конкурсах не для инвалидов, а для обычных детей. Настя поет пес-

ни Анны Герман, Андрея Петрова, Аллы Пугачевой, военные песни. Сейчас разучивает «Ленинградскую песенку» Андрея Петрова.

Репертуар «Слышим сердцем» – советская эстрада. Современные песни исполняют редко – их трудно перевести. Жестами воспроизводят образ, а не слова буквально. Педагоги объясняют: рассказывать стихотворение глухому ребенку сложнее, чем петь и танцевать.

Светлана бывает почти на каждой репетиции – а они проходят пять раз в неделю, – помогает организовывать концерты «Слышим сердцем», шьет костюмы для выступлений, гримирует.

ЕЕ РОК-Н-РОЛЛ

– Глухие дети не читают, потому что они не понимают обращенной речи, – объясняет Светлана. – У них нет запаса слов. Когда Настя пошла в школу, она знала всего 36 слов. Интересса читать, конечно, не было.

А вот когда увидела жестовое пение, загорелась этим. Припев к первой песне она учила полгода, еще полгода ушло на целую песню. Теперь песню она может выучить за сорок минут и перевести ее на жестовый язык.

Светлана с дочерью читали вместе. Разбирали неизвестные слова. Дошли до этапа, когда Настя подчеркивала их в книжке, а мама объясняла. Но к этому пришли лет в 11. Читали ежедневно Агнию Барто, Носова, Сутеева – всю советскую классику.

Светлана шьет костюмы для девочек из «Слышим сердцем», сопровождает на выступлениях, гримирует. Бывает на каждой репетиции

В студии
Настя была
единственным
участником
с особенностями
здоровья.
В сентябре к ней
присоединилась
подруга Даша

Жили без телевизора, компьютера. Чтобы не было соблазнов. Сейчас Настя читает много. Ее любимая книга – «Поллианна» Элинон Портер. С книгами не просто: нужен запас слов, а чтобы он был, нужно читать книги. Те, кто может разорвать порочный круг, преодолевают и проблемы с коммуникацией. После одиннадцатого класса выпускники интерната получают аттестат девятого класса. В Настинной школе, объясняет Светлана, требований к ученикам меньше, чем в общеобразовательной: в школе есть отделения в зависимости от здоровья ребенка. Настин класс почти не пишет сочинения. А Настя учится писать сочинения, занимается математикой и русским с репетитором. Она должна учиться тринадцать лет, чтобы получить аттестат за одиннадцатый класс. Сейчас Настя в десятом, в следующем году, в 18 лет, она получит аттестат девятого класса, потом поступит в вечернюю школу на год. Затем планирует год готовиться к ЕГЭ по общеобразовательной массовой программе.

А поступить Настя мечтает в ГИТИС или в Российскую государственную специализированную академию искусств – изучать актерское мастерство. Вуз, где могут учиться люди с инвалидностью, больше нет. Кстати, на первом курсе театрального отделения московской специализированной академии искусств учится молодой человек Насти – Константин. Он тоже выпускник школы-интерната №33 Выборгского района, где сейчас учится Настя. У глухих людей особое интонирование, вернее, его нет, что понятно, ведь у них нет слуха. Это как рисовать вслепую. Девушка объясняет, что ей хотелось записать песню «Дороги любви» из фильма о гардемаринах. Идея клипа возникла два года назад – Наш друг Василий, оператор-постановщик, подумал: почему бы не снять для Насти клип? – рассказывает Светлана Морозова. – Вася с режиссером подумали о «Дорогах любви», но решили: получится нечто «сопливое» и слезливое. Василий предложил «Мой рок-н-ролл» и сюжет о девушке

из богатой семьи, влюбленной в скромного романтика. Финал специально задумали «открытым», чтобы каждый человек мог придумать свой. Съемки проводились в Павловске, Железнодорожном музее, в депо станции, в замке Бип. Снимали полгода, при разной погоде. Все было согласовано. Нас пускали бесплатно, актеры снимались бесплатно. Переводить песню «Би-2» было очень сложно, это сделала Татьяна Николаевна. Группа «Би-2» дала разрешение на использование песни. Мы им показывали сценарий клипа, предмонтаж и готовый клип – он им очень понравился. Мы набрали более 5 тысяч голосов. Поддержали друзья и их знакомые, подписчики в инстаграм (<https://www.instagram.com/slyshimserdcem?r=nametag>). Клип «Мой рок-н-ролл» – дебют Насти как актрисы и певицы жестикулируя на камеру. Вместе с Настей в нем снимался и Костя: для этого ему приходилось приезжать из Москвы ночным поездом в Петербург, днем работать, а потом возвращаться обратно в столицу.

«СИНЯЯ ПТИЦА»

В 17 часов заканчиваются репетиции жестового пения в школе. Раз в неделю Светлана везет Настю в другой район города – на репетицию в Детском музыкальном драматическом театре «Синяя птица». Четыре года назад Настя прошла кастинг для участия в музыкальном спектакле «Оскар и Розовая Дама». Там Настя познакомилась с девочками из «Синей птицы», куда и пришла заниматься, пройдя прослушивание. С педагогом, говорит Светлана, повезло. Насте очень не хватало актерского мастерства. Сейчас девушка не готова сказать, что ей ближе – актерское мастерство или жестовое пение, настолько одно связано с другим.

У Насти есть слышащие друзья детства. У них она всегда может переспросить непонятное. В «Синей птице», где она никого не знала, пришлось нелегко. Екатерина, педагог актерского мастерства, говорит, что до недавнего времени в студии Настя была единственным участником с особенностями здоровья, в сен-

Настя знает два языка: русский и русский жестовый. И живет в двух мирах

тябре к ней присоединилась подруга Даша. Она тоже не слышит. Насте пришлось нелегко, но характер у девушки волевой и трудолюбивый. Педагог считает, что Настя усидчивее и усерднее, чем многие другие дети, стойко преодолевает кризисы.

– В первый год обучения я молчала, – вспоминает Настя. – Мне там трудно, ведь в «Синей птице» занимаются обычные дети, я не могу переспросить жеста-

ми. Педагог мне сказала: может, ребята боятся меня? В первый год я хотела уйти из коллектива – было очень сложно.

Потом Настя заболела и решила: раз в коллективе с ребятами нет дружеской поддержки и общения, то лучше уйти. Но, как говорит педагог, в итоге Настя «поменяла траекторию движения»: стала чаще подходить к одноклассникам. Ее втянули в рабочий процесс. И времени на рефлексии не осталось.

– Видимо, боясь, что их ранят, глухие никогда не подойдут первыми, даже если им очень интересно. Знакомиться, здороваться первыми – нет. Я заметила это в школе. Борюсь с Настей в этом, – говорит Светлана.

Преодолевать робость с незнакомыми людьми у Насти получается не всегда, с неслышащими общаться легче. Девушку очень ранит, когда слышащие отмахиваются от нее, если она что-то просит объяснить. Были и неприятные моменты, когда прохожие отмахивались от девушки с затрудненной речью.

Жестовое пение – пластический перевод текста песни, попытка передать метафору. И это надо заучить

НА СВОЕМ ЯЗЫКЕ

Десять подростков садятся в полукруг. Екатерина спрашивает, каким запомнился вчерашний солнечный день. Они выхватывают ассоциации, вспоминают, Настя отвечает третьей. Затем следуют задания. Одно из них – представить себя домом и сочинить этому дому свою историю. Звучит музыка, но ее, понятное дело, услышать могут не все. Настя гибко и осторожно выстраивает свой «дом». Она совсем другая на актерском мастерстве – строгая, сосредоточенная, объясняет непонятное своей подруге Даше. Свой «дом» она достроить под музыку не успела, но решила: быть ему – бумажным.

– Характер звуков Настя чувствует лучше, чем слышащие дети. То ли это сила воображения, то ли еще что-то, хотя она не все может воспроизвести. Дети вместе готовят этюды, Настя может отвечать чуть дольше. Проблем в этом нет, – говорит Екатерина.

В студии у Насти увеличился словарный запас. И она стала щеголять новыми словами. Глухие и звонкие звуки Насте пока не даются, но дикция улучшилась. Настя приносит тетради с заданиями педагога – там ее рисунки и стихи с расставленными ударениями. Дело в том, что интонирование – сложный нюанс, доступный не всем людям и с нормальным слухом, а для глухих он особенно тру-

ден. И понижение, и повышение интонации, а также ударения приходится зубрить. Когда Настя нервничает, начинает глотать окончания. Жесты ей ближе.

СЛОВАРЬ МЕЧТЫ

Летом Настю пригласили консультантом по жестовому языку на съемки фильма о Шерлоке Холмсе. Девушка вспоминает: сложно было переводить диало-

Считает Настя хорошо, чувство ритма и природная пластика помогают справиться с вальсом

Татьяна Николаевна – педагог пламенный и эмоциональный

ги на язык жестов – много устаревших, незнакомых слов. Часто спрашивала у мамы, потому что из-за проблем с Интернетом нельзя было «погуглить». Например, в жестовом языке нет слова «кучер». Видео с жестами Настя присылала педагогу Татьяне Николаевне, чтобы избежать ошибок. Эта работа длилась все лето. Насте опыт понравился, несмотря на сложность.

Настя стремится к актерскому будущему, а ее мама с подругой Евгенией заняты проектом интерактивного словаря жестового языка для подростков, выкладывают видео в инстаграм. «Одно дело понимать слова на языке жестов и другое – уметь это показать», – говорит Светлана. Так появилась идея словаря языка жестов, который могут освоить слышащие люди.

– Сейчас время онлайн-обучения, и мы делаем видео в нормальном темпе и замедленном, – рассказывает она. – Я сначала чувствовала себя душой, когда наблюдала за тем, как Настя говорит в школе, особенно тяжело было в поездках. Ничего не понять. Мы все делаем своими силами: записываем видео с участием ребят из «Слышим сердцем». Пока делаем это вдвоем. В жестовом языке 30 тысяч слов. Мы хотим это все отснять по разным темам.

Человек с инвалидностью в мегаполисе «как бы есть, но как бы нет»: Светлана огорчается, что основные площадки выступлений глухих детей – конкурсы для инвалидов. Прорваться с жестовым пением куда-либо еще не получается.

– Мы от «Слышим сердцем» обзаванивали дома культуры, – говорит Светлана. – Мы не просим денег, просто хотим показать, что такое жестовое пение. Я отправляю видео, отвечают: все прекрасно – и тишина. Хотя есть исключения, когда наших детей берут на концерты к 8 Марта или 9 Мая. Наша мечта – открыть образовательный центр для наших детей.

А у Насти мечта – стать актрисой. 🎬

ЦЕРКОВЬ НА «ЖЕЛЕЗНОЙ ЛУНЕ»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

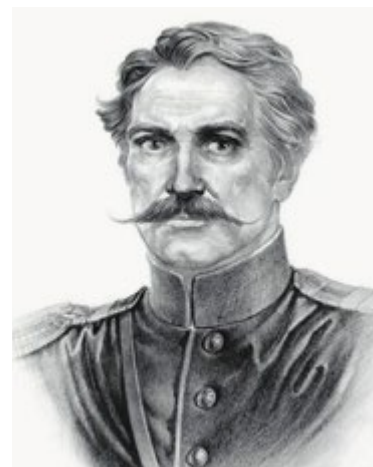
В СПИСКЕ СРЕДИ ЗАХОРОНЕНИЙ И ПАМЯТНИКОВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 ГОДОВ В БОЛГАРИИ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ АЙДЕМИР НЕ ЗНАЧИТСЯ. ИМЕН РУССКИХ ВОИНОВ НА ОСТАТКАХ НАДГРОБИЙ ЗДЕСЬ УЖЕ НЕ ПРОЧЕСТЬ. И ВСЕ ЖЕ ЭТО САМЫЙ КРУПНЫЙ РУССКИЙ ПАМЯТНИК ТОЙ ВОЙНЫ, СОХРАНИВШИЙСЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

СЕЛО АЙДЕМИР РАСПОЛОЖЕНО неподалеку от города Силистры. В древности он звался «Дуросторум» и был фортом Римской империи на берегах Дуная. В русских летописях он известен как Доростол. Да, именно этот го-

род был захвачен в 968 году киевским князем Святославом Игоревичем. Здесь же Святослава осадили войска византийского императора Иоанна Цимисхия. С начала XV века Силистра подпадает под контроль Османской империи. Гораздо позже здесь

была построена мощная турецкая крепость.

Русские войска не раз штурмовали ее стены. В 1809 году форпост пытался взять корпус князя Петра Багратиона. В 1810 году сопротивление гарнизона крепости было сломлено войсками графа Николая Михайловича Каменского 2-го. Русской армии помогало местное население, в том числе казаки-староверы, бежавшие на Дунай еще в конце XVII века. После окончания войны и ухода русских турки уничтожили несколько казачьих поселений. Уцелевшее население собралось в самом крупном селе староверов, Татарице, расположенном в 15 километрах от Силистры.

В честь Георгия Мамарчева в Болгарии названы населенные пункты, улицы; и даже пик в Антарктиде

РАКЕТНАЯ «ФЛОТИЛИЯ»

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов Силистрийская крепость была одним из ключевых форпостов. Оттого в соседнем Айдемире и был разбит русский военный лагерь. Гарнизон крепости состоял из 15 тысяч солдат при 253 орудиях. В 1828 году русские несколько месяцев осаждали Силистру, но взять так и не смогли. Непостижимым образом осаждавшие пришли без осадной артиллерии. Затем артиллерию доставили, но с мизерным количеством боеприпасов...

Весной 1829 года за Силистру взялись серьезно. Крепость стояла на самом берегу Дуная, бить по ней из пушек было удобно с противоположного, левого берега реки. Для переброски туда артиллерии нужно было построить понтонный мост, понтоны для которого находились в 80 километрах западнее Силистры. Для защиты от обстрела со стороны турок понтоны во время транспортировки превратили в своеобразные плавающие крепости с орудиями и ракетными установками. Кстати, в той войне Русская армия впервые использовала ракетное оружие конструкции генерала Александра Засядко (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2018 год, статья «Ракетных дел мастер». — Прим. ред.). Особенно сильное

впечатление ракеты произвели на экипажи турецких гребных баркасов, бросившиеся от ракетной «флотилии» в бегство.

Осадная артиллерия была благополучно установлена напротив Силистры, и 13 мая начался массированный обстрел крепости. Турецкий гарнизон был готов к штурму и мог держаться долго. Если бы не разгром армии «великого визиря» у села Кулевчи. Рашид-паша направлялся на освобождение Варны. Главнокомандующий Русской армией генерал Иван Иванович Дибич принял смелое решение снять часть войск с осады Силистры и ударить в тыл туркам. Русские войска, около 28 тысяч человек, застали врасплох 40-тысячную армию Рашид-паши у Кулевчи. Впоследствии в честь этой победы появилось на Урале село Кулевчи. Ну а деморализованный известием о поражении Рашид-паши гарнизон Силистры 19 июня капитулировал.

Осада Силистрии в 1829 году под руководством генерала Дибича. Художник Б.П. Виллевальде

Первые русские ракетные установки на понтоне. Иллюстрация из «Военной энциклопедии»

МЯТЕЖНЫЙ КАПИТАН

После падения крепости дорога на Константинополь была открыта. В поход отправилась 37-тысячная группировка. Для перехода через Балканский хребет наскоро смастерили горную артиллерию – главным образом из старых венецианских пушек, взятых в качестве трофеев в Силистре. Разрозненные турецкие отряды серьезного сопротивления не оказали. Адрианополь, вторая столица Османской империи, сдался на второй день осады. Теперь уже ничто не мешало Русской армии идти к Босфору. Султан Махмуд II в панике запросил мира, который и был заключен на выгодных для России условиях 2 сентября 1829 года в Адрианополе.

Силистра оставалась под русским управлением еще семь лет после заключения Адрианопольского мира. Комендантом города был назначен капитан Георгий Мамарчев – известная личность в Болгарии, национальный герой. Родился он в небольшом болгарском городке Котел в 1786 году. В юности загорелся идеей независимости родины и пошел добровольцем в Русскую армию во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Воевал под началом Михаила Илларионовича Кутузова. Затем, уже в звании капитана, сражался в России против

Наполеона в войне 1812 года, участвовал в Бородинском сражении, дошел до Парижа. Отличился мужеством и храбростью, за что был удостоен многих наград. В 1821 году Георгий Мамарчев воевал за независимость Греции. А с началом Русско-турецкой войны 1828–1829 годов сформировал отряд болгарского ополчения (около 270 человек), которым и командовал в боях на Дунае.

О деятельности Мамарчева в качестве коменданта крепости мало что известно. Героя больше занимало развитие военного успеха и скорейшая независимость Болгарии. Адрианопольского мира он не принял, намеревался продолжать вооруженную борьбу. За что был даже арестован по приказу генерала Дибича. Правда, ненадолго.

В 1835 году Георгий Мамарчев организовал антитурецкий заговор в городе Тырнове. Однако среди болгарских патриотов нашелся предатель: заговор был раскрыт, почти все его участники казнены. Мамарчев остался жив благодаря российскому подданству и заступничеству российских дипломатов. Первое время он отбывал заключение в крепости города Конья (античная Икония в Малой Азии). По преданию, сам султан Махмуд II проникся уважением к храброму воину, сменил заключение ссылкой на остров Самос, где капитан получил право на пенсию и ношение офицерских регалий. Умер Георгий Мамарчев на острове 16 июля 1846 года.

Вступление
Русской армии
в Адрианополь
8 августа 1829
года. С рисунка
очевидца

Постоянного
прихода
в церкви почти
нет – обычная
картина
в сельских
храмах Болгарии

УЛИЦА ТОНИ «ЗОЛОТОЙ»

Теперь от той Силистрийской крепости не осталось и следа. А церковь, возведенная русскими в Айдемире, стоит и является самым старым храмом в регионе. Айдемир – поселение древнее, упомянуто в османских архивах еще в 1548 году. До недавнего времени оно являлось крупнейшим селом Болгарии с населением почти 7 тысяч человек.

По одной из версий, название села произошло от турецкого *ay demir* – «железная луна». Вероятно, в Средневековье здесь стояла крепость в форме полумесяца. Глядя на современное село, представляется, что такая форма укрепления здесь была уместна: Айдемир поднимается от долины Дуная террасами по склону.

Айдемирская церковь малоизвестна среди русского населения Силистрийской области и практически не посещается русскими. В историческом поселении староверов Татарице, что

всего в 3 километрах от церкви, о построенном русскими храме знают, но я не встретил ни одного человека, который там бывал.

С ходу храм можно и не заметить – ни с дороги, ни даже находясь неподалеку от него. Низенькую церковь со всех сторон прикрывают кроны сосен и кипарисов. Можно спросить в селе местных жителей, как пройти к храму Святой Троицы – всякий подскажет. Или искать самому коричневые ворота с крестом в начале улицы Златна Тоня – в буквальном переводе «Золотая (то есть прекрасная) Тоня».

Церковные ворота открыты не слишком часто. Служит здесь отец Георгий Попов из Силистры. У священника основной приход в городе, и служба в русской церкви обычно бывает раз в две недели по воскресеньям. Ежели захотелось попасть в церковь в иное время, то можно позвонить: на воротах прикреплена табличка с телефоном отца Георгия.

САД У ПОМИНАЛЬНОЙ ЧЕШМЫ

Мы договорились, что церковь мне покажет супруга настоятеля Миглена – отзывчивая матушка под стать легендарной «золотой» Тоне. Миглена чувствует себя настоящей хозяйкой церковной территории. Матушка с упоением рассказывала и показывала окружающий церковный парк: цветы, фруктовые и декоративные деревья, уродившийся красный виноград, птичник с разномастными попугаями, небольшой водоем с черепахами, своеобразные скульптуры, сделанные батюшкой из дисков старой брони.

Миглена Попова показывает пример иконографии на высушенной тыкве

В зарослях на заднем дворе церкви валяются обломки русских надгробий. Когда-то возле храма было много захоронений павших в боях и умерших от ранений воинов. Здесь же некоторое время хоронили и болгар. Сейчас от кладбища осталась лишь пара десятков камней. Надписей не разобрать. Несколько лет назад отец Георгий в память о захороненных соорудил чешму. Вообще в Болгарии так называют любой источник воды. Любят ставить такие небольшие фон-

В храме сохранилось много разной старины – в том числе османские и румынские монеты

танчики на улицах. В данном случае чешма – источник поминальный. Сооружен частью из остатков надгробий – главным образом тех, на которых хорошо сохранились изображения крестов. Венчает чешму небольшой колокол и железный крест. Был при церкви и большой старинный колокол, оставленный русскими. Миглена говорит, что он «раскололся от старости». А вот крест над чешмой, как утверждает матушка, оригинальный – с ним русские ходили на штурм крепости. Верится с трудом, что в Русской армии XIX века могли быть такие кресты – распятие похоже, скорее, на византийский крест, встречающийся и в Болгарии. Похожий крест висит и в уличной трапезной.

Попадаются здесь и каменные обломки, похожие на античные. В Айдемире вообще находят много древностей. У подножия села проходила римская дорога, а на самом берегу реки археологи нашли остатки римской дорожной станции. До строительства плотины на Дунае древнеримская дорога чаще находилась под водой. Рассказывают, что местные любители древностей каждый день припадали к радиоприемникам ровно в 15 часов 15 минут, когда по радио объявляли об уровне Дуная на завтра. И если вода отступала, отправлялись бродить по берегу в поисках античных артефактов. В самом селе жители находили и находят римские монеты. А одному из них повезло выкопать целый клад.

Полукруглая алтарная часть церкви выполнена из дерева

ПОДСВЕЧНИК ИЗ РУЖЬЯ

Айдемирскую церковь несколько раз перестраивали, прежде всего кровлю. Сохранилась фотография церкви конца XIX века, на которой она больше похожа на большую южнорусскую хату с плоской черепичной крышей. Считается, что в 1829 году церковь строили русские совместно с болгарами: стены сделали из самана, крышу – из камыша.

У входа в храм висит совсем новая мраморная доска с надписью «180 години храм Св. Троица 1834–2014 год». В данном случае юбилей пришелся на год освящения церкви, совершенно греческим митрополитом Григорием в день праздника Святой Троицы – 11 июня 1834 года.

В убранстве церкви много русского. Самые известные предметы – о них написано едва ли не во всяком упоминании о церкви – подсвечники, сделанные из «дул орудий». Реальность оказалась несколько скромнее: материалом для подсвечников послужили дула пехотных ружей длиной чуть более метра. Миглена показала и оружейную дробь, извлеченную из подсвечника при реставрации.

Интересны хорошо сохранившиеся старые русские иконы в иконостасе. Наверное, самый большой урон им нанес некий «реставратор», лет сто назад покрывший изображения лаком.

К 180-летнему юбилею в храме проводилась реставрация, в ходе которой была найдена плащаница из Казани

Подсвечник, сделанный русскими военными из дула пехотного ружья

А лак превратился в коричневые потеки, которые современным мастерам никак не удастся вывести. Царские врата эта участь миновала, но им досталось от жучка-шашеля: гроза старинных деревянных изделий испещрил врата мелкими дырочками.

Особо чтят в церкви русскую войсковую хоругвь, икону Божией Матери «Скоропослушница», икону страстотерпца Бориса. Последняя святыня была чудом найдена на рынке. В таком виде, конечно, это половина иконы: только Борис без брата Глеба.

Есть в храме и оригинальные современные образа, написанные самим отцом Георгием. Настоятель любит творчество. Иконографические изображения я заметил на карандашнице, стеклянной вазочке и даже на высушенных тыквах, одна из которых висит над входом в церковь. Еще лет пятнадцать назад церковь была разделена на мужскую и женскую часть. За отсутствием прихода женскую часть

переделали в отдельное помещение – там располагается церковная лавка, столы для воскресного чаепития, небольшая библиотека. Она немного напоминает заброшенный музей. На русских книгах XIX, а возможно, и XVIII века оседает пыль. Есть большие богослужебные экземпляры с кожаными застегками и досками в качестве обложки. Тут же на полке я заметил почерневший металлический кувшин с черной же кружкой. Миглена говорит, что русские военные использовали сосуды для «запивки» после причастия. Здесь это – экзотика, в Болгарии «запивка» не практикуется. Вообще, матушка очень интересуется православием в России и давно мечтает побывать в Казани – на родине храмовой иконы «Скоропослушница» (исследователи утверждают, что икона была написана именно в Казани. – Прим. авт.). А последняя находка стала знаковой: во время ремонта церкви среди скомканных тряпок и ветоши нашлась плащаница, подписанная «Казань. 1828 год».

Единственное известное архивное фото храма конца XIX века

БОЙ У КАРАКУЛА

После ухода русских войск из Силистры в 1836 году церковь в Айдемире продолжала служить болгарам. Русские войска снова появились здесь спустя восемнадцать лет. В ходе Дунайской кампании Крымской войны Силистрийская крепость осаждалась дважды, но до решительного штурма дело так и не дошло. В той войне район Силистры запомнился «каракульским боем», о котором немало говорили в русском высшем свете. Главным «героем» здесь стал полковник Андрей Карамзин – сын знаменитого историка Николая Михайловича Карамзина.

16 мая 1854 года отряд Карамзина был отправлен в разведку к селу Каракул, где предположительно расположились турки. Надо сказать, само появление на войне Андрея Карамзина стало большой неожиданностью. Он был женат на светской львице Авроре Демидовой – вдове известного миллионера-промышленника Павла Демидова. Но с началом Крымской войны решил вспомнить боевую молодость, оставил жизнь в роскоши и отправился добровольцем на фронт. В армии его не любили, полагая, что чин полковника он получил благодаря высоким связям, а на войне искал лишь собственной славы.

На подходе к Каракулу нужно было форсировать узкий мо-

стик через речку Тезлуй. Поручик Михаил Черняев – будущий покоритель Туркестана и главнокомандующий сербской армией – предостерегал Карамзина от переправы без предварительной разведки. Через узкий мост невозможно быстро отступать, если вдруг окажется, что на стороне турок численный перевес. Новоиспеченный полковник не послушал совета: отряд форсировал преграду, а чуть далее перешел еще один такой же мостик.

Численность разведывательного отряда составляла около 700 кавалеристов при четырех орудиях. У Каракула противник

Переправа русских войск на правый берег Дуная в марте 1854 года

В отличие от армии на заводах Нижнего Тагила, которыми управлял Андрей Карамзин, его запомнили как доброго и щедрого человека, установили ему памятник в городе

действительно был обнаружен. По оценкам опытных офицеров, им противостояла регулярная конница, причем более 3 тысяч сабель. Однако Карамзин заявил, что турок намного меньше, и приказал открыть огонь из пушек. Тут выяснилось, что боеприпасов взяли мало, стрелять вскоре стало нечем. Карамзин отдал приказ вступить в бой, хотя разумным в этой ситуации было бы отступить. Силы были явно неравны. Сам Карамзин, окруженный турками, рубился отчаянно – впоследствии на его теле насчитали 18 ран.

Отряд отступил под натиском врага к мосту, где «произошла страшная свалка и резня», как вспоминал один из участников боя. В итоге были потеряны все пушки, погибло 19 офицеров и 132 солдата. Супруга Андрея Карамзина получила известие о смерти мужа раньше, чем пришло жизнерадостное письмо, отправленное им перед началом разведывательной операции. Николай I сокрушался, что поторопился произвести Карамзина в полковники, а командующий Дунайским корпусом генерал Павел Петрович Липранди получил официальный выговор за то, что доверил малоопытному офицеру столь значительную операцию...

С того времени Силистру в России особенно не вспоминали. Что уж говорить про село Айдемир – кто может знать о его существовании? Так думалось мне, пока я писал этот текст. И вот, волею случая, оказался я на Красной площади во время масленичных гуляний. Прямо на «нулевом километре» выступал народный коллектив из... Айдемира! О чем сообщала большая деревянная доска на шесте, которую держал кто-то из «группы поддержки». Болгары в тулупах и «рогатых» шапках, обвешанные тяжелыми старинными колокольчиками для скотины, отплясывали какие-то языческие и, казалось, потусторонние танцы. Пришельцы с «железной луны» собрали целую толпу восторженных зрителей... ❶

ТЕРЕМА КИМЖИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КИМЖА ВХОДИТ В ОФИЦИАЛЬНЫЙ СПИСОК САМЫХ КРАСИВЫХ ДЕРЕВЕНЬ РОССИИ. НО ТОТ, КТО ХОТЬ РАЗ ПОБЫВАЛ ЗДЕСЬ, ЗНАЕТ О ЕЕ УНИКАЛЬНОСТИ БЕЗО ВСЯКИХ СЕРТИФИКАТОВ. В КИМЖЕ, ОТРЕЗАННОЙ ОТ ЦЕНТРОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ НЕ ИМЕВШЕЙ ГРУНТОВЫХ ДОРОГ, КОТОРЫЕ ЗАМЕНЯЛИ РЕКИ, ВРЕМЯ БУДТО ОСТАНОВИЛОСЬ. КАЖЕТСЯ, ЗДЕСЬ МОЖНО УВИДЕТЬ ТУ САМУЮ ДРЕВНЮЮ РУСЬ, О КОТОРОЙ МЫ В ДЕТСТВЕ ЧИТАЛИ В СКАЗКАХ.

КИМЖУ ОПИСАТЬ ТРУДНО. Ее бледную копию можно увидеть, если по дороге из Архангельска на Мезень заехать в замечательный музей деревянного русского зодчества «Малые Корелы». Для жителя Среднерусской равнины, привыкшего под словами «домик в деревне» подразумевать миниатюрное строение, увиденное в Кимже окажется внутренним потрясением.

Как назвать эти гигантские деревянные сооружения размером с небольшой городской дом? Избы – те самые, где живут сказочные ведуны и колдуньи? Терема, в которых пируют русские богатыри и князья? Деревенская улица – ряд таких теремов, фасадами, без лишних палисадников и заборов, выходящих к тротуарам-мосткам. Ощущение некой нереальности происходящего не покидает тебя все время, пока находишься в Кимже. Когда видишь подобные дома в музее под открытым небом, формат изначально придает увиденному некую декоративность. «В каких больших домах жили наши предки!» – восхитишься ты этим преданиям полуторавековой старины и с почтением пройдешь мимо.

Уникальность Кимжи в том, что там в таких домах до сих пор живут люди. Кимжа – живая деревня. И если вы хотите понять что-то очень важное про национальный культурный код, русскую историю, а значит, и про самих себя, там необходимо побывать.

Мы приехали в Кимжу в пасмурный день северного лета. Все было залито холодным серым цветом: бревенчатые стены огромных строгих домов, бока лодок, сохнувших на берегу реки, замершие крылья мельниц, возвышающийся над деревней храм. Молчаливая, мощная, настоящая – Кимжа влюбила в себя с первого взгляда. Нашим проводником в Кимже стала директор местного Культурно-музейного центра Евдокия Гавриловна Репицкая. Она повела нас по главной улице Кимжи, которая, как и положено, выходит к храму – шаг за шагом погружая в прошлое деревни.

«КИМ ЗДЕСЬ ЖИЛ»

Согласно первым упоминаниям в летописи, Кимжа возникла в начале XVI века. Крестьянину Киму из пинежской деревни Немнюга приглянулось это место. На высоком, красном от песчаника-мергеля правом берегу притока Мезени он построил дом для своей семьи и небольшую часовню. По соседству стали селиться и другие, но имя первого обитателя этих мест люди не забыли. Говорили своим быстрым говором: «Ким здесь жил». Вот и получилось – сначала выселок, потом деревня Кимжа.

Есть и другие версии происхождения названия реки и деревни. Одни полагают, что произошло оно от финно-угорского слова «киима» – «токовище»: со всех сторон деревня окружена лесами, богатыми глухарями и тетеревами. Другие ссылаются на саамское толкование названия: «кимжи» на языке этого северного племени значит «река, у которой много следов».

Жители деревень Русского Севера, как правило, имели свое групповое прозвище. Кимжан называли «чернотропами». Исследователь истории Мезенского края, краевед Николай Окладников упоминает несколько возможных источников этого прозвища. Например: кимжане – колдуны, они наводят порчу и насылают сглаз, поэтому жители других мезенских деревень относились к ним с опаской. Другая версия утверждает, что кимжане позже всех по Мезени перешли с «черных» бань на «белые». Вот попарится кимжанин, идет домой, а за ним на белом снегу – след от банной сажи. Еще одна версия утверждает, что, когда в Кимже топили по-черному бани, копоть от дыма застилала снег и от нее оставались черные следы. Наконец, говорили, что вокруг Кимжи стоят глухие леса, в которых легко заблудиться – заплутать по «черным», непроходимым тропам.

Кимжа напоминает музей под открытым небом, но в огромных столетних домах по-прежнему живут люди

**ПО «ПЛОЩАДЯМ»,
ПО «ЗАПОЛЬКАМ»**

В Кимже у улиц нет названий, а где идешь – все равно легко понять. Дома расположены в три «порядка», окнами смотрят на реку и центральную улицу. «С берега через подгорье выходим к горкам. Хотите сделать крюк – ступайте по задам, потом по заполькам – самой дальней, третьей улице. А мы идем по

центральной, по «площадям», – объясняет наша провожатая. Спускающийся к реке проулок с незапамятных времен делит деревню на два конца, направо – верхний, налево – нижний. Названия давали по реке – какой край деревни лежит выше по течению, тот и верхний. Вдоль центральной улицы Кимжи выстроился ряд изб – шестистенок и пятистенков. Если две

Лодка испокон веков была здесь в каждом доме – жители деревни кормились от реки

основные комнаты делятся одной стеной – это пятистенки. А если дом такой большой, что его внутри можно разделить и двумя стенами, перед нами шестистенок. В пятистенке комнаты имеют между собой прямое сообщение, в шестистенке их разделяет холодный коридор. Через дорогу такой же линией тянутся огромные амбары. Амбары могли стоять и на территории крестьянского двора, но обычно их выносили за его пределы. Деревянная Кимжа горела много и часто. Женщины ходили доить коров, зажав в зубах лучину, «щепинку», как здесь го-

ворят, – пока она тлеет, хозяйке надо успеть подоить корову. Но стоило искре попасть на лежащее рядом сено, как дом вспыхивал. Поэтому все самое ценное – прежде всего хлеб – люди выносили в амбары. Как и дома, амбары часто были двухэтажными. На первом этаже располагались сусеки для зерна, те самые, по которым надо «поскрести» в самый черный день. На втором этаже хранили зимнюю одежду. По размеру амбара судили о том, насколько зажиточна семья. Крестьянской семье в Кимже конца XIX века могло принадлежать от одного до трех амбаров.

Река Мезень берет начало в болотах Тиманского кряжа и впадает в Белое море. Река Кимжа – ее левый приток

ШЕСТИСТЕНКИ НА «ПЕРЕДЫЗЬЕ»

Дома в Кимже из века в век принадлежали, как правило, одному роду. Поэтому у каждого из них есть имя. Вот дом Дерягиных – самый нарядный, единственный в деревне, где на окнах есть декор. «Если бы мы в соседнюю Кильцу поехали, там бы такие дома с украшениями увидели. А в Кимже дома построжее, посуровее», – рассказывает Евдокия Репицкая. Теперь уже трудно узнать, нанимали ли хозяева работников делать резьбу или выпиливали ее сами, но род Дерягиных был очень мастеровой. У них даже прозвище было Мастеровы. Умели делать многое.

Самый старый дом в Кимже – Федора Сафронова. На его консоли вырезана дата – 1849. На первом этаже находится жилая зимняя изба, на втором – две летние, на чердаке – светелка. С конца XIX века дом обшит тесом, кровля, как почти у всех кимженских домов, построена без гвоздей. Центральное бревно над кровлей, охлупень, венчает традиционное мезенское украшение.

Дома в Кимже, некогда давшей приют старообрядцам, суровые и строгие. Здесь редко увидишь деревянное кружево

Обычно на охлупне вырезали деревянных коней, но на самом старом доме Кимжи конскую голову украшают настоящие оленьи рога. Ученые видят в этом следы культа оленя, который был развит на Мезени, хотя и не так сильно, как культ лошади.

«Испокон веков здесь жила добротная, хорошая семья. Люди умели жить, умели работать. И прозвище у этой семьи было красивое – Волгины. А настоящая их фамилия Митькины. В Кимже две самые распространенные фамилии – Митькины и Паюсовы, а причем здесь Волга, не знаю», – признается Евдокия Гавриловна. Было у Волгиных шестеро детей. Когда в 1930-х Волгины попали под репрессии, детей отдали в детдом. Только старшая девочка успела в 16 лет «выбежать» замуж.

В добротном доме Митькиных много лет была школа, потом медпункт. Затем дом долго пустовал. В советские времена его передали матери и сыну Сафроновым, у которых не было своего жилья. Мать давно умерла, а сын Федор живет в Мезени. Известный человек

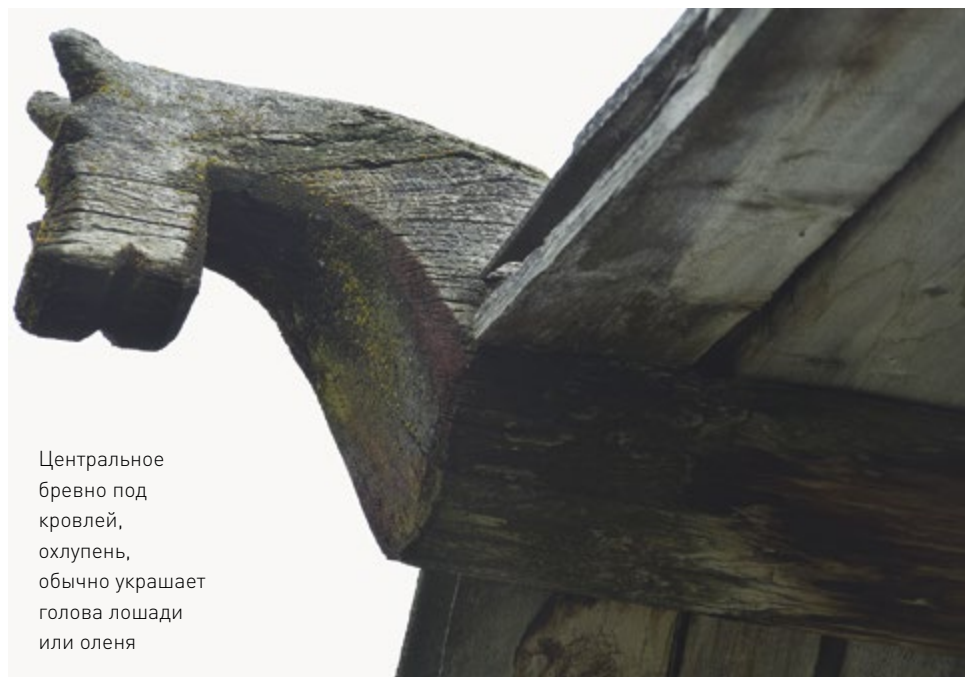
Местный музей крестьянского быта – Политов дом. Его экспонаты еще недавно были предметами повседневного обихода

в районе, путешественник, объехавший на велосипеде полмира, он летом неизменно возвращается в Кимжу.

На доме Волгиных прибиты две красных звезды. Дети репрессированных Митькиных из детдома ушли на фронт. В Кимжу они больше не вернулись, но их звезды все равно висят на отчем доме.

ПОЛИТОВ ДОМ

Недалеко от Митькиных стоит дом Политова, в котором находится музей Кимжи. Политов дом остался без присмотра еще в 1984 году. Последняя хозяйка ушла к мужу, дом пустовал двадцать лет и – выдержал. В 2004 году силами местного ТОС кимжане выкупили его под музей. Приходили на суббот-

Центральное бревно под кровлей, охлупень, обычно украшает голова лошади или оленя

Расписные сани-пошевни рассчитаны на двух человек. Подкатить на Масленицу на таких саночках к теще на блины считалось особым поморским шиком

ся раз в сутки. Поэтому хозяйка с утра должна была все крынки поставить в печку и приготовить на целый день горячую еду. Тут же она качала в колыбели-зыбке ребенка, долгими зимними вечерами пряла. На зыбке, показываает Евдокия Гавриловна, вырезан оберег: дата, когда она была сделана, и подпись мастера. Вытесал колыбель 130 лет назад Александр Артемьевич Крупцов, гласит надпись. «Это мой дед, – рассказывает Евдокия Гавриловна. – Папа был в семье последним из четырнадцати, да и я потом у него была последняя – из шести. Большой разрыв поколений. Вот считайте, сколько детей качалось в этой зыбке за 130 лет».

Большинство вещей, старинную глиняную и деревянную посуду, которой пользовались до последнего, музей получил в наследство вместе с домом. Но постепенно появились и другие экспонаты. Односельчане несут родовые реликвии, обнаруженные в сараях и на чердаках. «Все кимженское, подлинное», – гордится музеем Евдокия Гавриловна.

ники: мужчины ремонтировали стгнивший пол, женщины сдирали со стен старые обои, чтобы открыть столетние бревна. Только вот давно лишившийся хозяев дом плохо держит тепло, сокрушается Евдокия Гавриловна: экскурсанты мерзнут. Но это не мешает нам бродить по нему, пытаясь разглядеть прошлое. Политов дом дает исчерпывающее представление о внутрен-

нем устройстве северного крестьянского жилья. Вот зимняя изба с печкой. Печкой обогревали помещение, готовили в ней еду, она была и лежанкой для стариков – «лечились, косточки грели». А вот в горнице зимой не жили – топить сразу две печи в доме было роскошью. Место, где проходила жизнь поморской женщины, называлось «бабий кут». Русская печка топит-

Почти двадцать лет идет реставрация главного храма села

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Минуем только что переживший ремонт местный Дом культуры, гордо называемый теперь Культурно-музейным центром. На его стенах висят фотографии погибших односельчан и выразительные пейзажи московского художника Леонида Зорина, запечатлевшего Кимжу еще в 1970-е. Проходим мимо закрытой школы – в 2018 году здесь отучился последний ребенок, и теперь в школьных классах длинными зимними вечерами местные бабушки ткут суровые серые полотна с красными конями. А потом перед нами возносится к небу деревянная пятиглавая Одигитриевская церковь – памятник федерального значения.

Она была построена в 1709 году. Кимжане считали себя потомками новгородцев, сами были мореплавателями. Неудивительно, что 40-метровую

40-метровая колокольня была издалека видна мореплавателям

Колокола для восстановленной церкви купили потомки рода Дерягиных, знаменитых местных литейщиков

церковь на берегу реки, откуда кимжане отправлялись на опасный зверобойный промысел в Белое море, сельчане посвятили иконе Божией Матери Одигитрии-Путеводительницы. В конце XVII века церковь сгорела от молнии, но уже в начале XVIII столетия на средства прихожан была отстроена заново. В 1763 году построили отдельную колокольню, потом ее заменили новой, объединенной

с храмом. В 1895–1901 годах Одигитриевская церковь последний раз ремонтировалась, с 1936 года стояла закрытой. В 2001 году ее начинали восстанавливать методом лифтинга, а уже в 2008-м было принято решение реставрировать методом переборки. Церковь раскатали до основания и собрали вновь.

Еще полностью не заменены полы, еще чернеют старые оконные рамы, но здесь уже идут службы. А в июле 2019 года на Одигитриевской церкви освящали колокола. Привезли их в Кимжу потомки местного знаменитого рода Дерягиных. Несколько поколений Дерягиных занимались медным литьем. В благодарность предкам кимженские благотворители, заслуженная артистка России Алла Сумарокова и Андрей Чудинов, заказали на Урале шесть колоколов и установили их на колокольню.

Кимженские
мельницы –
памятники
регионального
значения

САМЫЕ СЕВЕРНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ

Если не испугаться пронизывающего поморского ветра, выйти за околицу и пройти около километра, можно увидеть еще одну гордость Кимжи – ее мельницы. В XIX веке мельницы нередко сплошным кольцом окружали поморские села. Как утверждает статистика, в 1870 году в Мезенском уезде было около 60 мельниц, и 10 из них стояли в Кимже.

Северные мельницы-«столбовки» имеют особую архитектуру. Они стоят на врытом в землю столбе, окруженном сужающимся кверху бревенчатым срубом – «ряжем». На ряжевой подставе вращается мельничный амбар. С изменением ветра мельничный амбар поворачивают с помощью длинного бревна, «воротила», как его называли на Мезени. Владельцами мельниц были крестьяне все тех же исконных кимженских родов – Попо-

Мельницы-«столбовки»
стоят на врытом в землю
столбе, окруженном
сужающимся кверху
бревенчатым срубом –
«ряжем»

вы, Окуловы, Дерягины, Сафоновы, Немнюгины, Митькины. Конфискованная дерягинская мельница работала как колхозная аж до 1960-х годов. Самые северные в мире, кимженские мельницы считались памятниками архитектуры регионального значения, однако к началу XXI века оказались полностью заброшенными. Но Кимжа вытянула счастливый билет: в 2008 году был запущен совместный российско-голландский проект, в 2010-м мельницы восстановили, а в 2011-м у возрожденных мельниц прошел фестиваль. Теперь в одной из них открыли музей «Северные мельницы». До сих пор на самые большие праздники мельницы запускают, и тогда можно услышать, как скрипят их огромные крылья. А в кимженском клубе проводят международные конференции молинологи – ученые-специалисты по ветряным мельницам.

ОБЕТЫ И ОВЕТЫ

Намолотого на кимженских мельницах зерна хватало и себе, и соседям. Хотя основным занятием «чернотропов» было вовсе не земледелие. Даже неприхотливые рожь и ячмень часто не вызревали здесь из-за холодного лета. Главным занятием кимженских крестьян была рыбалка. Кимжане ловили рыбу не только в местных реках. На своих судах они ходили на рыбный и зверобойный промысел на Канин Нос. Белое море рядом – по Кимже в Мезень, дальше до Мезенской губы и – вот оно! В 1865 году из 200 с небольшим жителей Кимжи в возрасте от 14 лет рыбной ловлей занимались 70 человек, а морским зверобойным промыслом – 50.

Стоит ли удивляться после этого, что неизменной частью пейзажа Кимжи, как и других деревень по Мезени, были деревянные кресты? Да такие, что видно было издалека, – собранные из толстых брусьев, имевшие высоту двухэтажного дома. Наиболее почитаемыми из них были обетные – поставленные по обещанию, обету, а самой распространенной

Единственный дом в Кимже, где сохранился настоящий взвоз. По нему воз с лошастью поднимался прямо в хозяйственную часть – на поветь, чтобы не разгружать его внизу

На фронт из семьи Анны Гавриловны Паюсовой ушло шесть сыновей. Пятеро не вернулись. В память о них односельчане поставили поклонный крест

Обетных
крестов
на Мезени
было много.
Уходя в суровое
северное море,
промысловики
давали обет
поставить
крест – если
вернутся
живыми

КРЕСТЫ КИМЖИ

Евдокия Гавриловна отпирает большой амбар: «Здесь у нас музей крестов». Кимженские кресты, охранявшие раньше деревню, подгнивают и падают, и это страшно, говорит она. А в музее их удастся сберечь.

Заходим в добротное деревянное помещение. Тут хранятся кресты Кимжи. Ставили здесь кресты и на территории крестьянских дворов, и за овином, амбаром, за околицей, у мельниц – как оберег от неурожая и опасностей. «Вот этот крест стоял как оберег на обочине деревни. А этот нам отдал новый хозяин дома», – показывает Евдокия Репицкая на огромный крест, украшенный криптограммой – четырьмя буквами «С». Рядом в табличке – расшифровка молитвы. Единственный не кимженский крест интересен тем, что три солнца и луна, которыми обычно украшали такие кресты, вырезаны здесь на большой перекладине, а не внизу. Еще один крест висит под потолком амбара. «Мы сняли его с нашей церкви, когда у нее начали реставрировать купола. Повесили его вот так, над головой, чтобы мы могли, как и раньше, на него молиться», – объясняет наша спутница.

Пока старые кимженские кресты бережно хранят в местном музее, сегодняшнюю Кимжу оберегают три новых креста. Один стоит там, где был дом Паюсовых. Анна Гавриловна Паюсова проводила на фронт шестерых сыновей, а вернулся домой только один. Как дань памяти великому мужеству и горю матери поставили односельчане этот памятник. В списке погибших в Доме культуры Паюсовых человек двадцать. «Паюсовы – самый старый кимженский род. Да вот Митькины еще, – говорит Евдокия Гавриловна. – Митькиных в скорбном списке еще больше». Второй крест, который появился в деревне в рамках грантового проекта, кимжане поставили Анне Александровне Крупцовой, пострадавшей за веру. Третий крест стоит возле дороги в

формой обета было обещание пожертвовать на крест отрез материи. Чем тяжелее опасность, от которой удалось избавиться, тем длиннее был кусок полотна. Украшали кресты также полотенцами, платками, куклами. Принося овет, люди просят Бога об исцелении и отдают ему в знак благодарности вещь. Вешают ее на крест, молятся, верят, что исцеление наступит. В Кимже еще совсем недавно существовала традиция шить на Пасху рубашку из белого полотна с вышитым крестом посередине и надевать ее на оветные кресты. Теперь с креста сняты и пелены, и рубахи – они висят рядом на специальном щите.

Самый дорогой сердцу кимжан крест стоит на берегу реки в полутора километрах от Кимжи. Он поставлен поморским купцом Савиным в 1887 году в память «о спасении от утопления в р. Мезени». Крест украшают вырезанное распятие и криптограммы – изречения из Евангелия. «Ему всегда поклонялись, к нему всегда шли, – говорит Евдокия Гавриловна. – Никогда крест Савина не был забыт». В годы богоборчества один из кимженских жителей отсек верхнюю часть распятия с головой Христа. Ее бросили в реку, но доску прибило к берегу. Де-

ревенские мальчишки притащили ее взрослым. Один старик спрятал главу за божницей, где ее и хранили, пока времена не поменялись и отсеченную часть распятия не вернули на место. Но если приглядеться, след от удара на старом дереве виден до сих пор.

Собаки
в Поморье
выносливые
и привыкшие
к трудностям.
Как и люди

деревню, на спуске к храму, на месте одного из хранящихся в музее крестов.

Хотя в Кимже жили искусные столяры, здесь почти не увидишь на домах изящных деревянных узоров. Кимжа – деревня суровая, старообрядческая. На Мезени в Окладниковой слободе с 1664 по 1665 год находился в ссылке протопоп Аввакум. Потом Аввакума отправили в Москву и сослали в Пустозерск, но на Мезени остались его ученики – местный юродивый Федор да москвич Лука Лаврентьевич. В марте 1670 года за распространение посланий Аввакума Федор и Лука были повешены. На месте их захоронения установили сруб, и Окладникова слобода стала местом поклонения староверов со всей России. Дорогорская волость, в состав которой тогда входила Кимжа, была одним из мест распространения старообрядчества на Мезени. В 1937 году Анна Александровна Крупцова вместе с тремя другими кимженскими старообрядцами была арестована, а в феврале следующего года расстреляна.

Анна Крупцова – родная тетя Евдокии Гавриловны. Старшая в семье, Анна так и не вышла замуж и фактически заменила остальным детям мать. Отец всегда был на охоте, мать на работе, а Аня заправляла хозяйством. Училась она очень хорошо, окончила с похвальным листом церковноприходскую школу. И когда был арестован последний священник Кимжи, Василий Олимпиевич Гольчиков, она неожиданно для себя заменила его. К ней шли за советом, просили помочь составить нужный документ и потихоньку молились. Когда Анну арестовали, вся семья ездила к ней в райцентр, уговаривала отречься от веры. Она сказала: «Пойду страдать за Христа». Ей было 33 года. Где и когда приговор привели в исполнение, Евдокия Гавриловна до сих пор не знает, но очень надеется узнать. «Сейчас архангельский историк Наталья Васильевна Дран-

Центральная улица села идет мимо клуба, ставшего культурно-просветительским центром

никова ведет серьезное расследование. Наша тетя Анна была в одной группе приговоренных с ее дедом, и, может быть, мы скоро узнаем их судьбу». «Вам важно, что Анна Александровна – ваша родственница?» – спрашиваю я Евдокию Гавриловну. «Да, – отвечает та. – Она наш род охраняет, а мы храним память».

...Кимженская улица подходит к концу. И я, глядя на коньков под крышами, вспоминаю повесть «Деревянные кони», которую уроженец соседнего Пинежья, писатель Федор Абрамов, посвятил Кимже. «До сердечной

боли», напишет Федор Александрович, хотелось ему вновь услышать здесь молодое, залившееся ржание, которое слышала деревня в свои лучшие годы. «А лошадей у вас держат?» – спрашиваю я Евдокию Гавриловну. «В Кимже одна осталась. Но, может, нам повезет, и мы увидим диких. Не то чтобы они совсем дикие – бывшие совхозные, теперь никто за ними не присматривает. Такие... неприбренные. А кони-то местные, кимженские, тут конюшня была, вот они к нам все время и возвращаются. Память у них осталась...». ■

В 2018 году в Кимже окончил школу последний ученик, но жители самого красивого села Мезени надеются, что рано или поздно сюда вернется жизнь

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru